

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. 144 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2025, no. 3. 144 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПАРАДИГМЫ И ТРАЕКТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Багдасарян В. Э.* Исторические модели российского школьного образования: образовательные реформы в контексте государственных идеологических трансформаций8
- Резвушкина С. А.* Непрестанная литургия: православная антропология в формировании русской цивилизационной идентичности37

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Сорокин А. А.* Дискуссии об организации мелкой земской единицы в Российской империи на основе церковного прихода на рубеже XIX–XX вв.50
- Занько Е. А.* Голод на освобождённой территории Орловской области (1942–1945 гг.): причины, особенности, жертвы, меры помощи.62

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Лученков И. Р.* Сравнительно-исторический анализ идеологии Заки аль-Арсузи, философа арабской нации.75
- Лескова И. В., Левчик Д. А.* Заклятые союзники: отголоски панамериканизма в советско-американском Соглашении о ленд-лизе87

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Тихомиров Н. В.* Материалы студентов Ленинградского политехникума путей сообщения о работе в деревне как исторический источник95
- Задоя Н. А.* Особенности отечественной историографии войны в Афганистане 1979–1989 гг.109

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ларина Ф. Ш.* Особенности радикальных течений и борьба с международным терроризмом в современной геополитике.119
- Кожухова К. Е.* Преемственность американской стратегической культуры в стратегиях национальной безопасности США130

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: RUSSIAN EDUCATION: PARADIGMS AND TRAJECTORIES OF HISTORICAL DEVELOPMENT

- V. Bagdasaryan.** Historical Models of Russian School Education: Educational Reforms in the Context of State Ideological Transformations.8
- S. Rezvushkina.** Ceaseless Liturgy: Orthodox Anthropology in Shaping Russian Civilizational Identity37

DOMESTIC HISTORY

- A. Sorokin.** Discussions on the Organization of a Small Zemstvo Unit in the Russian Empire on the Basis of a Church Parish at the Turn of the 19TH–20TH Centuries50
- E. Zanko.** Famine in the Liberated Territory of the Orel Region (1942–1945): Causes, Characteristics, Victims, Measures of Assistance62

WORLD HISTORY

- I. Luchenkov.** Comparative and Historical Analysis of the Ideology by Zaki Al-Arsuzi, Philosopher of the Arab Nation75
- I. Leskova, D. Levchik.** Sworn Allies: Echoes of Pan-Americanism in the Soviet-American Lend-Lease Agreement87

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- N. Tikhomirov.** Materials of Students of the Leningrad Polytechnic School of Communications on Work in the Countryside as a Historical Source95
- N. Zadoya.** Features of the Domestic Historiography of the War in Afghanistan 1979–1989 ... 109

POLITOLOGY

- F. Larina.** The Features of Radical Movements and the Fight Against International Terrorism in Modern Geopolitics.119
- K. Kozhukhova.** The Continuity of American Strategic Culture in U.S. National Security Strategies130

Тема номера: РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПАРАДИГМЫ И ТРАЕКТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2022 год стал водоразделом, запустившим процессы пересборки цивилизационной идентичности и переосмысления стратегических приоритетов. Конфликт с консолидированным Западом не только обозначил внешние вызовы, но и внутренне обнажил исчерпанность ряда парадигм, ориентированных на встраивание в западные шаблоны. Возникла необходимость в ревизии институциональных практик, прежде всего, в ключевых сферах, определяющих вектор развития российского общества. Одной из таких сфер выступает образование.

Образование есть в сути своей механизм цивилизационного воспроизводства. Через него осуществляется передача идентичности, базовых ценностей, поведенческих норм и социального опыта из поколения в поколение. Когда система образования встраивается в соответствии с собственными цивилизационными кодами, она становится источником мобилизационного ресурса. Такие периоды приводят к стратегическим прорывам – в науке, культуре, общественном устройстве. Наоборот, отступление от идентичных оснований и ориентация на внешние, инородные модели размывают смысловое ядро образования. Следуют разрывы культурной преемственности, утрата исторических ориентиров, деформация сознания, порой – цивилизационные катастрофы. Образование, утратившее связь с собственной культурной матрицей, перестаёт быть воспроизводством и становится разрушением. Именно потому вопрос об образовании – это

вопрос о судьбе цивилизации. Речь идёт не о форме подачи материала, не о технологиях, а о содержательном ядре. Образование либо воспроизводит цивилизацию, либо её демонтирует.

Российская школа, исторически рассматривавшаяся как одна из лучших в мире, не была просто системой передачи знаний. Она являлась механизмом цивилизационного воспроизводства – институтом, в котором формировался человек культуры, гражданин, носитель ценностно-смысловых оснований России. Воспитание и педагогика в этом контексте не вспомогательные элементы, а ось образовательного процесса. Сегодня запрос общества всё более явно артикулируется как запрос на встраивание цивилизационно-идентичной модели образования, способной формировать личность, сопряжённую с историческим кодом, культурной традицией и государственно-национальными смыслами.

Осмысление прошлого является необходимым условием движения вперёд. В истории российского образования накоплен уникальный потенциал – как в формах, оказавшихся жизнеспособными и продуктивными, так и в проектах, обнаживших системные изъяны. Этот опыт требует внимательной реконструкции и анализа. Переосмысление пройденного пути – условие для принятия комплексных стратегических решений, стоящих сегодня перед российским государством.

Образование неразрывно связано с образом человека, который оно стремится воспроизвести и транслировать.

Антропология – в её философском, религиозном или социокультурном выражении – изначально задаёт педагогику: определяет цели воспитания, структуру личности, представление о должном и идеальном. Каждое общество, каждая цивилизация воспроизводит через образование собственный антропологический идеал. Размывание целевого идеала ведёт к пробуксовке всей образовательной системы.

В условиях современных вызовов – технологических трансформаций, утраты ценностных ориентиров, глобального

идеологического давления – особенно остро встаёт вопрос о цивилизационно идентичном образе человека. Это не просто реакция на внешние вызовы, но необходимость восстановления преемственности смыслов, сопряжения образования с глубинными основаниями историко-культурного опыта. Возникает задача выработки такой педагогики, которая будет опираться на традиционные представления о человеке как существе духовно-нравственном, способном к служению, соборности, ответственности перед прошлым и будущим.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-8-36

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Багдасарян В. Э.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

Поступила в редакцию 25.06.2025

После доработки 30.06.2025

Принята к публикации 04.07.2025

Аннотация

Цель. Реконструкция моделей школьного образования в истории России XX–XXI вв. Проведение их сравнительного анализа в перспективе формирования нового стратегического курса Российской Федерации в сфере образования

Процедуры и методы. Ключевым используемым в исследовании методом явился метод исторической компаративистики, позволивший провести сопоставление моделей школьного образования в России в фокусе максимизации образовательных и воспитательных потенциалов российской школы.

Результаты. Проведённое рассмотрение позволило выявить десять исторических моделей российской школы, различаемых по своим целевым установкам и педагогическим подходам. Каждая из моделей обнаруживает контекстность идеологическим трансформациям в истории России. Наибольшие потенциалы при проведении сравнительного анализа обнаруживают модели неоклассической школы и школы фундаментальных наук.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования направлены на целевое использование при формировании стратегического курса политики в сфере образования в Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: образование; школа; образовательные реформы, обучение; воспитание; педагогика; учитель; Российская империя; СССР; Российская Федерация

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 125062007342-8 «Исследование ценностно-мировоззренческих оснований российской педагогической антропологии»).

Для цитирования:

Багдасарян В. Э. Исторические модели российского школьного образования: образовательные реформы в контексте государственных идеологических трансформаций // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 8–36.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-8-36

Original research article

HISTORICAL MODELS OF RUSSIAN SCHOOL EDUCATION: EDUCATIONAL REFORMS IN THE CONTEXT OF STATE IDEOLOGICAL TRANSFORMATIONS

V. Bagdasaryan

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

Received by the editorial office 25.06.2025

Revised by the author 30.06.2025

Accepted for publication 04.07.2025

Abstract

Aim. The aim of this study is to reconstruct models of school education in the history of Russia during the 20th and 21st centuries and to conduct their comparative analysis in the context of shaping a new strategic course for the Russian Federation in the field of education.

Methodology. The primary method employed in the research is historical comparative analysis, which enabled the comparison of school education models in Russia through the lens of maximizing the educational and pedagogical potential of the Russian school system.

Results. The study identified ten historical models of the Russian school, each distinguished by its educational goals and pedagogical approaches. These models reflect the ideological transformations within Russian history. Among them, the neoclassical school model and the model of fundamental sciences exhibit the highest potential in comparative analysis.

Research implications. The findings are intended to inform the development of a strategic policy course in the field of education in the Russian Federation at the current stage.

Keywords: education; school; educational reforms; teaching; upbringing; pedagogy; teacher; Russian Empire; USSR; Russian Federation

Acknowledgments. The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme no. 125062007342-8).

For citation:

Bagdasaryan, V. E. (2025). Historical Models of Russian School Education: Educational Reforms in the Context of State Ideological Transformations. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 8–36.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-8-36

Введение

Восстановление суверенитета и цивилизационной идентичности России предполагает в качестве важнейшего компонента ресуверенизацию российского образования. Суверенные потенциалы страны закладываются исходно, во-первых, через воспитание граждан, во-вторых, через принятие суверенной идеологии, в-третьих, через способности общества освоить необходимые для обеспечения

национальной безопасности технологии. На основе этих критериев следует сформировать оптимальную модель нового российского образовательного прорыва.

Специальная военная операция подтолкнула назревшие шаги в направлении такого поиска. В 2022 г. Россия вышла из Болонского процесса, ставшего символом глобализации и поражения национальной суверенности. Решением правительства были заморожено рейтингование

российских учёных по международным индексам научного цитирования, устанавливающим приоритетность западной науки. Указ Президента № 809¹ задал вектор переориентации на цивилизационно-ценностные основания в сфере воспитания. Разработка Стратегии развития системы образования в Российской Федерации призвано оформить совокупность предпринимаемых шагов в перспективу стратегического курса.

Все эти предпринимаемые действия было бы целесообразно при этом соотносить с российским историческим опытом, дающим возможность выявить как наиболее успешные, так и деструктивные подходы в образовательной политике. Исторические зигзаги политического курса в образе цивилизационного маятника, включая инверсии в развитии системы образования даёт в этом отношении большие возможности. Между тем многие шаги в современных образовательных реформах повторяют то, что уже апробировалось в прошлом, приведя как к положительным, так и отрицательным результатам. Как правило, понимание наличия исторических аналогов при этом отсутствует. Нет систематизированных знаний о такого рода реформах в истории российского образования. Оценивая, в частности, советскую образовательную систему, кто-то резко отрицательно, кто-то апологетически упускают из виду, что она не представляла собой константный вариант, существенно трансформируясь с течением времени [1]. И критика, равно как и апологетика, которые могут быть применены к одному периоду, корректно неприменимы к другому [4].

Существует широкий пласт литературы, посвящённый истории российского образования и непосредственно образо-

вательным реформам [12; 26; 27; 28; 38; 54]. Гораздо в меньшей степени анализируются потенциалы – плюсы и минусы сформированных соответствующими реформами моделей. Сравнительный же анализ моделей с позиций их преимуществ и недостатков обнаруживается достаточно редко [34; 35]. Между тем такое сравнение было бы крайне важно при выборе стратегии развития образования – как понимание того, с какой из моделей прошлого она будет соотносима, а какая противопоказана [5; 6].

Целевая установка исследования состоит в проведении компаративистского анализа моделей систем школьного образования и воспитания в полуторавековой ретроспективе. Целевой ориентир исследования определил ключевой применяемый метод сравнительно-исторического анализа (метод исторической компаративистики).

Анализ моделей систем школьного образования и воспитания

Для сравнения взято 8 реконструируемых моделей российского образования. Каждая из них задавалась соответствующим идеологическим контекстом государственного развития.

1. Модель школы сословного служения

Модель образования в Российской империи представляла собой школу сословного служения – систему, в которой структура и содержание обучения прямо зависели от социальной стратификации. Такая система восходила к этике сословного тягла, где каждому сословию отводилась своя функция в служении государству, а обучение и воспитание мыслились как подготовка к исполнению именно этого долга. Образование не мыслилось как универсальное право личности. Его предназначение состояло в подготовке человека к исполнению функций, определённых его сословной принадлежностью, с закреплением в рамках нормативно-государственной иерархии.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 05.06.2025).

С другой стороны, в традиции православной цивилизации каждый человек, независимо от сословия, рассматривался как духовное существо, призванное к нравственному совершенствованию. В этом отношении христианское просвещение должно было быть доступно каждому, а его трансляция осуществлялась через систему церковного образования. Пока функции образования находились в ведении церкви, противоречий между духовной миссией и образовательной задачей не возникало: школа выступала продолжением пастырства.

Однако с ростом объёма знаний, выходящих за рамки церковного канона, и оформлением гражданской школы встал вопрос о каналах и формах передачи мировоззренческих основ вне структуры церкви. Возникла необходимость институционализированной государственной политики в сфере образования. Именно Россия стала первой страной, в которой это направление было оформлено на государственном уровне: в 1802 г. учреждено Министерство народного просвещения как орган, сочетающий административную координацию образования с миссией просвещения личности [58].

Показательно, что во Франции аналогичное ведомство возникло чуть позже и носило иное название – Министерство народного инструктажа (*Ministère de l'Instruction publique de France*). Уже сама семантика названий фиксирует расхождение в подходах. Русское понятие «просвещение» содержит акцент на внутреннем свете, духовно-нравственном озарении и восхождении к истине, тогда как «инструктаж» во французской традиции предполагает передачу знаний как формализованных процедур, лишённых онтологического измерения.

Завершение институционализации модели школы сословного служения происходит в эпоху правления Николая I. Устав 1828 г. законодательно закрепил трёхуровневую систему, соотносимую с

социальной иерархией¹. В пореформенную эпоху Александра II обозначился сдвиг в сторону всесословного подхода. Однако всесословность обучения не означала фактического равенства сословий в обучении.

Несмотря на массовое открытие школ, уровень грамотности населения оставался низким. По данным Б. Н. Миронова, в 1889 г. грамотными были лишь 31 % мужчин и 13 % женщин, к 1913 г. – 54 % и 26 % соответственно [47, с. 491–496]. В армии треть солдат к началу Первой мировой войны оставалась малограмотной². В то время как в США, Германии, Франции, Великобритании и что особо показательно – в Японии доля грамотного населения превышала 90 %, в Российской империи к 1913 г. умели читать лишь около половины мужчин и лишь четверть женщин, что свидетельствовало о структурной нефункциональности массовой школы. В перспективе надвигающихся мировых войн такое отставание становилось фактором стратегической уязвимости [10; 56, с. 304; 69, с. 19–20]. Низовая школа давала минимальный объём знаний, тогда как классические гимназии обеспечивали полноценную подготовку к университетскому образованию и отличались высоким академическим уровнем.

Характерной особенностью модели образования в Российской империи было институциональное разграничение типов учебных заведений по сословному признаку. Образовательная система закрепляла за каждым сословием свой тип школы и соответствующий круг знаний:

¹ Об Уставе Гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. Указ Правительствующему Сенату // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1864. 694 с. С. 150–209.

² Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. СПб. Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 56.

церковно-приходские школы, начальные народные училища, городские школы, реальные училища, гимназии.

Ключевыми компонентами педагогической модели образования в Российской империи стали, с одной стороны, немецкая дисциплинарно-организационная традиция, с другой – русская христианско-нравственная линия воспитания. Их синтез определил идейно-содержательный облик школы Российской империи, придав системе как внутреннюю структурность, так и мировоззренческую наполненность.

Немецкая составляющая была воспринята, прежде всего, в гимназическом образовании, ориентированном на строгую последовательность, иерархию и интеллектуальную выверенность учебного процесса. Ведущую роль здесь сыграла педагогическая система И. Ф. Гербарта, для которой были характерны принципы целенаправленности, поэтапного усвоения знаний, системной организации обучения и подчёркнутого рационализма [17]. Гербартовская модель легла в основу архитектуры российской гимназии, особенно в части формальной логики изложения материала, этапности формирования понятий и иерархии учебных целей. Эта дисциплинарная структура стала одним из важнейших инструментов образовательной стандартизации и внутреннего упорядочивания школы.

Русская педагогическая традиция, напротив, придавала образованию мировоззренческое и нравственное измерение. Она формировалась на основе православного представления о человеке как существе духовном, призванном к внутреннему совершенствованию. Центральными фигурами здесь выступали К. Д. Ушинский и С. А. Рачинский. Ушинский выстраивал педагогику как науку о развитии личности, производную от педагогической антропологии, подчёркивая значение родного языка, национального начала и веры как основ воспитания [70]. Рачинский, совмещавший работу

профессора и деятельность народного учителя, настаивал на том, что подлинное воспитание возможно только при соединении знания с нравственным примером и личным подвигом служения [8].

Российская школа вобрала в себя организационную строгость и методическую последовательность немецкой педагогики, с одной стороны, и нравственно-христианскую направленность русской традиции – с другой. Этот синтез позволил создать систему, в которой образование мыслится не просто как передача знаний, но как формирование внутреннего духовного порядка личности, укоренённой в национальной культуре и ориентированной на служение.

Важнейшую роль в институционализации ядра национальной педагогики сыграл К. П. Победоносцев – обер-прокурор Святейшего синода, один из идеологов государственной политики в области воспитания. Победоносцев последовательно настаивал на том, что образование без нравственного основания превращается в опасный инструмент разрушения общественной гармонии. В его понимании школа не могла быть нейтральной: она должна была не только давать знания, но и формировать мировоззрение, укоренённое в православной традиции и верности государственному порядку. Он подчёркивал приоритет воспитания над обучением, души над интеллектом, долга над успехом.

Именно Победоносцев стал инициатором масштабного развития сети церковно-приходских школ, рассматривая их как инструмент духовного и нравственного просвещения народа. С 1884 г. начинает действовать Положение о церковно-приходских школах, придающее этой сети централизованную структуру. Победоносцев настаивал на том, что начальное образование должно строиться на православной основе с приоритетом Закона Божьего, церковнославянского языка, традиционной морали и патриархального мировоззрения [25].

Модель Победоносцева, основанная на нравственном идеале и христианском понимании воспитания, сыграла свою историческую роль в формировании культурного и духовного кода народа. В условиях нарастающего кризиса смыслов и размывания воспитательной функции школы, данный опыт вновь приобретает значимость как ресурс цивилизационного обновления. Именно к этой традиции можно обратиться сегодня при выработке стратегии нравственного развития образования, основанной на ценностной целостности и мировоззренческой определённости [53].

Школа свободного воспитания, ориентированная на педагогический натурализм, идеи спонтанного развития и свободы самовыражения, получив распространение в Западной Европе и США, в Российской империи была в целом отвергнута. К ней апеллировали представители оппозиции, включив её в арсенал оппозиционной платформы [13]. Исключения составляли отдельные педагогические эксперименты, прежде всего школы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, вдохновлённые идеями Ж.-Ж. Руссо [66]. Однако эти инициативы остались вне рамок государственной системы.

Школа сословного служения сочетала в себе строгую иерархическую структуру с высокими нравственными и интеллектуальными стандартами в верхних слоях образовательной пирамиды. Она обеспечивала культурную и идейную воспроизводимость правящего слоя, но оставалась сравнительно замкнутой и недоступной для большинства населения. При этом сохранялся разрыв между уровнем элитарного гимназического образования и уровнем народной школы.

Модель школы сословного служения естественно не может быть воспроизведена в применении к реалиям современного общества. Однако определённые положения в педагогических основаниях этой модели обладают высокой актуальностью. Христианская ориентация на нравствен-

ное становление личности представляет собой ценностный педагогический ресурс, способный лечь в основу современного прорыва в области воспитания.

2. Модель школы лаборатории «свободного человека»

Революционная образовательная реформа 1920-х гг. разворачивалась не только как отказ от прежнего учебного содержания и структуры, но и как попытка принципиального переосмысления самой функции школы в социалистическом обществе. В рамках этой логики формируется концепция отмирания школы как института, ассоциированного с классовым угнетением, репрессией, дисциплиной и отчуждением знания от жизни [30].

Согласно этой концепции, в будущем коммунистическом обществе школа должна была постепенно исчезнуть как автономная институция, растворившись в структуре жизнедеятельности коллектива. Образование предполагалось как естественный процесс социализации через труд, участие в общественно полезной деятельности, игру, самоуправление, «жизнетворчество». Учитель переставал быть носителем знания и власти – он превращался в координатора среды, в «старшего товарища». Знание, в свою очередь, должно было утратить статус самостоятельной ценности и приобретать только утилитарную значимость в рамках общего производственного и социального процессов.

Упразднение учебников, отказ от предметной системы, ликвидация экзаменов и отметок, объединение детей разных возрастов, игровые формы коллективного труда – всё это становилось не просто средствами, но символами этого отмирания. Учёба – через жизнь, воспитание – через коллектив, познание – через труд: эти формулы заменяли прежнее понятие школы как центра накопления и трансляции знаний.

Здесь особенно показателен отказ от самой фигуры учителя как авторитета.

В рамках концепции отмирания школы он утрачивает своё педагогическое ядро и растворяется в группе – как один из участников. Школа превращалась в пространство самоуправления, где важнее не знание, а процесс взаимодействия, не дисциплина, а «свободное развитие» [14].

Особую популярность в советской педагогике 1920-х годов получили идеи американского философа и педагога Д. Дьюи, чьё учение о школе как лаборатории жизни органично вписывалось в общий вектор отказа от классического образования. Из всех зарубежных моделей именно американская прогрессивистская педагогика была воспринята наиболее полно. Дьюизм связывался в широком контексте с отказом от дисциплинарной предметности в пользу организации учебного процесса на основе детской инициативы, коллективной активности и метода проектов [67].

Метод проектов, восходящий к идеям Дьюи и его последователей, предполагал формирование знаний не через систематический курс, а через выполнение практикоориентированных заданий, тесно связанных с «жизненными ситуациями» [33]. Доминировал принцип «учиться, делая». В рамках этого подхода предметное обучение упразднилось, а учебный процесс сводился к работе над проектными задачами.

Характерно, что сам Д. Дьюи в 1928 г. лично посетил Советский Союз и в своих отзывах с энтузиазмом отмечал смелость и масштаб внедрения своих идей в советской школьной практике. Он воспринимал происходящее как подтверждение действенности своей педагогической концепции, находящей реальное воплощение на уровне государственной политики [24].

Однако дьюистский подход при всей своей инновационности привёл к серьёзным пробелам в фундаментальной подготовке школьников. Отказ от системного изучения математики, физики, истории, языков и других базовых дисциплин обернулся утратой академического каче-

ства образования, а проектный метод, не будучи встроенным в устойчивую содержательную рамку, оказался неспособным заменить полноценную учебную программу.

Параллельно в советской школе 1920-х гг. получил распространение так называемый метод комплексов – ещё одна попытка отказаться от традиционной предметной системы и построить образование на основе крупных междисциплинарных блоков. Вместо отдельных школьных дисциплин было предложено сократить учебное содержание до 3 обобщённых предметных сфер: природоведение, трудоведение и обществоведение. Каждый из этих блоков должен был охватывать различные стороны действительности и формировать у ребёнка целостное, «жизнеориентированное» восприятие мира. Учебный материал должен был вписываться в конкретный жизненный контекст, быть «нужным и понятным ребёнку» [50].

Впоследствии, несмотря на крах самой методики, эта трёхчастная структура оставила заметный след в школьной системе: соответствующие учебные предметы – природоведение, труд и обществоведение – сохранились в советской школе, но уже в изменённой форме и с иной семантикой. Они были институционализированы как самостоятельные дисциплины, включённые в общую учебную программу, утратив исходную интегративную функцию, но сохранив следовую структуру первоначального проектного замысла.

Одним из характерных феноменов образовательной мысли 1920-х гг. стала попытка выработать новую науку о ребёнке – педологию, которая претендовала на комплексное знание о развитии личности, предшествующее и задающее рамки для педагогики. В отличие от классической педагогики, начинавшей с методики, педология стремилась сначала ответить на вопрос: кто такой ребёнок, каковы его психофизиологические, культурные, на-

следственные и социальные параметры. Только исходя из этого, предполагалось строить воспитание и обучение.

Идея интеграции психологии, антропологии, биологии и социологии в единую дисциплину выглядела как научный прорыв, особенно в условиях острого интереса к созданию нового человека. Одним из наиболее авторитетных представителей этого направления стал П. П. Блонский, получивший признание как «советский Песталоцци». Педология обещала выйти за пределы догматической педагогики и опереться на эмпирическое знание, данные наблюдений, тестирования, измерения [9]. Развитие педологии поддерживался и авторитетом Н. К. Крупской, выступавшей, в частности, на I Педологическом съезде¹.

Однако развитие педологии довольно быстро вошло в противоречие с основополагающими установками советской антропологии. На первый план в исследованиях вышла тема одарённости, её определения, измерения, наследственной и социальной предопределённости. Возникла полемика между биогенетическим подходом (наследуемая одарённость) и социогенетическим (одарённость как продукт среды), которая, в свою очередь, вступила в противоречие с постулатом антропологического равенства, лежащего в основе советской образовательной политики [7, с. 109; 52; 57, с. 94–95]. Подозрение в «буржуазном элитаризме», в фактическом признании неравенства потенциалов, предопределило официальное закрытие педологии в начале 1930-х гг., а её деятельность была признана идеологически вредной.

Отдельное направление педологических исканий связано с попытками внедрения психоанализа и фрейдизма в школьную практику. На волне культурного радикализма происходили эксперименты, в рамках которых отдельные школы вводили интерпретацию

детского поведения и мотивации через фрейдистскую оптику [44]. Наибольшее распространение получили идеи фрейдо-марксизма, активно поддерживаемые Л. Д. Троцким [76; 77]. Однако подобные практики, сопряжённые с сексуальной трактовкой детского поведения, очень скоро были признаны вредными, т. к. по официальным оценкам «развращали и калечили психику», подрывая основы социалистической морали и воспитания. Это направление было административно и идеологически ликвидировано.

Таким образом, педология как дисциплинарный проект представляла собой интересную попытку научно осмыслить природу ребёнка, но в условиях идеологического приоритета и мобилизационной логики советского государства оказалась несовместимой с принципами универсализма, равенства и нормативной социализации. Несмотря на это, сам замысел выстраивать педагогику не отвлечённо, а на основе знания о ребёнке как объекте и субъекте воспитания сохраняет научную ценность и в современной дискуссии.

Уже к концу 1920-х гг. стали очевидны институциональные и функциональные издержки революционной модели образования. В условиях индустриализации, требования к инженерно-техническому персоналу, массового военного призыва и административной централизации, модель «школы без школы» оказалась неэффективной. Упадок учебной дисциплины, отсутствие базовых знаний, разрушение вертикали подготовки вызывали всё большее беспокойство и в итоге привели к смене курса. Возвращение предметности, централизованных программ, оценки и экзаменов стало не просто тактической корректировкой, а отказом от утопической модели.

Показательно, что ряд ключевых послереволюционных установок 1920-х гг. вновь оказался востребован в образовательной политике 1990-х, уже в либеральной интерпретации и вне марксистской риторики. Идеи снятия иерархии,

¹ Крупская Н.К. Из речей на I педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. №1. С.3-10.

отказа от централизованных стандартов, размывания роли учителя как носителя авторитетного знания, ориентация на «естественное развитие» и децентрализацию – всё это перекликалось с экспериментами раннесоветской школы, пусть и исходило из иных идеологических посылов. История показала, что подобные подходы обладают высокой степенью рисков, связанных с десоциализацией образования, утратой способности формировать субъектов знания, труда и гражданственности.

Нельзя вместе с тем утверждать, что вся образовательная политика 1920-х гг. представляла собой исключительно разрушительный эксперимент. Именно в этот период возникают крупные идеологические и антропологические проекты, оказавшие долговременное влияние на облик советской школы. Центральной фигурой рассматриваемого этапа стал А. В. Луначарский, возглавивший Наркомпрос и ставший выразителем особой линии в советской культурно-педагогической политике.

Луначарский придерживался взглядов богостроительства, философского течения, восходящего к идеям А. А. Богданова. В основе богостроительства лежала попытка объединить революционный материализм с понятием духовной направленности человеческой природы – не в религиозном, а в антропологически-творческом смысле. Человек рассматривался как созидательное существо, способное к самопреображению через труд, коллектив и культуру. Эта установка нашла выражение в проекте формирования нового типа личности, свободной от старых догм, но внутренне направленной на духовное развитие [31].

Несмотря на жёсткую критику со стороны В. И. Ленина, обвинявшего Луначарского в «заигрывании с боженькой», идеи богостроительства, по-видимому, были сохранены на глубинном уровне и пытались реализовываться в педагогической практике. Новая школа мыслилась

как пространство духовно-центричного воспитания, в котором знание должно было быть сопряжено с культурной миссией, труд – с творчеством, а коллектив – с личностным ростом [42].

Характерной чертой этого этапа стало внедрение принципа коллективного воспитания, выраженного как в методике, так и в организационной структуре. Одним из знаковых элементов стало применение бригадного метода – совместного решения задач группами учащихся, при котором ответственность за результат распределялась между всеми членами коллектива [62]. Не только учитель, но и сверстники становились соучастниками воспитательного процесса, формируя у ребёнка навыки взаимодействия, взаимной ответственности и со-творчества.

Именно в эти годы начались эксперименты А. С. Макаренко, реализовавшего идею параллельного воспитания, при которой педагогическая работа велась одновременно через учителя и через коллектив. В центре внимания оказывалось не индивидуалистское самовыражение, а общность дела, осознанное участие каждого в общем процессе преобразования среды [43].

Многие из этих идей оказались устойчивыми и впоследствии были интегрированы в советскую школу. Принцип коллективистского воспитания стал одной из ключевых норм, а представление о человеке как творце – не просто исполнителе, но активном преобразователе действительности – сохранило своё место в идеологической и педагогической парадигме на десятилетия вперёд.

Военная тревога 1927 г. выявила критическое несоответствие существующей образовательной модели задачам государственной мобилизации [41]. В условиях нарастающей угрозы войны стало очевидно, что школа свободного воспитания, построенная на отказе от предметности, дисциплины и централизованных стандартов, не обеспечивает ни должного уровня подготовки, ни способности

к организованному действию. Учебная дисциплина находилась на низком уровне, а пробелы в фундаментальном образовании, особенно в области точных наук и гуманитарных знаний, носили системный характер.

Особо остро проявлялось отсутствие курса истории – предмета, обеспечивающего формирование национальной идентичности и патриотического сознания. Школа перестала быть инструментом культурной преемственности, что для решения задач патриотического воспитания было критически важно.

В условиях актуализации мобилизационных задач теория свободного воспитания показала свою полную несостоятельность. Возник общественно-государственный запрос на возвращение к классической модели школы, основанной на систематическом знании, чёткой предметной структуре, дисциплине, учительском авторитете и идеологически определённом воспитательном курсе. Этот поворот и предопределил переход к следующему этапу – строительству советской школы мобилизационного типа.

3. Советская неоклассическая модель школы

Военная тревога 1927 г. и стремительно нарастающее ощущение неизбежности большого конфликта с внешним врагом вызвали глубокий пересмотр образовательной политики в Советском Союзе. В условиях, когда школа должна была готовить не просто учащихся, а будущих солдат, инженеров, организаторов производства, стало очевидным: сложившаяся в 1920-е гг. модель свободного воспитания не отвечает вызовам эпохи. Отказ от жёсткой учебной структуры, разрушение предметной системы, отмена экзаменов и отметок, подрыв авторитета учителя, вытеснение истории и дисциплинарного ядра из школы – всё это в новых условиях обрело черты не просто педагогической неэффективности, а прямой угрозы государственному существованию.

Именно тогда был поставлен однозначный диагноз: созданная модель образования нефункциональна в перспективе войны. На смену ей приходит советская неоклассическая модель, вобравшая в себя дисциплинарную структуру дореволюционной школы, но переоформленную в духе социалистической идеологии и мобилизационной логики.

Осуществляется восстановление классической предметной подготовки. Учебный процесс вновь организуется по строгим дисциплинарным линиям, возвращаются чёткие учебные курсы, предметы становятся основой школьного дня, а учитель вновь занимает центральное положение – теперь уже как специалист-предметник, носитель чётко структурированного знания, а не координатор среды. Это означало решительный отказ от педагогических моделей 1920-х гг., в первую очередь от дьюизма и теории свободного воспитания.

Метод проектов, который на протяжении десятилетия подавался как основа нового подхода, официально запрещается, а вместе с ним и логика децентрализации, тематических комплексов и стихийного познания. Подчёркивается необходимость фундаментальной подготовки, нацеленной на системное и полное усвоение учебного материала, с ориентацией на требования будущей индустриальной, научной и военной деятельности.

Параллельно происходит восстановление роли учителя. От децентрализованной модели, в которой учитель был равным среди равных, происходит возврат к учитель-центризму: преподаватель вновь становится организующим началом учебного процесса, источником знания, дисциплинарного авторитета и воспитательного воздействия. Ликвидируется культ «коллективного саморазвития» как подменяющий структуру [74].

Знаковым шагом становится введение единых учебников, одобренных на государственном уровне и унифицирующих содержание образования по всей стране.

Это решение обеспечивает единое образовательное пространство и контроль над формированием знаний и ценностей.

Одновременно происходит возвращение преподавания истории – как дисциплины, ранее устранённой из школьной программы. История вновь входит в школьный канон как центральный канал патриотического воспитания, формирующий представление о национальной преемственности, подвигах предков, культурной идентичности и смысле принадлежности к великой стране [51].

Патриотическое воспитание приобретает институционально оформленный характер. Через школьные мероприятия, пионерскую и комсомольскую работу, учебные курсы и внеклассные формы деятельности формируется устойчивый образ гражданина – дисциплинированного, преданного, готового к служению и защите Отечества.

Завершающим элементом этой модели становится введение военной подготовки в школе. На старшей ступени образования внедряются занятия по строевой, санитарной, топографической и связной подготовке. Школьники изучают основы военного дела, что превращает школу в начальное звено общей мобилизационной системы [16].

Таким образом, советская неоклассическая школа 1930–1940-х гг. была ответом на вызов времени. Она выстраивалась как система с чёткой предметной структурой, централизованным управлением, мировоззренческой определённой и мобилизационной функцией. В этом контексте все принятые меры – от восстановления дисциплины до преподавания истории и введения военной подготовки – оказались звеньями единой стратегии. Эта школа подготовила то поколение, которое в 1941 г. встало на защиту страны и вынесло тяжелейшее испытание. Не случайно сам факт Победы в Великой Отечественной войне во многом рассматривался как результат не только

военной, но и образовательной мобилизации, совершённой в 1930-е гг.

Переход от педагогических экспериментов 1920-х гг. к неоклассической советской модели образования в 1930-е гг. не был одномоментным актом, а оформлялся в виде последовательной серии нормативных решений, каждый из которых вносил вклад в восстановление управляемости, предметной структуры и идеологической определённости школьной системы. Этот поворот представлял собой не просто откат от вольной педагогики, но и стратегическое выстраивание централизованной, дисциплинарно организованной школы, ориентированной на задачи индустриализации, патриотического воспитания и подготовки кадров для обороны и развития страны.

Постановление «О начальной и средней школе» (1931) открыло этот этап, официально отменив метод комплексов – ключевой элемент экспериментальной школы 1920-х гг. Вместо стихийного тематического обучения был восстановлен предметный принцип, при котором каждая дисциплина имела своё содержание, методику и систему контроля¹.

В 1932 г. последовало постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», которым вводились единые учебные программы, ориентированные на классно-урочную систему. Школьный процесс вновь становился централизованным, структурированным, с чётким расписанием, последовательностью тем и обязательной проверкой успеваемости².

Постановление «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933) зафиксировало следующий этап – восстановле-

¹ Постановление ЦК ВКП(б). О начальной и средней школе. 25.08.1931 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М.: Политиздат, 1984. С. 353–361.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 25.08.1932 Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/57330> (дата обращения: 25.06.2025).

ние классических учебников, ликвидацию множественности и децентрализации учебных пособий. Отныне учебник утверждался государством, носил обязательный характер и становился основным инструментом стандартизации содержания образования¹. Ставился вопрос о единых учебниках, который, как известно, получил сегодня новую актуализацию.

В 1934 г. был принят документ «О преподавании гражданской истории в школах СССР», который означал официальное возвращение курса истории как самостоятельной дисциплины. История снова становилась неотъемлемой частью формирования национального сознания, культурной памяти и патриотической идентичности учащихся².

Постановление «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (1935) касалось восстановления школьной дисциплины. Оно вводило обязательность посещения занятий, регламент поведения учащихся, усиливало роль администрации школы, а также возвращало контрольные формы учёта знаний: отметки, экзамены, табеля³.

В 1936 г. был издан документ «О педагогических извращениях в системах Наркомпросов», ставший политическим осуждением педагогических экспериментов предыдущего десятилетия. В итоге педология была фактически ликвидиро-

вана, а педагогика вновь подчинена как наука задачам организованного обучения и воспитания⁴.

Наконец, в 1938 г. последовало постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», закреплявшее курс на усиление роли русского языка и культуры как средства интеграции многонационального пространства СССР. Это решение отражало борьбу с т. н. буржуазным национализмом и подчёркивало роль языка как инструмента государственного единства⁵.

Таким образом, переход к неоклассической модели школы был оформлен через целостную систему нормативных решений, охватывающих все ключевые аспекты образовательной политики: структуру учебного процесса, учебники, преподавание истории, дисциплину, статус учителя, язык, и даже философские основания самой педагогики. Это был не просто откат, а стратегическое возвращение к дисциплинарной, иерархичной и культурно суверенной модели образования, доказавшей свою эффективность в предвоенное десятилетие.

Важным смысловым элементом поворота к неоклассической школе стало отстранение от западных педагогических авторитетов, прежде продвигавшихся как образцы научности и новизны. Особенно резко критике подвергались дьюизм и метод проектов, трактовавшиеся теперь как чуждые социалистическому строю, подрывающие дисциплину и разрушающие целостность знания. Происходит осмысленный разворот к отечественной

¹ Об учебниках для начальной и средней школы. Постановление ЦК ВКП(б) от 12.02.1933 (Электронный ресурс). URL: <https://istmat.org/node/58635> (дата обращения: 25.05.2025).

² Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б). О преподавании гражданской истории в школах СССР от 15.05.1934 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. М.: Гос. Советское законодательство, 1934. С. 368–гр369.

³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе от 03.09.1935 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1933–1937 гг. М.: Политиздат, 1985. С. 263–267.

⁴ Постановление ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 «О педагогических извращениях в системе Наркомпросов» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1933–1937 гг. М.: Политиздат, 1985. С. 364–367.

⁵ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13.03.1938 // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 391–394.

педагогической традиции, ранее отеснённой на периферию.

В этом контексте вновь переоткрывается фигура К. Д. Ушинского – мыслителя, который ещё в XIX в. заложил основы научной педагогики, основанной на сочетании национального начала, христианской этики и строгой научной организации учебного процесса. Его идеи об учебной дисциплине, системности, родном языке, нравственном становлении личности и о народной школе как органической части культурной жизни страны становятся методологической основой реформ 1930-х гг. Христианские воззрения Ушинского, естественно, не акцентировались, но давались как бы опосредованно через этику настолько, насколько это было возможно в условиях атеистической пропаганды.

Именно Ушинский, а не западные прогрессисты, теперь возводится в ранг подлинного основоположника советской педагогики, опирающейся на национальные ценности, государственный интерес и культурную преемственность. Этот возврат не был формальным: идеи Ушинского стали использоваться при составлении новых учебников, построении уроков, выстраивании воспитательных моделей и профессиональной подготовки учителей. В этом смысле реабилитация Ушинского означала культурное и цивилизационное самоутверждение в образовательной политике страны [21].

Новая система образования, сформированная в 1930-е гг., прошла проверку войной, подтвердив свою жизнеспособность в условиях высшего национального напряжения. В этот период Наркомпрос возглавлял В. П. Потёмкин – фигура, незаслуженно обделённая вниманием, но сыгравшая важную роль в институциональном оформлении и идейном укреплении советской школы [59].

С 1943 г. в советской школе было восстановлено раздельное обучение мальчиков и девочек, по образцу дореволюционной модели Российской империи. Первые

годы войны продемонстрировали, что мужское и женское воспитание имеют различную природу и требуют специфических подходов. Этот вопрос сохраняет свою актуальность и в современной образовательной повестке, где всё чаще поднимается тема полоролевой дифференциации воспитательных стратегий [19].

В конце 1946 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О преподавании логики и психологии в средней школе», что стало важным шагом в направлении углубления интеллектуальной и личностной подготовки школьников. Возвращение логики было направлено на формирование дисциплины ума, развитие способности к строгому, последовательному и обоснованному мышлению – особенно важному в условиях послевоенного восстановления и научно-технического прогресса. Введение психологии открывало учащимся доступ к осознанию внутреннего мира человека, формировало навыки самопонимания, эмпатии и моральной рефлексии [49].

Феномен неоклассической школы заключался в великом замысле: представить всем то, что прежде было доступно лишь узкому сословию – полноценное классическое образование, ориентированное на развитие мышления, дисциплины и мировоззренческой целостности. В отличие от дореволюционной модели, где гимназическое образование служило воспроизводству элиты, советская система стремилась сделать этот уровень доступным каждому, вне зависимости от происхождения. Именно на основе этой неоклассической школы с её высоким интеллектуальным и воспитательным потенциалом формировались кадры, которые обеспечат прорывы в атомном проекте, космической программе и других ключевых направлениях. С учётом результатов и степени целостности можно признать: это была наиболее функциональная и жизнеспособная модель из всех реализованных в российской истории.

4. Модель школы жизни

Следующий этап в истории отечественного образования связан с периодом хрущёвских реформ и курса десталинизации. Десталинизация задала ревизию всего сопряженного с фигурой Сталина, в т. ч. и неоклассической системы образования. Пересмотр осуществлялся под девизом ухода от академизма и соединения школы с жизнью. Ключевым документом здесь стал Закон СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», который определил общую траекторию реформ и содержал важнейшие структурные решения¹.

Акцент делался на трудовую практику: учащиеся старших классов обязаны были 2 дня в неделю трудиться на производстве или в сельском хозяйстве, получая по окончании школы не только аттестат, но и удостоверение о профессии. Закон устанавливал льготы при поступлении в вузы для тех, кто имел не менее 3 лет трудового стажа, и значительно расширял сеть вечернего и заочного образования. Подчеркивалась задача подготовки технически грамотных кадров, что служило обоснованием переориентации образования на прикладные задачи. Тем не менее на практике реализация закона показала ряд трудностей: нехватку рабочих мест, разрыв между производственной практикой и теоретическим знанием, а также общее снижение уровня фундаментальной подготовки учащихся.

С этим связан и ряд других сдвигов, оформивших облик школы эпохи Хрущёва. Если ранее трудовая школа мыслилась как широкое включение ребёнка в трудовую и общественную жизнь, то теперь труд трактовался исключительно в производственно-прикладном ключе, что шло в ущерб теоретической и общекультурной составляющей образования. Форма превалировала над содержанием,

а практика зачастую подменяла систематическое усвоение знаний [29].

Курс на практику сопровождался последовательной отменой всего, что казалось непрактичным или избыточным с т. зр. прикладной пользы. В этом контексте была упразднена и школьная философская составляющая: в этот период отменяются логика и психология – дисциплины, которые способствовали формированию рефлексии, системного мышления и понимания внутреннего мира человека. Их исчезновение свидетельствует о смещении акцентов с воспитания мыслящей личности на подготовку функционального исполнителя, ориентированного на производственные задачи [48].

Возвращение к совместному обучению мальчиков и девочек в хрущёвский период стало частью более широкого идеологического поворота, ориентированного на снятие различий и унификацию образовательного пространства. Раздельное обучение, восстановленное в годы войны как форма учёта половых различий в воспитании, вновь оказалось под критикой. В рамках нового левого поворота акцент делался на формальном равенстве, а сама идея разделения полового воспитания воспринималась как архаичная и несовместимая с задачами социалистической модернизации. Есть основания полагать, что в ряде реформ Хрущёва, включая реформы в сфере образования, отразились его прежние троцкистские воззрения [61].

Поднятие авторитета Н. К. Крупской как противопоставления в контексте идеологической десталинизации ленинской линии сталинской сопровождалось частичным возвратом к педагогическим экспериментам раннесоветского периода, включая акцент на самоуправление, методы воспитания через трудовые коллективы. Были вновь включены механизмы свернутой в предшествующие годы атеистической пропаганды, что отражало общий идеологический поворот от не-

¹ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. М.: Известия, 1958. 31 с.

оклассической модели к левому обновлению школы.

Попытка школьной реформы в хрущёвский период определялась, с одной стороны, идеологией десталинизации, с другой – узким прикладным видением задач образования. При внешней ориентации на социализацию и трудовое воспитание произошла девальвация фундаментальной подготовки. Производственный труд, выдвинутый в качестве стержня школьной практики, оказался недостаточно связан с теоретическим знанием. Это привело к размыванию образовательных ориентиров, снижению роли предметного и мировоззренческого компонента, а также подрыву методологической базы, заложенной в неоклассический период. В результате школа утратила часть своего институционального потенциала, ранее обеспечивавшего высокий уровень подготовки учащихся.

5. Модель школы фундаментальных наук

Переход к новому этапу развития советской школы – этапу «школы фундаментальных наук» – был задан рядом ключевых постановлений второй половины 1960-х гг. В условиях холодной войны, когда научно-техническое соперничество становилось определяющим фактором международной политики, Советский Союз формировал образовательную систему, ориентированную на опережающее освоение наук и техники. Школа должна была не догонять, а предвосхищать: давать передовые научные знания, готовить будущих инженеров, учёных, организаторов производства.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» определило стратегические направления модернизации образования: введение новых учебных планов и программ, обеспечение ответственности содержания обучения по-

следним достижениям науки, техники и культуры¹. Советская школа становилась передовой площадкой передачи научного знания. Научные кружки, физико-математические и химические факультативы, занятия в Домах и Дворцах пионеров, ориентированные на техническое творчество и изобретательство, стали массовым явлением. Уже в школьном возрасте учащиеся приобщались к лабораторной работе, инженерным проектам, основам программирования и робототехники. Эта направленность дала осязаемые результаты: советские школьники стабильно побеждали на международных олимпиадах по физике, математике, химии, информатике. Одновременно формировалась самая читающая страна в мире, где массовая начитанность сочеталась с научной и аналитической культурой.

Принятое в 1967 г. Постановление № 502 Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки и издания школьных учебников» закрепило ориентацию на стабильные, научно обоснованные учебники, обеспечивающие углублённое и систематическое освоение ключевых дисциплин. И успехи здесь были значительны. Качество советских учебников и сегодня является ориентиром методической работы по подготовке школьных учебных изданий².

Воспитание сохраняло коллективистский характер, развивались формы совместной деятельности, включающие кружки, секции, ученическое самоуправление. Одновременно с интеллектуальной закладывалась и физическая основа: массовые занятия спортом, школьные

¹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР. О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы от 10.11.1966 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3NxWTK> (дата обращения: 25.05.2025).

² Постановление Совета Министров СССР. О мерах по улучшению подготовки и издания школьных учебников и обеспечения ими учащихся от 03.06.1967 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3NxWRr> (дата обращения: 25.05.2025).

секции и система ДЮСШ способствовали превращению СССР в спортивную сверхдержаву [65].

С 1970 г. в школьную программу была введена «Начальная военная подготовка» (НВП) – дисциплина, ставшая важным элементом системы воспитания граждан, способных к служению Отечеству. В условиях нараставшего военно-политического противостояния и вероятности глобального конфликта, эта мера отражала стратегический курс на подготовку допризывной молодёжи. НВП включала как теоретическое изучение основ военного дела, так и практические навыки: обращение с оружием, строевая подготовка, основы топографии, тактическая грамотность, оказание первой медицинской помощи в боевых условиях [40].

Советская школа второй половины XX в. выступала не только как образовательное учреждение, но и как мощный институт социализации, формирующий гражданина в логике идеологии и коллективизма. Социализирующая функция школы реализовывалась через иерархически выстроенную систему детско-юношеских организаций, охватывающую все этапы школьного воспитания.

Социализация школьников осуществлялась через поэтапное включение в систему детско-юношеских организаций, выстроенную в строго определённой иерархии. На начальном этапе учащиеся включались в октябрятские объединения; в среднем звене – в пионерскую организацию; в старших классах – в комсомол. Каждое из этих звеньев выполняло свои функции в рамках общей воспитательной парадигмы: формирование навыков коллективного взаимодействия, идеологической заряженности, трудовой мотивированности и гражданской ответственности. Такая трёхуровневая структура социализации обеспечивала непрерывность воспитания, включала детей и подростков в систему ритуалов, ответственности, символических и реальных практик участия в жизни общества, делая

школу пространством не только передачи знаний, но и формирования личности в соответствии с ценностями эпохи.

Несмотря на распространённые стереотипы, советская педагогика имела выражённую гуманистическую направленность. В её центре оказывалось понятие детского счастья как важнейшей цели воспитания. Ребёнок рассматривался не как объект воздействия, а как субъект развития, требующий внимания к своему внутреннему миру, уважения к чувствам, индивидуальности и потребности в любви.

Наиболее последовательно эта линия была выражена в трудах В. А. Сухомлинского. В его системе воспитания школа становилась не просто местом получения знаний, а пространством душевного становления, нравственного роста и переживания смысла жизни. Идея «школы радости» предполагала органическое соединение умственного труда, общения с природой, художественного слова, ручного труда и совместной деятельности. Сухомлинский утверждал, что педагогика должна начинаться с заботы о внутреннем мире ребёнка, о его переживаниях, о праве быть услышанным и понятым. Через практики доверия, коллективного творчества и нравственной опоры на добро и правду он формировал не только грамотного, но и целостного, духовно развитого человека [64].

Педагогическая наука в Советском Союзе достигла наивысшего уровня в разработке теории развивающего обучения – методологического направления, которое сегодня составляет основу программ элитных школ во всём мире, хотя в самой России оно во многом было утрачено. Эта теория была разработана выдающимися учёными Л. Занковым, Д. Эль-кониним и В. Давыдовым [32].

Её центральной установкой было понимание образования не как передачи суммы знаний, а как систематического процесса интеллектуального развития ребёнка. В основе подхода лежал приоритет формирования абстрактного мышле-

ния, развитие критического отношения к информации, умения мыслить самостоятельно, а не просто усваивать готовые ответы. Методика строилась на постоянном соотношении учебной деятельности с реальными зонами развития ребёнка и включала в себя задания «на опережение» – более сложные, чем уровень текущих возможностей, но мотивирующие рост.

Обязательным элементом обучения становилась рефлексия – осмысление учащимися своей деятельности, целей, мотивов и результатов. Подчёркивалась также важность эмоционального компонента – глубокого переживания и внутреннего принятия достигнутого результата.

Таким образом, теория развивающего обучения представляла собой не просто педагогическую технику, а целостную гуманистическую философию образования, опирающуюся на психологию развития. Она позволяла формировать не исполнителя, как утверждалось в соответствии с мифом о советском тоталитаризме, а мыслящую, внутренне свободную и ответственную личность [22; 75].

Однако к концу советского периода начали нарастать критические процессы, свидетельствующие о ценностных деvaluациях в обществе. Примечательно, что эти процессы начинались на уровне элит, прежде всего, в идеологической среде. Особенно заметны кризисные тенденции проявились в гуманитарной сфере, где вместо подлинного поиска смыслов всё чаще фиксировалась схоластика – формальное повторение догм, оторванных от реальности. Образование в этих областях всё чаще утрачивало творческое измерение, подменяясь набором терминов и шаблонов.

Тем не менее при всех внутренних противоречиях и начавшихся ценностных эрозиях, система общего образования в СССР продолжала оставаться одной из лучших в мире. Её фундаментальность, научная направленность, стройность программ, высокая квалификация педа-

огов, целостная система воспитания – всё это обеспечивало потенциалы советской системы.

6. Модель школы педагогического новаторства

К началу 1980-х гг. стало очевидно, что советская школа, несмотря на достигнутые ранее высоты, вступила в фазу нарастающих внутренних проблем. Ряд задач, ранее успешно решавшихся, теперь требовали новых решений. Обозначился кризис воспитательной работы: дисциплина слабела, подростковая среда испытывала давление девальвируемых ценностей. Углублялось противоречие между высоким идеалом школы как института формирования личности и нарастающим формализмом в её функционировании.

Реформа 1984 г. задумывалась как попытка ответить на эти вызовы¹. Были поставлены задачи укрепить трудовую направленность школьного образования, сблизить школу с производством, расширить профориентацию и готовить рабочие кадры через тесную связь школы с системой ПТУ. Предполагалось повысить статус учителя – профессия, некогда уважаемая, начала терять престиж, что сказалось и на притоке кадров, и на качестве преподавания. Проблема падения авторитета педагога, обозначенная в тот период, остаётся актуальной и сегодня.

Реформа делала акцент и на воспитательную функцию школы – как реакцию на ослабление идеологической заряженности. Планировалось обновить формы воспитательной работы, усилить роль классного руководителя, ввести новые подходы к формированию гражданственности. Однако на практике реализация замысла оказалась прервана изменениями в политическом руководстве [39].

¹ Постановление Верховного Совета СССР от 12.04.1984 «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 15. Ч. 1. 1983 – май 1984 г. М.: Политиздат, 1985. С. 381–407.

В короткий период перестройки система образования оказалась в центре общественного внимания. Усиливающееся ощущение кризиса в сфере воспитания, падение авторитета учителя, размывание идеалов – всё это вызывало потребность в поиске новых путей. На этом фоне педагогическая бюрократия ослабила жёсткий контроль, и страна стала свидетелем всплеска активности педагогов-новаторов. В системе образования началась полоса экспериментов, призванных дать ответ на вызовы времени [36; 55].

Одной из ключевых фигур стал Ш. А. Амонашвили, чьи гуманистические подходы в начале 1980-х получили признание. Идеи Амонашвили по отказу от оценок и превращения ребёнка в центральную фигуру образовательного процесса получили популярность [2].

Отдельное направление представляла разработанная В. Ф. Шаталовым система преподавания, основанная на использовании «опорных сигналов» – кратких графических структур, отражающих ключевые смысловые единицы учебного материала. Данная методика ориентировалась на усиление наглядности и интенсификацию процесса усвоения знаний в условиях массовой школы [73].

В педагогическом сообществе интерес вызывали также подходы В. А. Караковского, в центре которых находилась идея школьного коллектива как среды воспитания, и И. П. Иванова, развивавшего коммуникативно-деятельностные формы обучения, включая методику коллективных творческих дел. Определённое влияние оказывали и публицистические выступления С. С. Соловейчика, отстаивавшего нравственно-диалоговую парадигму образования, основанную на признании ответственности личности и ориентации на внутренние основания мотивации [20; 46; 68].

Педагоги-новаторы получили пространство для реализации своих идей благодаря временному снижению административной централизации. Бю-

рократия в образовательной сфере действительно ослабла. Гуманистическая и деятельностная рекалিবровка открыла потенциал советской школы, в которой яркие практики показывали реальные результаты, особенно в начальных классах. Однако отсутствие ограничивающих рамок привело и к негативным последствиям. Без идеологических ориентиров породила хаос, в котором некоторые новшества провалились или оказались разрушительными.

Перестроечная свобода открыла пространство для раскрытия педагогического потенциала, заложенного в советской школе, но одновременно обнажила и деструктивные тенденции. Наряду с творческими поисками усилились настроения отказа от фундаментальных оснований системы. Началась кампания критики советского опыта, включая пересмотр представлений о дисциплине, патриотизме, коллективизме. Широкое внедрение концепции свободного воспитания без чётких ориентиров приводило к деморализации. Программы вроде «Этики и психологии семейной жизни», задуманной как инструмент воспитания, зачастую подменяли нравственные ориентиры физиологизмом и лишь усугубляли ситуацию.

7. Модель школы образовательных услуг

В 1990-е гг. в контексте общих установок переориентации на западный опыт многие из потенциалов российского образования и воспитания оказались разрушены. Выдвигаемые в тот период ориентиры опирались в значительной степени на западные обществоведческие, в т. ч. педагогические концепции, показавшие свою деструктивность. В условиях системного недофинансирования происходила коммерциализация образовательной сферы, негативно сказавшаяся на качестве образования. Ошибкой являлось понимание образования в качестве образовательной услуги, не учиты-

вающей, в частности, решения воспитательных задач. Другой принципиальной ошибкой явился отказ от ориентира формирования человека-творца в пользу ориентира компетенций адаптации созданных технологий [60].

Системное недофинансирование образовательной сферы в 1990-е гг. поставило школу на грань выживания. Материально-техническая база образовательных учреждений не обновлялась, инфраструктура ветшала, заработная плата педагогов оказалась на уровне социального дна. Профессия учителя, некогда обладавшая высоким общественным престижем, утратила статусную привлекательность и перестала восприниматься как достойная жизненная стратегия, особенно среди молодёжи.

Резкое сокращение финансирования привело к утрате управляемости школьной системой: школы стали искать альтернативные источники существования, что породило их зависимость от финансово обеспеченных родителей. Возникла деформированная модель, при которой доступ к образовательным возможностям стал в значительной степени определяться социальным и имущественным положением семьи, что противоречило базовому принципу равенства образовательных шансов [37].

Обострились и дисциплинарные проблемы. Ослабление педагогической позиции учителя, снижение авторитета школы и общее падение культурных и нравственных ориентиров в обществе обусловили существенное ухудшение поведения учащихся. Упразднение прежней воспитательной вертикали и отказ от идеала коллективного начала привели к утрате механизма поддержания школьной среды как морально-нравственного пространства.

С началом 1990-х гг. в российскую образовательную среду активно внедрялись западные педагогические концепты, значительная часть которых оказалась малоприменима в отечественном контексте.

На смену системе воспитания, ориентированной на формирование гражданина и патриота, пришли идеи «свободного воспитания», акцентирующие внимание на спонтанности развития и приоритете потребностей ребёнка. Учитель в подобных подходах стал рассматриваться не как носитель знания и воспитатель, а лишь как мотиватор, коммуникатор и навигатор – функция которого сводилась к сопровождению индивидуального пути ученика¹.

Одновременно происходила радикальная трансформация ценностной рамки образования. В рамках распространявшейся концепции толерантности акцент был перенесён с коллективной идентичности и общенациональных задач на абстрактные установки межличностного взаимодействия. Патриотическая составляющая воспитания оказалась выхолощена, а военно-патриотическая работа, занимавшая важное место в прежней системе социализации, практически была свёрнута. Такая подмена целей и методов подорвала внутреннее единство образовательного процесса и усилила разрыв между школой и обществом.

Разрушение советской системы социализации стало одной из ключевых потерь образования в 1990-е гг. Последовательно были упразднены или обесценены институты, формировавшие структуру воспитательного пути школьника: октябрятские звёздочки, пионерские дружины, комсомольские организации. Школа перестала выполнять функцию социализации, воспитание было выведено за рамки её задач как нечто вторичное или вовсе ненужное. В распространённой в этот период парадигме образовательной услуги воспитательная составляющая не предусматривалась: предполагалось лишь

¹ Гонтмахер Е. Александр Асмолов: В новом мире информации учитель будет мотиватором, навигатором и коммуникатором [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/174279/> (дата обращения: 06.05.2025).

предоставление знаний и компетенций в ответ на платёжеспособный запрос [72].

Отказ от понимания школы как института формирования гражданина, патриота, личности с целостной системой ценностей привёл к глубокой антропологической дезориентации образовательного процесса. Воспитание стало восприниматься как частное дело семьи, либо как идеологически нежелательная категория, ассоциируемая с тоталитарным наследием [71].

В 1990-е гг. на фоне общего идеологического размывания и институционального кризиса образования в систему российского школьного воспитания начали активно проникать деструктивные внешние влияния. Одним из наиболее масштабных стало внедрение учебников и методических пособий, изданных при поддержке фонда Сороса. Всего, по различным оценкам, в школьное пространство поступило около 300 наименований учебных материалов, не прошедших полноценной государственной экспертизы. Эти пособия нередко формировали у школьников искажённое представление об отечественной истории, нивелировали ценностные основания патриотизма, пропагандировали идеи культурного релятивизма и гражданского нейтралитета, что вступало в противоречие с задачами национального воспитания.

Параллельно фиксировались случаи проникновения в школы организаций, представлявших деструктивные религиозные культы и секты, в т. ч. с тоталитарными чертами. В отдельных регионах появлялись прецеденты деятельности саентологов, последователей Сюн Мёна Муна, а также адептов Аума Синрикё (секты Сёко Асахары), что порождало серьёзные риски психологического и духовного воздействия на школьников. Отдельного упоминания заслуживает внедрение Вальдорфской педагогики, основанной на эзотерических учениях Р. Штайнера. Несмотря на гуманистическую риторику, эта система в своей ос-

нове базировалась на антропософских и оккультных представлениях, подменяя научно обоснованную педагогическую традицию псевдодуховными практиками [15; 45].

Таким образом, в условиях отсутствия целостной государственной стратегии и разрушения прежней модели социализации, внешние влияния получили возможность прямого доступа к школьной среде, ослабляя её суверенные основания. Это стало симптомом более широкого кризиса идентичности, постигшего российскую систему образования в переходный период.

При этом, несмотря на разрушительные процессы, охватившие систему образования в 1990-е гг., школа во многом сохраняла свои потенциалы благодаря самоотверженному труду педагогов. Именно они, зачастую в условиях нищеты, отсутствия методической поддержки и общественного признания, поддерживали элементарный порядок, передавали ученикам знания, сохраняли дисциплину и нравственные ориентиры. Учительский корпус в массе своей оказался носителем инерционной педагогической культуры советского периода, что позволило школе сопротивляться самым крайним формам реформаторского давления.

Вопреки господствующим идеям коммерциализации и дестрадиционализации, школа не деградировала столь стремительно, как многие иные социальные институты. Более того, в ней оставались островки высокой академической подготовки, особенно в лице специализированных школ, лицеев и оставшихся сильных учительских коллективов. В определённой степени можно говорить о стихийной защите педагогическим сообществом ценностного ядра отечественного образования, которое не позволило окончательно размыть систему воспитания, хотя давление было мощным.

Таким образом, в условиях идеологической дезориентации и отсутствия внятной государственной образователь-

ной политики школа оказалась одним из немногих институтов, который сохранял черты структурной устойчивости и внутреннего сопротивления разрушению. Это внутреннее ядро стало фундаментом для последующих попыток осмысления и восстановления образовательной стратегии в XXI в.

8. Модель школы функционального контроля

С начала 2000-х гг. в условиях выхода из общего кризиса и распада системы образования был взят курс на стабилизацию через стандартизацию и усиление административного контроля. Усиление административного и нормативного контроля в начале было во многом целесообразными мерами, продиктованными ситуацией утраты целостности образовательной системы, размывания единых стандартов и ценностных ориентиров. В условиях дезинтеграции, вызванной 1990-ми гг., восстановление управляемости и единообразия воспринималось как необходимое условие стабилизации.

Одним из ключевых шагов в этом направлении стало введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), который в 2001–2008 гг. был внедрён во всех регионах страны. ЕГЭ рассматривался как инструмент обеспечения прозрачности и равенства при поступлении в вузы [3].

Однако эта мера повлекла за собой и серьёзные проблемы. Началась массовая практика натаскивания учащихся на правильные ответы, что подменяло развитие мышления и глубокое усвоение знаний. Разросшийся рынок репетиторских услуг ориентировался не на образование, а на формальный результат. Образование всё более сводилось к подготовке к тестированию.

Параллельно происходила институционализация компетентностного подхода, оформленного в рамках Болонского процесса, к которому Россия присоединилась в 2003 г. Этот подход сместил акценты с формирования целостной личности

на приобретение прикладных навыков. Однако компетенции как инструменты должны быть вторичны по отношению к целям воспитания человека – мыслящего, ответственного, способного к творчеству. Критика компетентностного подхода заключалась в том, что он не даёт ответа на вопрос: кого и зачем мы воспитываем. Подмена гуманистических целей узко утилитарными установками вела к упрощению образовательной парадигмы. Сам Болонский процесс был порождён иллюзией формирования единого глобализированного мира, в рамках которого предполагалось унифицировать системы высшего образования разных стран [63].

Широко распространяется менеджерский подход, рассматривавшийся как универсальный способ управления в любой сфере, включая образование. Образование стало интерпретироваться сквозь призму эффективности, рентабельности, управляемости по бизнес-модели. Однако такой подход вступал в противоречие с сущностной природой образовательного процесса, где решающую роль играют не количественные показатели, а формирование личности, культурная передача и воспитание. Менеджеризация школы нередко приводила к подмене целей образования административными метриками, нивелируя педагогическую составляющую и ослабляя авторитет учителя [23].

Считалось, что рыночные механизмы, эффективность, КРП и отчётность можно перенести на сферу образования. Возникла идея школы как автономного хозяйствующего субъекта, предоставляющего образовательные услуги. Однако ставка на рынок в этой сфере без чётких ценностных ограничителей вела к размыванию миссии образования. Образование не может быть только услугой, оно стратегический ресурс, связанный с национальной безопасностью и целями государства.

На фоне цифровизации усилилась бюрократизация школьной жизни. Учитель оказался перегружен отчётами, формами и цифровыми платформами, не всегда

связанными с реальным образовательным процессом. Возросло административное давление.

Возникла новая, ранее не известная в такой остроте проблема – цифровая зависимость учащихся. Постоянное взаимодействие с гаджетами, электронными платформами и социальными сетями формирует у школьников клиповое мышление, при котором информация воспринимается фрагментарно, поверхностно, без способности к её системному осмыслению. Отмечается рост рассеянности внимания, снижение усидчивости, трудности с построением логических связей и самостоятельным анализом учебного материала. Глубина восприятия и усвоения существенно снижается, особенно в гуманитарных дисциплинах, требующих рефлексии, сосредоточенности и внутренней работы мысли. Возникает риск, что вместо развития мышления и культуры восприятия школа начнёт лишь адаптировать ребёнка к цифровому потоку, теряя собственную миссию воспитания и просвещения [18].

Несмотря на некоторое повышение заработной платы педагогов, престиж профессии по-прежнему оставался низким. Учитель всё чаще воспринимался как оператор системы, а не как носитель смысла. В этой связи на уровне государства неоднократно поднимался вопрос о необходимости вернуть учителю его подлинную роль. Президент России В. В. Путин подчёркивал, что необходимо освободить педагога от избыточного административного прессинга и дать ему возможность учить детей¹.

Принципиальным достижением этапа стало восстановление системы воспитания, в основе которой было положено

патриотическое направление. Осознание необходимости формирования у подрастающего поколения чувства сопричастности к истории и судьбе страны, ответственности за её будущее, стало реакцией на деструктивные последствия предшествующего периода [11].

Таким образом, в 2000-х гг. школа, с одной стороны, получила управленческую стабильность и контроль, но с другой – оказалась в плену технократических и рыночных подходов, не всегда совместимых с миссией воспитания и образования.

Формирования новой модели российской школы 2022+

С 2022 г. начался новый этап в развитии отечественного образования, обозначенный событиями специальной военной операции и системной переоценкой ценностных ориентиров. Одним из знаковых шагов стало провозглашение 2023 г. Годом педагога и наставника, что подчеркнуло ключевую роль учителя как носителя и передатчика духовных и культурных основ российской цивилизации. В образовательной политике всё более отчётливо фиксируется поворот к собственному историческому опыту, отказ от заимствованных внешних моделей и обращение к традиционным российским основаниям воспитания и обучения.

В условиях нарастающего внешнего давления и идеологической конфронтации усиливается осознание необходимости опоры на внутренние ресурсы, прежде всего в сфере образования. Возникает запрос на формирование гражданина и патриота, воспитанного на основе исторической памяти, культурного кода и национальных ценностей. Возвращение к себе – это не изоляция, а путь к суверенности, к формированию самостоятельной образовательной траектории, в которой приоритет отдаётся не универсальным «глобальным» компетенциям, а глубинным смыслом, коренящимся в отечественной традиции.

¹ Завражин К., Петров В. Путин предложил сократить «бумажную» нагрузку на учителей // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2015/12/23/prezident-site.html> (дата обращения: 05.06.2025); Путин: необходимо сократить бумажную нагрузку на педагогов // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20151223/1347397306.html> (дата обращения: 05.06.2025);

Заключение

В рассмотренном историческом периоде можно выделить 8 этапов отечественного школьного образования, каждый из которых неразрывно связан с общим государственным курсом, политическими трансформациями и идеологическими поворотами. Эти этапы не просто отражали изменения в структуре и содержании образования – они выражали глубинные мировоззренческие и цивилизационные ориентиры. Во всех случаях школа служила индикатором и инструментом более широких процессов, происходящих в российском обществе.

В ретроспективе данные этапы можно рассматривать как колебания между двумя противоположными векторами развития: с одной стороны, опорой на собственные идентичностные накопления, с другой – внедрением внешних, прежде всего западных, концептов и моделей. Именно в периоды опоры на идентичную парадигму, включающую в себя ценности служения, патриотизма, коллективной ответственности, воспитания, Россия достигала наивысших результатов: в победе в Великой Отечественной войне, в научно-техническом и образовательном прорыве, в формировании уникальной системы социализации.

Этапы можно представить следующим образом:

1. *школа сословного служения* (модель Российской империи) – образование как инструмент подготовки к исполнению социального статуса; строго иерархическое, с опорой на дисциплину и традиции христианской нравственности;

2. *лаборатория свободного человека* (послереволюционная модель) – попытка построения школы без авторитета и дисциплины, ориентированной на саморазвитие личности; опорой на переработанные западные учения, соотносимые с парадигмой свободного воспитания;

3. *советская неоклассическая школа* (сталинская модель) – синтез советской идеологии с русской классической педа-

гогией, обеспечивший высокий уровень образования и социализации;

4. *этап соединения школы с жизнью* (хрущёвская модель) была направлена на сближение школы с производством, что привело к снижению уровня фундаментальности и деформации содержания образования;

5. *этап развития школы фундаментальных наук* (модель позднего социализма) – возврат к приоритету академического образования и передовых научных знаний, что в соединении с системой коллективного воспитания обеспечивало её лидерские позиции в мире;

6. *школа педагогического новаторства* (перестроечная модель) в условиях ослабления бюрократического контроля иницированы поиски новых моделей гуманистического образования, однако процессы сопровождались концептуальной размытостью и деструктивными влияниями;

7. *школа образовательных услуг* (1990-е гг.) – разрушение советской модели, внедрение рыночной логики и западных концептов, отказ от воспитательной функции и кризис социализации;

8. *школа функционального контроля* (2000-е гг.) – стандартизация, введение ЕГЭ и Болонской системы, попытки восстановления воспитательной функции при тенденциях усиления административной нагрузки, менеджеризации образования, доминанции компетентностного подхода и цифровизации.

Девятый этап, на который страна вступила с 2022 г., пока ещё не реализован в полноте, но обозначен как направление, как вектор, как возможность смыслового поворота. Его признаки: возвращение к цивилизационной идентичности, переосмысление миссии школы не как сервиса, а как института формирования культурного субъекта, укоренённого в своей истории, языке, ценностях. Это попытка преодоления логики образовательного менеджмента и рынка, возвращения к воспитанию как основе национальной безопасности.

Идентичный путь, ориентированный на собственную культурную, духовную и историческую традицию, доказал свою жизнеспособность и продуктивность. Он сопряжён с периодами собранности, мобилизации, национального подъёма и устойчивого развития. Напротив, периоды копирования внешних моделей, абстрагированных от российской цивилизационной специфики, сопровождался кризисами, утратой ориентиров, разрушением института воспитания.

Сегодняшний момент, переход к девятому этапу, открывает перспективу не

очередного заимствования, а возвращения к своей линии, где образование вновь становится основой цивилизационного бытия, а школа – пространством формирования полноценной, ответственной, культурной и нравственной личности.

От того, вернётся ли школа к себе, к своей воспитательной, миссионерской, цивилизационной сущности зависит не просто качество знаний, но судьба России как исторического субъекта. Школа – это не зеркало эпохи, а её формообразующий нерв. И если мы хотим сохранить себя как цивилизацию, нам нельзя проиграть школу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаев Р. З. Советское школьное образование в историографических дискуссиях постсоветского периода // Преподаватель XXI век. 2022. № 2-2. С. 279–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-279-287
2. Амонашвили Ш. А. Единство цели. М.: Просвещение, 1987. 208 с.
3. Андрущак Г. В., Натхов Т. В. Введение ЕГЭ, стратегии абитуриентов и доступность высшего образования // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 64–88.
4. Багдасарян В. Э. Крупская и педагогическая эпоха. М.: МГОУ, 2019. 180 с.
5. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
6. Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко С. П.). Педагогические системы. Цивилизационно-ценностные основания. Ярославль: Индиго, 2023. 418 с.
7. Баранов В. С. Педологическая служба в советской школе 20–30-х // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 100–112.
8. Бежевец М. К., Бежевец Д. А. Педагогический опыт С. А. Рачинского и его актуальность для современной отечественной школы // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2023. Вып. 69. С. 9–20. DOI: 10.15382/sturIV202369.9-20
9. Блонский П. П. Педология. М.: Учпедгиз, 1936. 335 с.
10. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М.: Статистика, 1964. 195 с.
11. Богуславский М. В. Трансформация идеологии реформ российского образования в 1991–2021 годы: модернизации и ретроинновации // Наука. Управление. Образование. 2022. № 1. С. 8–14.
12. Быкова Е. Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 179–189.
13. Валеев А. А. Теория и практика свободного воспитания в истории гуманистической педагогики. Казань: КГПУ, 2003. 112 с.
14. Вентцель К. Н. Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка. М.: Типолит. т-ва И. Н. Кушнере, 1918. 15 с.
15. Володина С. Е. Антропософская концепция Штайнерской педагогики // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 138–146.
16. Вычеров Д. А. Военное обучение школьников в конце 1930-х – 1945 гг. (на материалах города Тюмени) // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 1. С. 7–13.
17. Герbart И. Г. Главнейшие педагогические сочинения Иог. Гербарта в систематическом извлечении: с очерком жизни и деятельности Гербарта. М.: К. Тихомиров, 1906. 365 с.
18. Головина И. В., Александрова Т. Я. Цифровизация образования: риски и последствия // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 1. С. 17–22.

19. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013. 28 с.
20. Григорьев Д. В., Григорьева Н. В. Аксиология воспитания В. А. Караковского // Народное образование. 2016. № 2/3. С. 193–199.
21. Гуркина Н. К. Ушинский и советская школа (из исторического опыта создания отечественной системы образования) // Управленческое консультирование. 2023. № 11. С. 122–131.
22. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
23. Двенадцать решений для нового образования / под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 105 с.
24. Дьюи Д. Впечатления о Советской России // История философии. 2000. № 5. С. 224–269.
25. Житенев Т. Е. Церковноприходские школы в России (1884–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 301 с.
26. Замосникова Н. Н. Реформирование образования в РФ 1991–2015 годы: от структурно-функционального диссонанса социальной системы к поиску баланса интересов её субъектов // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 2. С. 49–59.
27. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начала XX века М.: АН СССР, 1991. 392 с.
28. Иванова Г. М. Образовательная реформа 1958 года и общественные дискуссии о путях развития высшей школы в СССР // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. № 1. С. 55–75.
29. Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд "Московское время", 2018. 432 с.
30. Ильин Г. Д., Цимхес Э. М. Об антиленинской теории «отмирания школы». М.: Учпедгиз, 1931. 62 с.
31. Калиниченко С. Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х гг.: А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1994. 206 с.
32. Катержевская О. В. Трансформация идей личностно-развивающего обучения в отечественной педагогике: дис. ... канд. пед. наук. Армавир, 2002. 176 с.
33. Килпатрик В. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.
34. Козлова Г. Н. Воспитание в системе деятельности отечественной общеобразовательной средней школы (первая половина XX в.): дис. ... док. пед. наук. Новгород, 2005. 364 с.
35. Колыхалов Д. В. Развитие школьного образования в России в первой половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 252 с.
36. Корнетов Г. Б. Педагоги-новаторы, новое педагогическое мышление и инновационное движение в отечественном школьном образовании (вторая половина 1980-х – вторая треть 1990-х гг.). // Историко-педагогический журнал. 2019. № 1. С. 72–100.
37. Костюченко И. Ю. Дилемма российского образования в 1990-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. 32. С. 1–17.
38. Куровская Ю. Г. «Восхождение к качеству»: картина восприятия школьной реформы 1984 года в советской периодике // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 1. С. 150–167.
39. Куровская Ю. Г. Картина восприятия школьной реформы 1984 года в советской периодике // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 1. С. 150–167.
40. Кутепов В. А. Начальная военная подготовка учащихся средних общеобразовательных школ Западной Сибири: 1968–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 234 с.
41. Лившин А. Я. "Военная тревога" 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 190–206.
42. Любутин К. Н., Франц С. В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 169 с.
43. Макаренко А. С. Педагогические сочинения в 8-и томах. М.: Педагогика, 1983-1986.
44. Малис Г. Психоанализ коммунизма. Харьков: Космос, 1924. 87 с.
45. Маркова Д. В. Роль антропософских идей Р. Штайнера в формировании концепции Вальдорфской педагогики // PIVOVAROV-READINGS II: Религия. Человек. Цифровизация: процессы дифференциации и синтеза знания: сб. конф. Екатеринбург: Деловая книга, 2022. С. 229–230.
46. Маслюк О. Н. Педагогическая система И. П. Иванова в современном контексте духовно-нравственного воспитания школьников: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2002. 194 с.

47. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Була-нин, 2015. 992 с.
48. Нарядкина Л. А. Школьная реформа 1958 г. и национальное образование // Фундаментальные исследования. 2005. № 4. С. 35–36.
49. Никишин Б. А. Возвращение формальной логики в среднюю школу после Великой Отече-ственной войны // Педагогические науки. 2021. Вып. 2-3. С. 103–105.
50. Пеньковских Е. А. Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике: на основе сравнительного анализа: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007. 217 с.
51. Пепелина Н. И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школь-ным учебником отечественной истории // Вестник Московского государственного гуманитар-ного университета им. М. А. Шолохова. Серия: История и политология. 2013. № 2. С. 19–32.
52. Петровский А. В. Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука / отв. ред. М. Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 126–136
53. Победоносцев К. П. Новая школа. М.: Изд. К. П. Победоносцева, 1898. 88 с.
54. Поздняков А. Н. Образовательная реформа Александра II: оценки в исторических сочинени-ях конца XIX – начала XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 16–22.
55. Помелов В. Б. Движение педагогов-новаторов 1980-х годов: к 30-летию педагогики сотрудни-чества // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психоло-го-педагогические науки. 2016. № 4. С. 74–89.
56. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М.: Государственное статистическое из-дательство, 1956. 350 с.
57. Родин А. М. Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 92–98.
58. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвеще-ния 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. 840 с.
59. Селихов Н. Н. В. П. Потёмкин – народный комиссар по просвещению РСФСР, организатор пе-дагогической науки // Советская педагогика. 1973. № 2. С. 115–121.
60. Смолин О. Н. Услуга или служение? о некоторых философско-экономических основах образо-вательной политики // Народное образование. 2020. № 1. С. 7–30.
61. Спицын Е. Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964. М.: Концептуал, 2025. 592 с.
62. Ставропольцева С. В. Лабораторно-бригадное обучение: традиции и инновации // Педагоги-ка: традиции и инновации: мат-лы конф. / отв. ред. Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса. Казань: ООО «Бук», 2017. С. 14–19.
63. Степанова Е. И. Перспективы успешности модернизации российского образования в рамках Болонского процесса: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2008. 205 с.
64. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1979. 335 с.
65. Теплова Е. Ф. Пространство советской школы в 1970–1980-х: практики повседневности // Эт-нодиалоги. 2018. № 2. С. 269–282.
66. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1989. 542 с.
67. Томина Е. Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность // Вестник ОГУ. 2011. № 2. С. 360–366.
68. Тупицына Н. А. Классификация идей в педагогической системе С. Л. Соловейчика // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1-3. С. 103–108.
69. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
70. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. 776 с.
71. Федосов А. Б. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX в. // Вестник Костром-ского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 243–247.
72. Чередниченко Г. А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Со-циологический журнал. 1999. № 1-2. С. 5–21.
73. Шаталов В. Ф. Точка опоры. М.: Педагогика, 1987. 160 с.
74. Шваб М. М. Реформы в системе школьного образования СССР в 30-е гг. XX в // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-6. С. 58–61.

75. Эльконин Д. Б. Развитие устной и письменной речи. М.: Интор, 1998. 112 с.
76. Эткинд А. М. Лев Троцкий и психоанализ // Нева. 1991. № 4. С. 183–190
77. Эткинд А. М. От психоанализа к педологии (из истории советской науки о человеке) // Человек. 1990. № 1. С. 20–30.

REFERENCES

1. Almaev, R. Z. (2022). Soviet school education in historiographic discussions of the post-Soviet period. In: *Teacher XXI century*, 2-2, 279–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-279-287 (in Russ.).
2. Amonashvili, Sh. A. (1987). *Unity of purpose*. Moscow: Education Publ. (in Russ.).
3. Andrushchak, G. V. & Natkhov, T. V. (2012). Introduction of the Unified State Exam, applicants' strategies and accessibility of higher education. In: *Education issues*, 3, 64–88 (in Russ.).
4. Baghdasaryan, V. E. (2019). *Krupskaya and the pedagogical era*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).
5. Baghdasaryan, V. E. (2019). *Russian education: choosing a path*. Moscow: Otchiy dom Publ. (in Russ.).
6. Baghdasaryan, V. E. & Silvester, arch. (Lukashenko, S.P.) (2023). *Pedagogical systems. Civilization-value foundations*. Yaroslavl: Indigo Publ. (in Russ.).
7. Baranov, V. S. (1991). Pedagogical service in the Soviet school of the 20-30s. In: *Questions of psychology*, 4, 100–112 (in Russ.).
8. Bezhevets, M. K. & Bezhevets, D. A. (2023). Pedagogical experience of S. A. Rachinsky and its relevance for the modern domestic school. In: *Bulletin of PSTGU. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 69, 9–20. DOI: 10.15382/sturIV202369.9-20 (in Russ.).
9. Blonsky, P. P. (1936). *Pedology*. Moscow: Uchpedgiz Publ. (in Russ.).
10. Bogdanov, I. M. (1964). *Literacy and education in pre-revolutionary Russia and in the USSR*. Moscow: Statistics Publ. (in Russ.).
11. Boguslavsky, M. V. (2022). Transformation of the ideology of reforms in Russian education in 1991–2021: modernizations and retro-innovations. In: *Science. Management. Education*, 1, 8–14 (in Russ.).
12. Bykova, E. Yu. (2011). Reforming the school education system in the USSR in 1917–1930: organizational and ideological aspects. In: *Bulletin of Tomsk State University*, 1, 179–189 (in Russ.).
13. Valeev, A. A. (2003). *Theory and practice of free education in the history of humanistic pedagogy*. Kazan: KSPU Publ. (in Russ.).
14. Ventzel, K. N. (1918). *Separation of school from state and the Declaration of the Rights of the Child*. Moscow: Tipolit. t-va I. N. Kushner Publ. (in Russ.).
15. Volodina, S. E. (2023). Anthroposophical concept of Steiner's pedagogy. In: *Humanities and social sciences*, 97(2), 138–146 (in Russ.).
16. Vychevov, D. A. (2020). Military training of schoolchildren in the late 1930s – 1945 (based on materials from the city of Tyumen). In: *Science. Society. Defense*, 8(1), 7–13 (in Russ.).
17. Herbart, I. G. (1906). The most important pedagogical works of Johann. Herbart in a systematic extract: with an essay on the life and work of Herbart. Moscow: K. Tikhomirov Publ. (in Russ.).
18. Golovinah, I. V. & Aleksandrova, T. Ya. (2024). Digitalization of Education: Risks and Consequences. In: *Educational Resources and Technologies*, 1, 17–22 (in Russ.).
19. Goncharova, G. D. (2013). *The Period of Separate Education in the USSR in 1943–1945 and Its Reflection in Literature and Cinematography*. Moscow: HSE Publishing House Publ. (in Russ.).
20. Grigoriev, D. V. & Grigorieva, N. V. (2016). Axiology of Education by V. A. Karakovsky. In: *Public Education*, 2/3, 193–199 (in Russ.).
21. Gurkina, N. K. (2023). Ushinsky and the Soviet School (from the Historical Experience of Creating the Domestic Education System). In: *Management Consulting*, 11, 122–131 (in Russ.).
22. Davydov, V. V. (1996). *Theory of Developmental Learning*. Moscow: INTOR Publ. (in Russ.).
23. Kuzminov, Ya. I., Frumin, I. D., eds. (2018). *Twelve Solutions for the New Education*. Moscow: National Research University Higher School of Economics Publ. (in Russ.).
24. Dewey, D. (2000). Impressions of Soviet Russia. In: *History of Philosophy*, 5, 224–269 (in Russ.).
25. Zhitenov, T. E. (2004). *Parish Schools in Russia (1884–1918): [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
26. Zamoshnikova, N. N. (2016). Reforming Education in the Russian Federation in 1991–2015: From Structural and Functional Dissonance of the Social System to the Search for a Balance of Interests of Its Subjects. In: *Humanitarian Vector*, 11(2), 49–59 (in Russ.).

27. Ivanov, A. E. (1991). *Higher School in Russia in the Late 19th – Early 20th Century*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.)
28. Ivanova, G. M. (2023). Educational Reform of 1958 and Public Discussions on the Development Paths of Higher School in the USSR. In: *Historical and Social-Educational Thought*, 1, 55–75 (in Russ.).
29. Ivanova, G. M. (2018). *Soviet school in the 1950s–1960s*. Moscow: Moscow Time Foundation Publ. (in Russ.).
30. Ilyin, G. D. & Tsimkhes, E. M. (1931). *On the anti-Leninist theory of the “withering away of the school”*. Moscow: Uchpedgiz Publ. (in Russ.)
31. Kalinichenko, S. B. (1994). *The Problem of the “New” Man in the Works of Political Figures of the 1920s: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharsky, L. D. Trotsky* [dissertation]. Stavropol (in Russ.).
32. Katurzhevskaya, O. V. (2002). Transformation of the Ideas of Personality-Developmental Learning in Domestic Pedagogy: [dissertation]. Armavir (in Russ.).
33. Kilpatrick, V. H. (1925). *Project Method. Application of the Target Setting in the Pedagogical Process*. L.: Brockhaus-Efron Publ. (in Russ.).
34. Kozlova, G. N. (2005). *Education in the System of Activities of Domestic Comprehensive Secondary Schools (First Half of the 20th Century)*: [dissertation]. Novgorod (in Russ.).
35. Kolyhalov, D. V. (1999). Development of school education in Russia in the first half of the twentieth century: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
36. Kornetov, G. B. (2019). Innovative teachers, new pedagogical thinking and innovative movement in domestic school education (second half of the 1980s - second third of the 1990s). In: *Historical and pedagogical journal*, 1, 72–100 (in Russ.).
37. Kostyuchenko, I. Yu. (2012). The dilemma of Russian education in the 1990s. In: *Public administration. Electronic Bulletin*, 32, 1–17 (in Russ.).
38. Kurovskaya, Yu. G. (2024). “Ascent to Quality”: the Picture of Perception of the 1984 School Reform in the Soviet Periodicals. In: *Domestic and Foreign Pedagogics*, 1(1), 150–167 (in Russ.).
39. Kurovskaya, Yu. G. (2024). The Picture of Perception of the 1984 School Reform in the Soviet Periodicals. In: *Domestic and Foreign Pedagogics*, 1(1), 150–167 (in Russ.).
40. Kutepov, V. A. (2011). *Basic Military Training of Students of Secondary Comprehensive Schools in Western Siberia: 1968–1991*: [dissertation]. Tyumen (in Russ.).
41. Livshin, A. Ya. (2015). “Military alarm” of 1927 and public sentiment in the Soviet Union. In: *Public administration. Electronic bulletin*, 50, 190–206 (in Russ.).
42. Lyubutin, K. N. & Franz, S. V. (2002). *Russian versions of Marxism: Anatoly Lunacharsky*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russ.).
43. Makarenko, A. S. (1983–1986). *Pedagogical works in 8 volumes*. Moscow, Pedagogika Publ. (in Russ.).
44. Malis, G. (1924). *Psychoanalysis of Communism*. Kharkov (in Russ.).
45. Markova, D. V. (2022). The Role of R. Steiner's Anthroposophical Ideas in the Formation of the Concept of Waldorf Pedagogy. In: *PIVOVAROV-READINGS II: Religion. Man. Digitalization: Processes of Differentiation and Synthesis of Knowledge*. Ekaterinburg: Delovaia kniga Publ., 229–230 (in Russ.).
46. Maslyuk, O. N. (2002). *Pedagogical System of I. P. Ivanov in the Modern Context of Spiritual and Moral Education of Schoolchildren*: [dissertation]. Ryazan (in Russ.).
47. Mironov, B. N. (2015). *Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 3*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (in Russ.).
48. Naryadkina, L. A. (2005). School reform of 1958 and national education. In: *Fundamental research*, 4, 35–36 (in Russ.).
49. Nikishin, B. A. (2021). Return of formal logic to secondary school after the Great Patriotic War. In: *Pedagogical sciences*, 2–3, 103–105 (in Russ.).
50. Penkovskikh, E. A. (2007). Project method in domestic and foreign pedagogical theory and practice: based on comparative analysis: [dissertation]. Ekaterinburg (in Russ.).
51. Pepelina, N. I. (2013). From the history of public education in the USSR in the 1930s: work on a school textbook of Russian history. In: *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Series: History and Political Science*, 2, 19–32 (in Russ.).
52. Petrovsky, A. V. (1991). Ban on a comprehensive study of childhood. In: Yaroshevsky, M. G., ed. *Repressed science*. Leningrad, Nauka Publ., 126–136 (in Russ.).
53. Pobedonostsev, K. P. (1898). *New school*. Moscow: K. P. Pobedonostsev Publ. (in Russ.).

54. Pozdnyakov, A. N. (2012). Educational reform of Alexander II: assessments in historical works of the late 19th – early 20th centuries. In: *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: History. International relations*, 12(1), 16–22 (in Russ.).
55. Pomelov, V. B. (2016). The movement of innovative teachers of the 1980s: on the 30th anniversary of the pedagogy of cooperation. In: *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*, 4, 74–89 (in Russ.).
56. Rashin, A. G. (1956). *Population of Russia for 100 years (1811–1913)*. Moscow: State Statistical Publ. (in Russ.).
57. Rodin, A. M. (1998). From the history of the ban on pedagogy in the USSR. In: *Pedagogy*, 4, 92–98 (in Russ.).
58. Rozhdestvensky, S. V. (1902). *Historical review of the activities of the Ministry of Public Education 1802–1902*. St. Petersburg: State Printing House Publ. (in Russ.).
59. Selikhov, N. N. (1973). V. P. Potemkin – People's Commissar for Education of the RSFSR, organizer of pedagogical science. In: *Soviet pedagogy*, 2, 115–121 (in Russ.).
60. Smolin, O. N. (2020). Service or ministry? on some philosophical and economic foundations of educational policy. In: *Public education*, 1, 7–30 (in Russ.).
61. Spitsyn, E. Yu. (2025). *Khrushchev slush. Soviet state in 1953–1964*. Moscow: Conceptual Publ. (in Russ.).
62. Stavropoltseva, S. V. (2017). Laboratory-team training: traditions and innovations. In: Osyanina, E. I. & Veiss, L. N., eds. *Pedagogy: traditions and innovations*. Kazan: OOO "Buk" Publ., 14–19 (in Russ.).
63. Stepanova, E. I. (2008). *Prospects for the success of modernization of Russian education within the framework of the Bologna process*: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
64. Sukhomlinsky, V. A. (1979). *Birth of a citizen*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (in Russ.).
65. Teplova, E. F. (2018). The Space of the Soviet School in the 1970s–1980s: Everyday Practices. In: *Ethnodialogues*, 2, 269–282 (in Russ.).
66. Tolstoy, L. N. (1989). *Pedagogical Works*. Moscow, Pedagogy Publ. (in Russ.).
67. Tomina, E. F. (2011). Pedagogical Ideas of John Dewey: History and Modernity. In: *Bulletin of OSU*, 2, 360–366 (in Russ.).
68. Tupitsyna, N. A. (2011). Classification of Ideas in the Pedagogical System of S. L. Soloveichik. In: *Bulletin of Vyatka State University*, 1–3, 103–108 (in Russ.).
69. Utkin, A. I. (2001). *The First World War*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
70. Ushinsky, K. D. (1950). Man as a Subject of Education. In: Ushinsky, K. D. *Collected Works: in 11 volumes. Vol. 9*. Moscow; Leningrad: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ. (in Russ.).
71. Fedosov, A. B. (2008). Crisis of Patriotic Education in Russia at the End of the 20th Century. In: *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 14, 243–247 (in Russ.).
72. Cherednichenko, G. A. (1999). School Reform of the 1990s: Innovations and Social Selection. In: *Sociological Journal*, 1–2, 5–21 (in Russ.).
73. Shatalov, V. F. (1987). *Point of Support*. Moscow: Pedagogy Publ. (in Russ.).
74. Schwab, M. M. (2016). Reforms in the School Education System of the USSR in the 1930s. In: *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 5–6, 58–61 (in Russ.).
75. Elkonin, D. B. (1998). *Development of oral and written speech*. Moscow: Intor Publ. (in Russ.).
76. Etkind, A. M. (1991). Lev Trotsky and psychoanalysis. In: *Neva*, 4, 183–190 (in Russ.).
77. Etkind, A. M. (1990). From psychoanalysis to pedagogy (from the history of Soviet science about man). In: *Chelovek*, 1, 20–30 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4895-5108

Научная статья

УДК 37.01:2-1+316.7

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-37-49

НЕПРЕСТАННАЯ ЛИТУРГИЯ: ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Резвушкина С. А.

Российский государственный гуманитарный университет

Г. Москва, Российская Федерация

Поступила в редакцию 26.06.2025

После доработки 01.07.2025

Принята к публикации

Аннотация

Цель. Целью исследования является анализ влияния православной антропологии на формирование цивилизационной идентичности России через призму образовательных практик XI–XXI вв. и разработка стратегий интеграции онтоантропологических оснований в современную образовательную систему для преодоления онтоантропологического разрыва, вызванного глобализацией и вестернизацией.

Процедура и методы. Исследование опирается на междисциплинарный подход, включающий историко-философскую реконструкцию для анализа трансформации онтоантропологических оснований российского образования на основе ключевых текстов (от древнерусских церковных книг до современных образовательных стандартов). Применяется цивилизационно-компаративный анализ для оценки когерентности российских образовательных практик глобальным трендам, а также дискурс-анализ институциональных практик образования в исторической ретроспективе. Для разработки интегративной стратегии использован метод концептуального синтеза.

Результаты. Установлено, что православная антропология, акцентирующая соборность, жертвенность и обожение, является константной основой русской цивилизационной идентичности. Её ослабление в образовательных практиках под влиянием вестернизации привело к онтоантропологическому разрыву, вызвавшему кризис идентичности и геополитическую десубъективацию. Актуализация православной антропологии в образовании через литургические практики и цифровые форматы способна преодолеть этот разрыв, укрепляя цивилизационный суверенитет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в обосновании православной антропологии как системообразующего элемента русской цивилизационной идентичности и выявлении её литургической природы. Практическая значимость состоит в разработке рекомендаций по интеграции онтоантропологических оснований в образовательную систему на всех уровнях (дошкольное, школьное, вузовское) для формирования духовно-нравственного фундамента личности и укрепления цивилизационного суверенитета России.

Ключевые слова: православная антропология, цивилизационная идентичность, онтоантропологический разрыв, образование, литургичность, соборность, обожение, глобализация, вестернизация

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

Для цитирования:

Резвушкина С. А. Непрестанная литургия: православная антропология в формировании русской цивилизационной идентичности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 37–49.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-37-49

Original research article

CEASELESS LITURGY: ORTHODOX ANTHROPOLOGY IN SHAPING RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY

S. Rezvushkina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Received by the editorial office 26.06.2025

Revised by the author 01.07.2025

Accepted for publication 07.07.2025

Abstract

Aim. The study aims to analyze the influence of Orthodox anthropology on the formation of Russia's civilizational identity through the lens of educational practices from the 11th to the 21st century and to develop strategies for integrating onto-anthropological foundations into the modern educational system to address the onto-anthropological rupture caused by globalization and Westernization.

Methodology. The research employs an interdisciplinary approach, utilizing historical-philosophical reconstruction to examine the transformation of onto-anthropological foundations in Russian education from the 11th to the 21st century, based on key texts (from ancient Russian ecclesiastical books to contemporary educational standards). A civilizational-comparative analysis is applied to assess the coherence of Russian educational practices with global trends, alongside discourse analysis of institutional educational practices in historical retrospect. The method of conceptual synthesis is used to develop an integrative strategy for implementation.

Results. It is established that Orthodox anthropology, emphasizing sobornost (communal unity), self-sacrifice, and theosis (deification), serves as a constant foundation of Russian civilizational identity. Its weakening in educational practices under the influence of Westernization has led to an onto-anthropological rupture, resulting in an identity crisis and geopolitical desubjectivation. The revitalization of Orthodox anthropology in education through liturgical practices and digital formats can overcome this rupture, strengthening civilizational sovereignty.

Research implications. The theoretical significance lies in substantiating Orthodox anthropology as a systemic element of Russian civilizational identity and identifying its liturgical nature. The practical significance consists in developing recommendations for integrating onto-anthropological foundations into the educational system at all levels (preschool, school, and university) to foster a spiritual-moral foundation for personal development and to reinforce Russia's civilizational sovereignty.

Keywords: Orthodox anthropology, civilizational identity, onto-anthropological rupture, education, liturgicity, sobornost, theosis, globalization, Westernization.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of a state assignment (scientific project «Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects», topic number: FSZG-2025-0004).

For citation:

Rezvushkina, S. A. (2025). Ceaseless liturgy: orthodox anthropology in shaping Russian civilizational identity. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 37–49

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-37-49

Введение

В современном мире наблюдается заметный парадокс: призывы к глобализации и попытки унифицировать наиболее значимые сферы жизни по западным лекалам (в первую очередь, образование, науку, медицину) привели к тому, что всё больше стран начало обращаться к своей цивилизационной идентичности. Это обусловлено тем, что глобалистские идеологии, транслируемые через медиа и академические каналы, навязывают основанную на индивидуализме и релятивизме культуру. Эта культура когерентна для стран Западной цивилизации, но абсолютно неприменима для иных государств и обществ [1, с. 11].

Унификация, продвигаемая Западом в рамках стратегии глобализации, может быть прочитана как форма эпистемологической гегемонии, стремящейся к доминированию через навязывание «универсальных» онтологий и следующих из них антропологий. В результате такая политика приводит к незападным обществам к социокультурным конфликтам, когда навязываемое «должное» идёт вразрез с культурным кодом страны как внутренним «сущим». Этот конфликт оказывает деструктивное воздействие на глобализуемую страну, поскольку подрыв её цивилизационной идентичности через подмену онтоантропологических оснований напрямую ослабляет темпы развития и снижает политическую субъектность государства. Онтоантропологические основания в этой оптике являются ключевым элементом, потому что они определяют базовые нарративы цивилизации – представления о бытии (образ бытия) и

месте человека в нём (образ человека). Именно эти представления служат глубинным фундаментом цивилизационной дифференциации и одновременно являются основой идентификационных процессов, поскольку они позволяют связать единичного человека с уникальными культурными, историческими и духовными особенностями цивилизации через механизм экзистенциальной укоренённости. Более того, онтоантропологические основания, выступая как содержательная часть цивилизационной идентичности, генерируют и структурируют культурный код, который в свою очередь представляет собой форму выражения и ретрансляции цивилизационной идентичности.

Сфера образования, которая формирует «соответствующий цивилизационно-идентичный антропологический тип» [2, с. 4] в этой оптике отказывается ключевым институтом формирования онтоантропологических матриц и, следовательно, эпицентром цивилизационного противостояния. Ведь если в традиционных обществах оно было основано на межличностной передаче (*tradere*) через духовную сферу культурного кода конкретного сообщества, то в современной глобализированной педагогике образование низведено до опосредованного (в т. ч. и технологически) формирования системы навыков, необходимых для эффективной интеграции в глобальную же экономику [3, с. 23]. Результатом такой образовательной политики становится онтоантропологический разрыв, поскольку освоение *hard skills* и искусственно навязываемых *soft skills* без опоры на

духовно-ценностный фундамент ведёт к дезориентации личности, кризису идентичности и экзистенциальной фрустрации. В этой связи восстановление духовного измерения российского образования через базовые для российской цивилизации онаоантропологические основания становится не вопросом идеологического выбора, но условием сохранения цивилизационного суверенитета.

Представляется конструктивным использование междисциплинарного подхода для изучения базовых для российской цивилизации онтоантропологических оснований. В частности, в контексте данной работы будет использован метод историко-философской реконструкции, который будет направлен на анализ трансформации онтоантропологических оснований российского образования XI–XXI вв. через призму ключевых текстов – от древнерусских церковных учильных книг до советских и постсоветских образовательных стандартов. Это позволит выявить базовые категориальные установки, являющиеся константными для русского миропонимания. Эти установки могут быть проанализированы в контексте цивилизационно-компаративного анализа, чтобы увидеть их когерентность или некогерентность глобальным образовательным трендам. Также представляется значимым проведение дискурс-анализа институциональных практик российского образования в исторической ретроспективе. Этот аспект будет направлен на выявление основных стратегий формирования цивилизационной идентичности. Выводы исследования потребуют также применение метода концептуального синтеза с целью выработки интегративной стратегии возврата к константным для России онтоантропологическим основаниям и их имплементации в образовательную систему.

Вперёд в прошлое – в поисках суверенной онтоантропологии

Образование в России исторически возникло лишь немногим позже государственности – при князьях Владимире Святом и Ярославе Мудром. В летописях (например, в Софийской) существование первых русских школ связывается с христианизацией Руси и активной просветительской деятельностью духовенства [4, с. 90–102]. Будучи фундированной в христианстве, эта образовательная система учитывала опыт более ранних византийских и болгарских школ и опиралась не на устную, а на книжную традицию, которая активно задействовала в обучении тексты христианского канона – Псалтирь и Евангелие, образовательная ценность которых заключалась в онтологической насыщенности и формировании представлений о бытии и месте человека в нём, а также в ярко выраженной этической ориентации [5, с. 193–194]. Позже в поле древнерусской книжности добавились тексты христианизированного неоплатонизма, знание которого являлось маркером образованности. В. В. Мильков отмечает среди них «Ареопагитики», «Диоптра» Филиппа Пустынника, славянские переводы сочинений Г. Нисского, апокрифическое сочинение «Книга Еноха» [6, с. 18].

Таким образом, на основании христианского канона и христианизированного неоплатонизма, наложенных на идейное пространство дохристианской Древней Руси, начал формироваться образовательный процесс, который не только транслировал знания, но и утверждал православную антропологию как фундамент цивилизационной идентичности. В основе этой онтоантропологии находится понимание человека как «образа Божия», имеющего повреждённую, но потенциально исправимую и преобразуемую через богообщение природу [7]. При этом народная низовая культура придаёт православной антропологии ин-

дивидуальные черты – А. М. Панченко отмечает, что в русской онтологической традиции отсутствует религиозный дуализм, но прослеживается чёткая иерархия ценностей, где на вершине – спасение души и благочестие, а внизу – телесные страсти («немошь человеческая») [8]. Вполне вероятно, что такая оптика обусловлена характерным именно для православия пониманием природы человека как «повреждённой, но восстановимой», где зло является не следствием богооставленности, но вызовом для нравственного совершенствования. Образование в этой оптике может быть воспринято как механизм нравственного преобразования, обеспечивающий экзистенциальную укоренённость личности в православной цивилизационной матрице.

Православная онтоантропологическая модель сохранялась в качестве доминирующей вплоть до Петровских реформ, которые привнесли в образование элит элементы западных онтологий и антропологий. В частности, это были идеи секуляризации, индивидуализма и рационалистического понимания человека как автономного субъекта, рассматриваемого в т. ч. как биологический вид. Новые образовательные учреждения, такие как школа математических и навигацких наук, начали интегрировать светские дисциплины (математику, естественные науки, иностранные языки), заимствованные из европейских моделей. Однако, даже несмотря на западные «тренды», роль православной антропологии в образовании была ведущей, что породило определённую двойственность культурного сознания, выраженную в поверхностном усвоении западных идей при сохранении православного культурного кода как базового онтоантропологического фрейма (ситуация «археомодерна» по А. Г. Дугину).

Образовательная система последующего имперского периода (XVIII–XIX вв.) унаследовала двойственность онтоантропологических моделей. Так, церковные

школы и семинарии продолжали воспитывать учащихся в духе православной антропологии, в то время как светские учебные заведения (например, Московский университет и Царскосельский лицей) были трансляторами идеологии Просвещения, акцентируя значимость научной рациональности и индивидуальных достижений. В результате для русских мыслителей этого периода характерна некоторая дуалистичность – они транслируют «трендовые» западные идеи, имея в «душевном подполье» неотрефлексированное православие. Так, В. В. Зеньковский отмечает, что идея социализма для русских мыслителей (Бакунина, Белинского, Герцена, кружка Станкевича) становится секулярным эквивалентом религиозного мировоззрения. И в интеллектуальной среде, в т. ч. в университетах и литературных кружках, социалистические идеи становятся попыткой ответить на религиозные вопросы о смысле жизни и справедливости без обращения к церкви – т. е. формальным выражением западной рациональной мысли, но наложенным на русское духовное «богоискательство» [9]. Образование таким образом становилось ареной, где западные концепции переосмысливались через православную призму, формируя мировоззрение интеллигенции, стремившейся к социальной гармонии на основе духовных идеалов. При этом в русской культуре сохраняется и суверенное понимание православной онтоантропологии, которое рефлексруется через философию и литературу, которые также влияли на образовательную среду. Философские течения, такие как протест К. Н. Леонтьева против антропологии, софиология В. С. Соловьёва, идея космоса и смертепобеждения Н. Ф. Фёдорова, христианский реализм В. В. Розанова, а также представленная в литературе нравственная антропология Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого подчёркивали уникальность православного взгляда на человека как существа, призванного к богоуподоблению [9].

Пришедшая на смену имперской советская образовательная система, несмотря на формальное марксистское понимание человека как «совокупности общественных отношений», бессознательно инкорпорировала в антропологию марксизма базисные элементы православной онтоантропологической матрицы. В частности, А. В. Гулыга отмечает, что «Космология духа» Э. В. Ильенкова во многом наследовала православному пониманию жизни человека как стремлению к соработничеству с Богом посредством сознательного участия в судьбе бытия и несла в себе отголоски христианского эсхатологизма и акцента на спасении через жертвенность [10]. Типологически близкий православной антропологии эсхатологизм был во многом свойственен и сталинизму, проявляя себя в квазирелигиозной вере в обожествлённого вождя, перенося духовные чаяния спасения и конечной цели истории на ожидание глобальных перемен через мифологию о коммунизме как субституте рая [11, с. 59–65].

Неотрефлексированная фундированность советской антропологии в православной традиции обусловила формирование нормативного образа «советского человека», который, несмотря на атеистическую, материалистскую и рационализированную марксистскую идеологию, воплощал христианские ценности. А. Зиновьев, с иронией описывая его черты, отмечал, что новый советский человек «приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает ещё худшего... он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы» [12]. Если мы дадим себе труд очистить описание нормативного советского типа («Хомо советикуса» или «хомоса» в терминах Зиновьева) от диссидентской горечи автора и обиды на СССР интроецированной на от-

дельных его людей, то увидим со всей отчётливостью подлинно христианские черты, составляющие каркас советского антропотипа: смирение, жертвенность, эсхатологическую устремлённость и восприятие власти как богоданной. Эти ценности целенаправленно транслировались через советскую образовательную систему, стремившуюся к созданию «нового человека». Таким образом, советская образовательная система, основанная на принципах эгалитарности, политехнизма и формирования гармонично развитой личности, не отрицала, но усиливала православные антропологические черты (общинность и жертвенность) через акцент на общественную пользу и коллективный труд, что резко контрастировало с индивидуалистической конкуренцией западных образовательных моделей [2, с. 6].

Распад Советского Союза и последующая форсированная вестернизация привели к коренному слому образовательных практик и переформатированию их на западный манер. Комментируя результаты трансформации образовательных практик России с древности до их современного этапа, В. Э. Багдасарян и С. И. Реснянский указывают, что уменьшение доли религиозного компонента в процессе обучения привело к моральной и интеллектуальной дегенерации молодёжи [13, с. 49]. Антропологическая модель, лежащая в основе такого образования, является статичной, констатирующей «испорченную природу человека» как константу. Будучи референтной протестантским антропологическим моделям, такая оптика идёт вразрез с наблюдаемым на всех исторических этапах пониманием образования как преобразования, глубоко фундированным в православном антропологии. А это значит, что современные образовательные стандарты, ориентированные на глобализационные тренды, игнорируют русские цивилизационные константы, что приводит к онтоантропологическому разрыву. Его преодоление требует системной интеграции

исторического опыта и разработки образовательных стратегий, основанных на православной антропологии.

Се, человек – православная антропология как фактор цивилизационной стабильности

Динамический анализ российского образования позволил выявить константную функцию православной антропологии для русской цивилизационной идентичности. Здесь нужно особо оговориться, что обращение к православной антропологии как системообразующей основе русской цивилизации ни в коей мере не умаляет значимость антропологических систем других традиционных религий России – ислама, иудаизма и буддизма. Вне всяческих сомнений эти религии, будучи историческими союзниками православия, внесли существенный вклад в формирование русского антропотипа и культурного кода, сохраняя при этом духовно-нравственную близость с православием в ключевых этических принципах. Однако, учитывая особую роль православия в истории России и его преобладание в конфессиональной структуре (67% населения по данным ФОМ¹), именно православная антропология выступает центральным элементом цивилизационной идентичности, уважая и интегрируя другие конфессии как неотъемлемую часть общего культурного наследия. Это обосновывает использование термина «православная антропология» как «зонтичного» по отношению к антропологическим системам других традиционных религий России.

Соблазнительно предположить, что снижение на протяжении исторического процесса доли православных онтоантропологических черт в культурном коде России привело к утрате ряда ключевых традиционных российских духовно-нрав-

ственных ценностей и/или некритической подмене их западной ценностной системой. Это, в свою очередь, повлекло за собой размытие цивилизационной идентичности, геополитическую десубъективацию и эпистемологическую колонизацию, что ставит современное российское общество перед 3 ключевыми вызовами:

1. *Возврат геополитической субъектности.* Вестернизация 1990-х привела российское общество в состояние острого идентичностного кризиса и обусловила снижение геополитического веса. Однако процессы становления многополярного мира и современный «цивилизационный ренессанс» предлагает механизмы преодоления этого кризиса через обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям (русская философия соборности, идея служения, примат духовного над материальным) как к элементам онтоантропологических оснований и поиск суверенных моделей развития с опорой на русскую историю и культуру.

2. *Противодействие эпистемологической колонизации.* Обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям обнажило их принципиальную несовместимость с западной эпистемой на уровне фундаментальных онтологических и антропологических различий. А именно – субстантивный индивидуализм Запада, редуцирующий онтоантропологию к бессмысленному бытованию атомизированных субъектов, произвольно вступающих в ситуативные социальные контракты очевидно противоречит русской холистической соборности, которая понимает человека как неотъемлемую часть метафизически осмысленного целого (общины, народа, государства). Инвазия западной эпистемы на уровне базовых категорий оказывает деструктивное воздействие, подрывая культурный код русской цивилизации, что обуславливает потребность в выработке собственной, суверенной эпистемы.

¹ Большинство россиян назвали себя верующими // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/05/2025/682498d49a7947504e4a9cfa> (дата обращения: 24.06.2025).

3. *Врачевание внутреннего раскола через обращение к общей цивилизационной идентичности.* Специфической чертой современного российского общества является непреодоленная коллективная травма, обусловленная радикальным разрывом между советским наследием и дореволюционной традицией. Наличие этой травмы является «тонким местом» российской цивилизационной идентичности, поскольку потребность в позитивном групповом самовосприятии требует консолидирующего образа прошлого [14], что затруднено сосуществованием поляризующих общество нарративов о дореволюционной эпохе и советском проекте. Обращение к глубинным онтоантропологическим основаниям позволит сформировать метаисторический фрейм, трансцендирующий идеологические противоречия XX в. на основании общности духовно-нравственных констант российской цивилизации (дореволюционная соборность как советская коммюнитарность, близость православной и советской этических систем и т. д.).

Возврат современной российской образовательной системы к православной антропологии, акцентирующей соборность, обожение и духовно-нравственное преображение человека как образа Божия, представляется продуктивным ответом на вызовы геополитической десубъективации, эпистемологической колонизации и внутреннего раскола, предоставляя онтоантропологическую основу для восстановления цивилизационной идентичности, разработки суверенной эпистемы и формирования консолидирующего метаисторического фрейма.

Православная антропология, возникшая как отдельный взгляд на человека после Великой Схизмы 1054 г., в отличие от западной христианской антропологической системы (понимаемой в широком смысле как интегрирующей остальные), подчёркивает соборность и обожение как центральные аспекты человеческой природы [15, с. 328]. Это формирует об-

раз человека как повреждённого грехопадением, но имеющего потенцию к преображению и трансформации через сопричастность «божеского естества» [16]. Обожение тем самым выступает в качестве безусловной цели человеческого существования, требуя преображения личности через сопричастие божественной благодати. Основным путём достижения этой цели служит божественная литургия, которая синтезирует в себе 3 ключевых антропологических базиса православия: соборность, жертвенность и любовь.

Соборность как принцип единства в общине отражает православное видение человека не как изолированного индивида, а как части метафизически осмысленного целого, где каждый соучаствует в спасении других, что находит выражение в коллективной молитве литургии, которая, как писал в «Размышлениях о Божественной литургии» Н. В. Гоголь, «равно действуя на все звенья, от царя до последнего нищего, всем говорит одно, не одним и тем же языком, всех научает любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего» [17]. Более того, по Гоголю литургия составляет собой «таинство любви», где каждый участник становится соработником Бога, устремляясь к обожению через единение с Христом в Евхаристии. Тем самым любовь как основа литургической жизни, связывает соборность и жертвенность, коренящуюся в подражании Христовой жертве. Это чувство пронизывает литургическое действие, призывая верующих к самоотдаче ради Бога и ближнего, составляя «внутреннее горение сердца», соединяющее человека с божественным через приношение себя в любви [17]. Этот процесс, включающий также покаяние как условие духовного очищения, делает литургию не просто ритуалом, а непрерывным движением к божественному.

В отличие от западной христианской антропологии, акцентирующей индиви-

дуальную ответственность и оправдание через веру и дела, православная антропология рассматривает литургию как пространство коллективного преображения. Это различие подчёркивает специфику русского культурного кода, в котором православный эсхатологизм воспринимает литургию как предвосхищение Царства Божия на земле. Это находит отражение в эсхатологическом оптимизме русской литературы, иконописи и богослужения, контрастирующем с лишённым мистического соработничества с Богом западным акцентом на вине, искуплении и моральной дисциплине. Кроме того, православная антропология интегрирует аскетическую традицию исихазма, усиливая литургический опыт через созерцательные практики, формируя в русской культуре идеал «внутреннего делания», тогда как католическая традиция ориентирована на внешние аскетические практики и дисциплину.

К числу дифференцирующих православную антропологию онтоантропологических оснований также нужно отнести более внимательное и полное восприятие синергии, предполагающей, по замечанию преп. Иустина Поповича «со-жительствование Бога и человека, благодати и свободы, сослужение человека Богу, восполнение человека Богом, возлияние небесного елея в светильник души» [18]. Такое соработничество человека с божественной благодатью в русской культуре и литургических практиках проявляется как «соборное делание» в стремлении к святости в отличие от западного понимания благодати как принимаемого дара, требующего принятия, что делает литургию менее динамичным процессом совместного преображения. Тем самым базовой онтоантропологической характеристикой русской культуры и, шире, русской цивилизации, является исходящая из православной антропологии литургичность русской культуры – её жертвенный, соборный и устремлённый к обожению характер. Это согласуется с

позицией о. Павла Флоренского определявшего человека (контекстуально – русского человека) ни больше ни меньше как *homo liturgus* [19]. Таким образом, православная антропология через обожение как цель и литургию как путь кодирует русский культурный архетип как «беспременную литургию бытия», где соборность, жертвенность, любовь и покаяние становятся онтологическими основаниями, обеспечивающими духовную целостность и цивилизационную самобытность России.

Литургичность как зов души: воскрешение православной антропологии в современном образовании

В современной России за последние несколько лет среди молодёжи сформировался устойчивый «тренд» на духовные смыслы. Причём цифровизация локализовала духовную жизнь русской православной молодёжи в сети, сформировав тем самым «цифровой приход», окормляющийся у православных священников-блогеров, таких как о. Андрей Ткачёв¹, о. Павел Островский², о. Владислав Береговой³ и многих других ярких пастырей, чьи каналы во «ВКонтакте» и «Телеграме» привлекают молодых подписчиков, ищущих ответы на экзистенциальные вопросы в доступной и современной форме. Православная цифровая среда также задаёт пространство для совместной катехизации (например, через журнал «Фома»⁴ или ТГ-канал портала «Азбука Веры»⁵), предлагает формы коллективного творения милостыни (сборы пожертвований

¹ Андрей Ткачёв [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/o_andrey_tkachev (дата обращения: 26.06.2025).

² Павел Островский [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/pavelostrovski> (дата обращения: 26.06.2025).

³ Владислав Береговой [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/pravoslavieVtelege> (дата обращения: 26.06.2025).

⁴ Журнал «Фома» [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/> (дата обращения: 26.06.2025).

⁵ Азбука Веры [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/azbyka> (дата обращения: 26.06.2025).

через приходские интернет-сообщества) и создаёт некую всероссийскую мета-общину через «хипстеризацию» православия – создание православных кафе-приходов («Антипа», «Матрона», «Трапеза») и популяризация православного мерча – футболки с цитатами из Писания или иконографическими принтами.

Можно заметить, что в совокупности эти практики реализуют онтоантропологические основания русской культуры, выраженные в её литургичности. Так, соборность, выходя за пределы физического храма и переносясь в цифровую среду, становится «всецивилизационной», консолидируя православных людей России не сколько территориально, сколько через общность смыслов и устремлений. Эта общность в сочетании с цифровизацией придаёт новые формы жертвенности – от подписки на канал миссионера и отправки «донатов» (поддержка его труда) до волонтерства на СВО. Стремление к обожению также претерпело трансформацию, проявляясь в «освящении» повседневности – будь то диалог в комментариях под проповедь или ношение футболки с цитатой из Псалтири как манифестация исповедания веры. Примечательно, что эта трансформация литургических начал в цифровую эпоху не только адаптирует традицию к новым реалиям, но и раскрывает её вневременную суть, демонстрируя, что подлинная соборность, жертвенность и любовь возможны в любых условиях.

Это позволяет заключить, что источником запроса на духовные смыслы в цифровой среде является неотрефлексированная литургичность, укоренённая в глубинном культурном коде русской цивилизации. Она проявляется в стремлении молодёжи к восстановлению разорванного вестернизацией и секулярной глобализацией метафизического единства. В этой оптике актуализация литургичности, может быть объяснена реакцией на онтоантропологический разрыв, вызванный навязыванием запад-

ной эпистемы индивидуализма, которая противоречит русской холистической соборности, где человек воспринимается как часть метафизически осмысленного целого. Этот разрыв, усиленный постсоветской десубъективацией и утратой духовных ориентиров, побуждает молодёжь искать смыслы в православной традиции, но в «подпольной», неосознанной форме через медийные каналы.

Вывод этой литургичности из «подполья» в образовательную среду возможен через интеграцию православной антропологии в российскую систему образования на всех уровнях – от дошкольного до вузовского. В частности, необходимо акцентировать интеграцию православной онтоантропологического восприятия в дошкольное воспитание, которое является базисным для формирования личности. В этот период представляется продуктивным закладывать основы литургического восприятия мира через знакомство с годовым кругом церковных праздников и инкорпорацию идей соборности и милосердия в игровые методики. Так, воспитанники детских садов могут получать базовые представления о православной антропологии через просмотр православных мультфильмов, чтение или инсценировку детских адаптаций житий святых. Полезным представляется и вовлечение малышей в «общие дела» – сбор игрушек для приютов, участие в озеленении территории садика или храма. Эти практики естественно вплетаются в повседневность, но именно они создают фундамент для дальнейшего развития литургических начал в ребёнке.

На школьном уровне государством предусмотрено прохождение курса «Основы православной культуры», который позволяет сформировать у ребёнка системное представление о православной онтоантропологии. Но одного этого курса недостаточно для пробуждения литургического сознания – для этого необходимо развивать межпредметные связи посредством, например, осмысления

русской литературы, истории и искусства через призму православной антропологии. Также продуктивным будет и более практикоориентированное воспитание – посещение храмов или монастырей, социальные проекты или открытые встречи с популярными деятелями церкви (такие встречи со школьниками, например, проводит о. Павел Островский) превратят теорию в живой опыт. Бесспорно, уже сейчас некоторые школы сотрудничают с приходами, но важно сделать такие практики популярными, регулярными и осмысленными.

В университетской среде, где формируется научное мышление, важно предложить не только действующие в рамках специфических направлений подготовки лекционные курсы по богословию, но и дискуссионные площадки, где православие сможет встретиться с актуальными научными и социальными вызовами через открытые дебаты с участием священников и учёных. В университетской среде также возможно усилить литургическое мышление студентов волонтерские инициативы, а также через поддержку творческих проектов, раскрывающих христианские ценности в современном языке. Таким образом, пробуждение литургических начал в образовании требует не механического и начётнического добавления «религиозного компонента» по «разнарядке сверху», но творческого переосмысления традиции в диалоге с современностью. К счастью, в России уже есть отдельные успешные практики – теперь важно выстроить их в целостную систему, где вера будет не предметом изучения, но живым опытом, направленным на обожение человека в контексте России как государства-цивилизации.

Заключение

Всё вышесказанное позволяет заключить, что православная антропология, основанная на принципе литургичности, синтезирующем практики соборности, жертвенности и обожения, составляет

ядро русской цивилизационной идентичности. Исторический анализ образовательных практик с XI по XXI в. убедительно продемонстрировал, что образование было ключевым институтом формирования и трансляции суверенных российских онтоантропологических основ, обеспечивающих духовную целостность и культурную самобытность России. Ослабление этих основ под воздействием глобализации и вестернизации повлекло за собой глубочайший онтоантропологический разрыв, проявляющийся в кризисе идентичности, эпистемологической колонизации и геополитической десубъективации.

В этой связи возврат к онтоантропологическим корням российской цивилизационной идентичности, выраженным в холистической соборности и восприятии человека как неотъемлемой части метафизически осмысленного целого (общины, народа, культуры), служит цивилизационным барьером против западного субстантивного индивидуализма, редуцирующего бытие к совокупности автономных индивидов и социальных контрактов. Более того, православная антропология препятствует расчеловечиванию, защищая духовную и нравственную сущность человека от деструктивных постчеловеческих идеологий, стремящихся устранить такие фундаментальные экзистенциалы, как старость, болезнь и смерть, которые, напротив, придают жизни смысл через нравственное совершенствование [20, с. 42–47]. Поэтому интуитивно возникшее в современной массовой культуре обращение к православию как проводнику традиционных русских онтоантропологических принципов – холистическому восприятию человека, неразрывности личности и общества, этике ответственности перед прошлым и будущим – создаёт идейный иммунитет, блокирующий эпистемическую эрозию, и формирует основу для суверенной модели развития, альтернативной глобалистскому универсализму.

Образование же, будучи инструментом формирования личности, должно стать механизмом преодоления онтоантропологического разрыва через интеграцию литургических идей в образовательные нарративы и повседневные практики. Этому немало способствует цифровизация, формирующая «цифровые приходы», консолидирующие верующих вне зависимости от их локального расположения, и открывающая таким образом новые возможности для укрепления цивилизационного суверенитета. В этой связи реактуализация

православной антропологии в образовательных практиках – не ностальгия или идеология, а условие выживания и развития: она позволяет России действовать как самостоятельный цивилизационный центр, предлагающий миру модель человеческого бытия, основанную на собственных представлениях о смысле жизни, справедливости и предназначении человека. Без этой онтоантропологической опорной точки невозможна ни подлинная субъектность на международной арене, ни внутренняя консолидация общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21
2. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
3. Миляева Е. Г., Резвушкина С. А. Воспитание патриотизма как условие существования государства-цивилизации в цифровую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7. С. 22–30. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-22-30
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митиров. М.: Педагогика, 1985. 363 с.
5. Пономарёва И. Н. Первые учебники в школе Древней Руси // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 188. С. 190–200.
6. Мильков В. В. Ноуменальная философия и Древняя Русь // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 4. С. 15–21. DOI: 10.47132/2618-9674_2023_4_6.
7. Леонов В., прот. Основы православной антропологии. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2016. 456 с.
8. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. СПб.: Наука, 1996. 215 с.
9. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.
10. Гулыга А. В. Русская идея и её творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
11. Чеснова Е. Н., Якимова Е. Г., Мартыанов Е. Ю. Квазирелигиозные и эсхатологические основания этики сталинизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 2. С. 59–67.
12. Zinoviev A. A. Homo Sovieticus. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 200 p.
13. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Образование и церковь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2002. № 1. С. 49–52.
14. Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations / H. Tajfel, ed. London: Academic Press, 1978. 342 p.
15. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. 288 с.
16. Керн К., архим. Антропология святителя Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 336 с.
17. Гоголь Н. В. Размышления о божественной литургии // Гоголь Н. В. Сочинения. Т. IV. М.: Типография В. Гутъе, 1889. С. 1–92.
18. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): жизнеописание. На Богочеловеч. пути. Путь Богопознания / пер. с серб. С. Фонова. Т. 1. М.: Паломник, 2004. 428 с.
19. Флоренский П., свящ. Философия культа: (Опыт православной антропологии). М.: Академический проект, 2018. 686 с.
20. Варава В. В. Этико-антропологические основы современного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4. С. 42–47. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47

REFERENCES

1. Dugin, A. G. (2024). Western Studies: Towards Sovereign Russian Science. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 7–21. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21 (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E. (2019). *Russian Education: Choosing the Path*. Moscow: Otchiy Dom Publ. (in Russ.).
3. Milyaeva, E. G. & Rezvushkina, S. A. (2024). Fostering Patriotism as a Condition for the Existence of a State-Civilization in the Digital Age. In: *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 7, 22–30. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-22-30 (in Russ.).
4. Babishin, S. D. & Mitrov, B. N., eds. (1985). *Anthology of Pedagogical Thought of Ancient Rus' and the Russian State of the 14th–17th Centuries*. Moscow: Pedagogy Publ. (in Russ.).
5. Ponomareva, I. N. (2018). The First Textbooks in the School of Ancient Rus'. In: *Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 188, 190–200 (in Russ.).
6. Milkov, V. V. (2023). Noumenal Philosophy and Ancient Rus'. In: *Paleorussia. Ancient Rus': in Time, in Personalities, in Ideas*, 4, 15–21. DOI: 10.47132/2618-9674_2023_4_6 (in Russ.).
7. Leonov, V., Archpriest. (2016). *Fundamentals of Orthodox Anthropology*. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ. (in Russ.).
8. Panchenko, A. M. (1996). *Russian Culture on the Eve of Peter the Great's Reforms*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
9. Zenkovsky, V. V. (2001). *History of Russian Philosophy*. Moscow: Academic Project Publ.; Raritet Publ. (in Russ.).
10. Gulyga, A. V. (2003). *Russian Idea and Its Creators*. Moscow: Eksmo Publ. (in Russ.).
11. Chesnova, E. N., Yakimova, E. G. & Martyanov, E. Yu. (2014). Quasi-religious and eschatological foundations of the ethics of Stalinism. In: *Humanitarian bulletin of TGPU named after L. N. Tolstoy*, 2, 59–67 (in Russ.).
12. Zinoviev, A. A. (1982). *Homo Sovieticus*. Lausanne: L'Age d'Homme.
13. Bagdasaryan, V. E. & Resnyansky, S. I. (2002). Education and the Church. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 1, 49–52 (in Russ.).
14. Tajfel, H., ed. (1978). *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Inter-group Relations*. London: Academic Press.
15. Lossky, V. N. (2013). *Outline of the Mystical Theology of the Eastern Church*. Dogmatic Theology. Moscow: Publishing House of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius Publ. (in Russ.).
16. Kern, K., Archim. (1996). *Anthropology of St. Gregory Palamas*. Moscow: Palomnik Publ. (in Russ.).
17. Gogol, N. V. (1889). Reflections on the Divine Liturgy. In: Gogol, N. V. *Works. Vol. IV*. Moscow: Printing House of V. Gautier Publ., pp. 1–92.
18. *Collected Works of St. Justin (Popovich): Biography. On the God-Man. Path. The Path of Knowledge of God / trans. from Serbian. S. Fonova. T. I. M.: Palomnik, 2004. 428 p.* (in Russ.).
19. Florensky, P., priest. (2018). *Philosophy of Cult: (Experience of Orthodox Anthropodicy)*. Moscow, Academic Project Publ. (in Russ.).
20. Varava, V. V. (2022). Ethical and Anthropological Foundations of Modern Education. In: *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 4, 42–47. DOI: 10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Резвушкина Софья Александровна (г. Москва) – аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: finntundra@gmail.com; ORCID: 0009-0004-6208-2950

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia A. Resvushkina (Moscow) – Analyst, High Political School named after I. Ilyin, Russian State University for the Humanities;
e-mail: finntundra@gmail.com; ORCID: 0009-0004-6208-2950

Научная статья

УДК 93/94 + 32.019.52 + 324.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-50-61

ДИСКУССИИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ОСНОВЕ ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Сорокин А. А.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

Поступила в редакцию 29.04.2025

После доработки 19.05.2025

Принята к публикации 28.05.2025

Аннотация

Цель. Выявление сущности и содержания дискуссий о возможности организации мелкой земской единицы на базе православного прихода в позднеимперской России.

Процедуры и методы. Исследование основано на корпусе трудов ряда российских публицистов конца XIX – начала XX вв., а также на материалах периодической печати и трудов местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Постановка проблемы обусловила применение междисциплинарного подхода и обращение к историко-правовому методу.

Результаты. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что авторы рассмотренных проектов считали православный приход наиболее естественной ячейкой самоуправления, в отличие от волости. Установлено, что в основе предложенных проектов стояла идея единения всех прихожан, в ряде проектов отсутствовало требование имущественного ценза.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование является первым, детально рассматривающим место православного прихода в концепциях организации мелкой земской единицы в позднеимперской России.

Ключевые слова: земское самоуправление, избирательное право, имущественный ценз, мелкая земская единица, церковный приход

Для цитирования:

Сорокин А. А. Дискуссии об организации мелкой земской единицы в Российской империи на основе церковного прихода на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 50–61.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-50-61

Original research article

DISCUSSIONS ON THE ORGANIZATION OF A SMALL ZEMSTVO UNIT IN THE RUSSIAN EMPIRE ON THE BASIS OF A CHURCH PARISH AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

A. Sorokin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russian Federation

e-mail: skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

Received by the editorial office 29.04.2025

Revised by the author 19.05.2025

Accepted for publication 28.05.2025

Abstract

Alm. The purpose of the study is to identify the essence and content of discussions about the possibility of organizing a small zemstvo unit on the basis of an Orthodox parish in late Imperial Russia.

Methodology. The research is based on the corpus of works by a number of Russian publicists of the late 19th and early 20th centuries, as well as on materials from periodicals and the writings of local committees of the Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry. The formulation of the problem led to the application of an interdisciplinary approach and an appeal to the historical and legal method.

Results. The analysis allows us to conclude that the authors of the reviewed projects considered the Orthodox parish to be the most natural unit of self-government, in contrast to the parish. It was established that the proposed projects were based on the idea of uniting all parishioners, and therefore a number of projects lacked the requirement of a property qualification.

Research implications. This study is the first to examine in detail the place of an Orthodox parish in the concepts of organization of a small zemstvo unit in late Imperial Russia.

Keywords: zemstvo self-government, electoral law, property qualification, small zemstvo unit, church parish

For citation:

Sorokin, A. A. (2025). Discussions on the organization of a small zemstvo unit in the Russian Empire on the basis of a church parish at the turn of the 19th–20th centuries. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 50–61.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-50-61

Введение

В свете принятия нового Положения о земских учреждениях в 1890 г., а также в связи с активными дебатами о возможных путях развития земского самоуправления как до, так и после принятия данного акта, в общественно-политических дискуссиях о вариантах земской реформы важным становится вопрос об учреждении так называемой мелкой земской единицы, т. е. земского института, охватывающего меньшую, чем уезд, территорию. В

ключевых исследованиях по проблемам земского самоуправления учреждение мелкой земской единицы и её значимость для либеральных земских кругов указаны в работах советских [1, с. 36–42] и современных российских историков [2]. В ряде работ были представлены попытки обозначить основные направления в дискуссиях о ней [3; 4; 5; 6].

Вместе с тем вопрос о создании низших органов местного самоуправления, в т. ч. земских, на базе церковного прихода

практически не затронут в современной историографии [7; 8], хотя он являлся одним из важнейших в контексте проектирования структуры мелкой земской единицы в конце XIX – начале XX вв., поскольку был тесно связан с такими проблемами, как сохранение крестьянской правовой обособленности и общинности. А. Л. Беглов в своих исследованиях проблему включения церковного прихода в систему административно-территориального деления и управления рассматривает преимущественно в контексте дискуссий о приходских попечительствах, акцентируя внимание больше на вопросе о реформе церковного управления, а также приводит данные о стремлении ряда публицистов при реорганизации крестьянского управления установить границы всесословной волости в пределах церковного прихода [7, с. 191–193]. Единичные сведения о рассмотрении возможности организации мелкой земской единицы на базе прихода в проектах отдельных юристов приводит М. А. Коновалова [9]. В свою очередь, рассматривая место вопроса о введении мелкой земской единицы в либеральной мысли предреволюционного периода, А. Н. Верещагин обошел своим вниманием те проекты, которые были связаны в той или иной степени с церковным приходом [10]. Не была поднята заявленная нами проблематика и в работах зарубежных авторов, которые изучали процессы организации и деятельности земского самоуправления в России.

Таким образом, в данной статье впервые предпринимается попытка определения содержания и особенностей дискуссии об организации мелкой земской единицы на базе церковного прихода. Исследование основано на междисциплинарном подходе и применении историко-правового метода, что позволяет определить первопричины формирования концепций создания новых институтов на основе церковного прихода в системе местного самоуправления, а также

выявить предлагавшиеся основы организации таких институтов.

Обоснование выбора церковного прихода для организации мелкой земской единицы

Ещё в 1888 г. обер-прокурор 1-го департамента Сената Г. А. Евреинов в качестве земского избирательного округа и первой единицы самоуправления, в которой были бы сосредоточены большинство «местных польз и нужд», требующих участия уездного земства, предлагал именно приход¹. Экономист С. А. Дедюлин отмечал, что такой выбор является всесторонне отвечающим и в нравственном, и в политико-экономическом отношениях, поскольку именно приход отражает интересы всех классов населения².

Накануне введения института земских начальников городской голова Череповца И. А. Милютин писал о желательности в ходе проведения крестьянской реформы упразднения волости как искусственной административной единицы, с заменой её приходским обществом, которое и могло бы стать начальной земской единицей³.

Издатель монархической петербургской газеты «Заря» В. В. Ярмонкин рассматривал приход как основу мелкой земской единицы по ряду причин. Во-первых, Манифест 26 февраля 1903 г. предусматривал необходимость сближения общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных храмах. Во-вторых, волость он считал искусственно созданной фискально-полицейской единицей, в результате чего объединение интересов частных собственников через посред-

¹ Евреинов Г. А. Заметки о местной реформе. СПб., 1888. С. 88.

² Дедюлин С. А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом: К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах: Ответы на вопросы 1–47 М-ва вн. дел. СПб., 1902. С. 144–145.

³ Милютин И. Пора нам разобраться: голос из провинции по поводу проекта реформы местного управления. СПб., 1888. Ч. 1. С. 60–61.

ство институтов сельского и волостного управления отсутствовало. При этом православный приход являлся объединяющей все сословия институцией, в которой все были равны¹.

Ссылался на Манифест 26 февраля 1903 г. и давний корреспондент Николай II, бывший чиновник и экономист А. А. Клопов. В письме от 18 марта 1903 г. он писал императору, что не совсем ясен пункт Манифеста о необходимости сближения общественного управления с деятельностью приходских попечительств. Придание самоуправлению такого характера, по мнению Клопова, исказило бы его сущность и парализовало его важнейшую (экономическую) функцию. Кроме того, это означало бы крушение идеи мелкой земской единицы, в то время как в обществе преобладало мнение, что без неё «невозможно дальнейшее существование самого земства». Поскольку земство в Манифесте не упоминалось напрямую, то создавалось впечатление, что «всё попадёт в руки бюрократов, что местные люди будут приглашены главным образом лишь в виде совещательного элемента или в качестве только исполнителей, без всякой самостоятельной деятельности»².

Вместе с тем Клопов сообщал, что некоторые оптимисты в этом пункте манифеста видели намерения кардинальных реформ, в т. ч. и в отношении духовенства (в частности, добавлялось, что введение выборного начала приходских священников поставило бы священников в лучшие условия и оживило бы приходскую деятельность). Также из этого выводилось, что, с точки зрения таких лиц, именно приход мог бы стать центром мелкой земской единицы, поскольку «в старину приход был тем духовным и даже экономическим центром, около которого группировалось окрестное население». Резюмируя, что такая реформа вызывает много надежд и ожиданий, особенно

вкуче с намерением указанного в манифесте «удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей», Клопов давал следующую оценку возможной реформе: «Говорят, что она возбудит самодеятельность общества, что она повлечёт за собою сближение интеллигенции с народом, вызовет отлив сил из городов в деревни, уменьшит нужду, внесёт свет, ослабит раздражение и недовольство»³.

Также идею прихода как ступени земского самоуправления поддерживали славянофил С. Ф. Шарапов и автор ряда исследований по крестьянскому праву И. П. Купчинов. Последний объяснял это тем, что, во-первых, территория прихода, как правило, меньше территории волости, а во-вторых, в отличие от волостей приходы имели куда более давнюю историю и устойчивую организацию, исторически объединяющую людей всех сословий⁴.

При обсуждении вопроса о мелкой земской единице неизбежно вставала проблема определения её границ. Бывший председатель Новоторжской уездной земской управы, участник земского либерального движения В. Н. Линд на основе произведённых им расчетов предположил, что в случае определения территории, равной размеру среднего церковного прихода, на каждый уезд в среднем приходилось бы 30–40 мелких земских единиц с 2–3 тыс. жителями в каждой. В том случае, если бы за основу территории были бы взяты волость и участок земского начальника, то получалось 15–20 (по 5 тыс. населения) или 5–6 (20–25 тыс. населения) единиц соответственно. Но участок земского начальника Линдом признавался слишком большим по своим размерам. Указывалось также, что и размер волости «не даёт той близости всех и каждого и друг к другу,

³ РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 7. Л. 63об.–64.

⁴ Шарапов С. Ф. Самодержавие и самоуправление. М., 1903. С. 36; Купчинов И. П. Приход как мелкая земская единица. М., 1905. С. 6.

¹ Заря. 1903. 21 марта.

² РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

и к делам, которые будут исполняться в пределах земской единицы». Поэтому оптимальной виделась территория прихода, хотя и оговаривалось, что не следует смешивать земский (хозяйственный) приход с церковным приходом (управление церковными делами предлагалось вынести за пределы полномочий мелкой земской единицы)¹.

Уже упомянутый нами Милютин в начале XX в. считал целесообразным взять территорию не более размера прихода, которая, по его подсчётам, насчитывала бы 1–1,5 тыс. душ обоего пола (допуская, в крайнем случае, объединять в одну земскую единицу 2 прихода). Такое ограничение именно 1 приходом он объяснял тем, что тем самым выделяется группа населения, которая «искони как бы сроднилась между собою пожизненно»².

Оригинальный вариант предлагал присяжный поверенный К. Ф. Одарченко, предусматривавший деление уездов на земские волости (округа), в каждом из которых было бы по 3–4 земских прихода³. Прослуживший в ряде ведомств К. И. Ровинский считал приход органичной основой мелкой земской единицы, находя волость или участок земского начальника сугубо искусственными конструктами. Вместе с тем он отмечал, что этот вопрос тесно связан с коренным преобразованием и обновлением всего церковно-общественного строя⁴.

В 1902 г. Тверская губернская земская управа предложила организовать мелкую земскую единицу в качестве земского прихода. Размер её территории никак не связывался с церковным приходом,

хотя и оговаривалось, что он будет равен среднему по величине приходу (т. е. около 2 тыс. жителей). Также признавалось удобным, если территория земского прихода совпадёт с территорией церковного прихода и территорией волости⁵. С. А. Дедюлин также предлагал использовать территорию церковного прихода (при необходимости – 2 и более, но без их раздробления) с численностью населения в 2–3 тыс. ревизских душ мужского пола или до 10 тыс. жителей обоего пола⁶.

Организационная структура органов земской единицы

Рассмотрим непосредственно предлагавшуюся структуру органов земской единицы на базе прихода, а также организацию избирательной системы. Г. А. Евреинов приходской земской единицей планировал полностью заменить волостное управление, находя её наименее искусственной из всех возможных и к тому же исторически сложившейся. При необходимости он считал возможным объединить несколько церковных приходов в один (особенно если в селении находилось несколько церквей). Создание самоуправления на базе православного прихода не исключало участия в нём инославного населения, поскольку в целом в большинстве губерний доля христианского населения достигала 90%. В качестве институтов такой единицы виделись избираемый приходской совет (с распорядительными функциями) и приходской старшина (с исполнительными функциями). Приходской священник получал место в приходском совете без избрания и мог быть также избран его председателем. Для уравнивания «демократического основания» такого са-

¹ Линд В. Н. Мелкая земская единица. СПб., 1903. С. 19–21.

² Милютин И. А. О мелкой земской единице как фундаменте государственного здания (примерный набросок) / подг. текста к публ. и примеч. А. В. Всеволодова // Милютинские чтения. И. А. Милютин и социокультурный мир русской провинции: от прошлого к будущему. Череповец, 2013. С. 15–16.

³ Одарченко К. Ф. Организация и задачи земского самоуправления. М., 1900. С. 4, 111.

⁴ Ровинский К. Земско-приходская организация // Новое время. 1903. 2 апреля. С. 3.

⁵ Журналы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания сессии 1902 года 28 ноября – 15 декабря и приложения к ним. Тверь, 1903. С. 91.

⁶ Дедюлин С. А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом: К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах: Ответы на вопросы 1–47 М-ва вн. дел. СПб., 1902. С. 120.

моуправления предлагалось также включить в состав приходского совета без выборов местных собственников земельных участков не менее определённого размера, имеющих образовательный ценз (при необходимости имеющих возможность уполномочить на участие в совете своих доверенных лиц)¹.

Упомянутый нами выше Ровинский институтами новой земской единицы видел приходские собрания и советы, причём особо выделял, что в местностях со смешанным по вероисповеданию составом населения в заседаниях этих органов при обсуждении приходских дел общеземского характера должны участвовать лица всех вероисповеданий, а при обсуждении вопросов, связанных с приходским храмом и церковно-приходскими нуждами, – только православные².

К. Ф. Одарченко был предложен проект организации земской волости, которая делилась бы при этом на ещё более мелкие земские единицы в виде приходов. Выборы в земское волостное собрание должны были проводиться среди домохозяев или прихожан, чтобы в нём были представлены как частные, так и общинные землевладельцы, на одном общем основании ценности и доходности своих имуществ. В основе избирательного права лежало сохранение имущественного ценза, причём с делением в соответствии с этим цензом избирателей на разряды крупных, средних и мелких владельцев, каждый из которых получал бы право избрания 1/3 гласных. Исполнительным органом волостного земства становился, согласно проекту, волостной старшина и ещё несколько гласных (очевидно, подразумевалось, что вместе они будут составлять волостную управу). Приходские собрания при этом представляли бы собой фактически сходы всех прихожан (без различия имущественного ценза),

поэтому для них не предусматривалось какого-то отдельного исполнительного института, оговаривалось лишь, что руководство такими собраниями можно было бы поручить «выборным земским» и церковным старостам (с их помощниками)³.

По проекту Тверской губернской земской управы распорядительным органом являлось приходское земское собрание из правоспособных и достигших совершеннолетия домохозяев, постоянно или временно проживающих на территории прихода, без различия пола, сословия и вероисповедания. Уточнялось, что под постоянным проживанием подразумевались или факт приписки к обществам, входящим в состав прихода, или владение на правах собственности усадьбой. Критерию временного проживания соответствовали лица, которые, не являясь постоянно проживающими, имели в пределах прихода дающие доход постоянное занятие или должность (включая арендаторов и управляющих имениями), для них также признавалось желательным ввести ценз осёдлости, по достижении которого можно было участвовать в выборах. Выборы в приходское собрание были цензовыми, при этом имевшие полный ценз для участия в выборах в уездные земские гласные входили в его состав без избирательных процедур. Частные владельцы и сельские общества избирали из своей среды по одному представителю на каждый полный ценз. Что касается временно проживающих лиц, то они приравнивались к владельцам недвижимости, из расчёта, что их доход капитализируется под 5% (таким образом, получение годового дохода в 750 руб. давало право войти в состав приходского собрания без выборов, как по полному земскому цензу). Также по должности в состав приходского собрания включались местные священнослужители и по одному пред-

¹ Евреинов Г. А. Заметки о местной реформе. СПб., 1888. С. 56–58.

² Ровинский К. Земско-приходская организация // Новое время. 1903. 2 апреля. С. 3.

³ Одарченко К. Ф. Организация и задачи земского самоуправления. М., 1900. С. 111–112, 116–117.

ставителю от уездного и губернского земств¹.

Исполнительным институтом, согласно проекту, было приходское управление, состоящее, в зависимости от благосостояния прихода, или лишь из приходского старосты (приходского головы), или из коллегиальной приходской управы (из 3 членов), избираемых приходским собранием².

В проекте С. А. Дедюлина главой приходской все сословной волости становился приходской старшина, избираемый сроком на 3 года собранием землевладельцев и плательщиков приходского сбора из числа кандидатов, которые, в свою очередь, подлежали избранию по 1 от каждого входящего в состав волости селения общим селенным сходом из членов сельского совета стариков (ещё 1 кандидата могли избрать частные землевладельцы). После избрания старшина утверждался в должности губернатором по представлению земского начальника, а его должности присваивался VIII класс по Табели о рангах (но без права государственной службы). В качестве коллегиальных институтов самоуправления при старшине должны были действовать совет старшины (заменивший прежнее волостное правление) и приходской сход. В состав первого, возглавляемого старшиной, должны были войти товарищ старшины, священник, 2 сельских учителя (постоянно заменяемых из расчёта, чтобы в течение года все учителя могли принять участие в работе совета), 2 представителя от частных землевладельцев, церковный староста, все сельские старосты (по праву должности) и участковый врач (при обсуждении касающихся здравоохранения вопросов). Приходской сход, в свою очередь, образовывался из всех членов сельских советов стариков и

не принимавших участие в обсуждении предложенных сходу вопросов в совете старшины сельских должностных лиц, а также частных землевладельцев³.

В. В. Ярмонкин институтами самоуправления на базе прихода видел все сословный сход (собрание) всех земельных собственников в пределах прихода и избираемый им исполнительный орган (совет) в количестве, зависящем от численности прихода. Основой права участия в сходе были наличие земли, совершеннолетие и отсутствие опороченности по суду. Женщины, лично владевшие имуществом, также могли участвовать в собрании. При этом каждый член собрания мог уполномочить на участие в нём другое лицо. Приходской священник становился не переменным членом как собрания, так и совета, однако ему не вверялась сугубо руководящая роль по должности (хотя и допускалось, что он может её занять в случае избрания), поскольку Ярмонкин был невысокого мнения об организаторских способностях духовенства: «Умственный и нравственный уровень сельского православного духовенства ввиду крайне печального материального положения этого класса и подчинённой его роли, как известно, не очень высок». Председатель собрания избирался его членами из своей среды, при этом члены приходского совета не могли одновременно возглавлять собрание (исключение делалось в таком случае только для приходского священника). Состав приходского совета избирался сроком на 1 год и состоял не менее чем из 5 членов, в которые могли быть избраны все прихожане, имеющие право голоса в приходском собрании⁴.

Менее подробным был составленный не ранее 1903 г. проект И. А. Милютинина,

¹ Журналы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания сессии 1902 года 28 ноября – 15 декабря и приложения к ним. Тверь, 1903. С. 92–93.

² Там же. С. 94.

³ Дедюлин С. А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом: К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах: Ответы на вопросы 1–47 М-ва вн. дел. СПб., 1902. С. 120–123, 144–146.

⁴ Заря. 1903. 24 марта.

согласно которому от каждого селения в составе земского прихода избиралось по уполномоченному, избиравших из своей среды совет из 12 гласных, возглавляемый избираемыми гласными сельским головой¹.

Автор ряда работ по крестьянскому праву И. П. Купчинов в своём проекте предлагал отказаться от имущественного и образовательного цензов, а также от сословного принципа, чтобы привлечь к участию в работе «больше интеллигентной умственной силы». Вместе с тем это не означало схожесть во взглядах с К. К. Арсеньевым и другими сторонниками мелкой земской единицы из числа земцев-либералов, скорее, наоборот, поскольку Купчинов очень настороженно относился к бесцензовой интеллигенции, находя, что её представители «густо заражены отрицательным по отношению к правительству и самодержавию электричеством и, подпусти их к общению с народом на почве права, постараются создать из приходского собрания арену для популяризации своих взглядов, а из надзора за чиновниками земства – организацию для распространения подпольной литературы, столь ходкой в наши дни». Однако он полагал, что введение каких-либо ограничений устранил из земской деятельности и «благонадёжных» лиц, и рассчитывал, что в случае попадания в приходское земство нежелательных элементов, земская среда сама быстро от них очистится².

Сама организация мелкой земской единицы им виделась следующим образом. Всё мужское население из лиц бывших податных сословий и все прихожане без различия пола (но с возрастным цензом) образовывали приходское

собрание, в которое также по должности входили священник (он же являлся председателем), диакон, церковный староста и земский начальник. Из приходского собрания избиралась приходская дума в следующем составе: крестьянские представители (по 1 на каждое входящее в состав прихода сельское общество), 1 представитель от разночинцев, представители от «интеллигентных сил» (в зависимости от их количества в собрании), 1 представитель от старообрядцев (без права обсуждения церковных вопросов). Выборы при этом от 3 последних категорий должны были производиться в соответствующей среде. Кроме того, в состав думы выходили священник, диакон, церковный староста и земский начальник. Дума из своей среды избирала председателя (секретарём являлся земский начальник) и членов и делилась на коллегии: приходской совет (во главе с земским начальником), школьный совет (с избираемым председателем) и приходскую управу. Допускалось участие 1 лица сразу в нескольких коллегиях. В компетенцию приходского совета должны были войти вопросы опеки, призрения, постановления дела всех земских организаций на территории прихода, а также дознание по жалобам на чиновников земства; школьного совета – те же функции в отношении школьного дела; приходской управы – исполнительная деятельность для коллегий прихода, земских и правительственных учреждений, а также сбор земских повинностей. В этой схеме Купчинов видел восстановление исторической связи между земской ячейкой, Церковью и правительством³.

Землевладелец С. А. Нилус в ходе работ Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности на заседании Мценского уездного комитета предложил учредить единицу или ячейку на базе прихода, во главе которой стоит дворянин-земледелец. Необходимость такой единицы объяснялась

¹ Милютин И. А. О мелкой земской единице как фундаменте государственного здания (примерный набросок) / подг. текста к публ. и примеч. А. В. Всеволодова // Милютинские чтения. И. А. Милютин и социокультурный мир русской провинции: от прошлого к будущему. Череповец, 2013. С. 15.

² Купчинов И. П. Приход как мелкая земская единица. М., 1905. С. 33.

³ Купчинов И. П. Приход как мелкая земская единица. М., 1905. С. 34–37, 47–48.

тем, что «у мужика теперь нет власти руководящей, а крестьянин требует себе руководителя». Для этого предлагалось искусственно поддержать поместное дворянство («стоит только в каждом приходе поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятин, тогда помещик явится сельским начальником, который будет вместо жалованья получать доход с вырезанной ему земли»). Для проектируемой единицы категорически отвергалась выборная система. При главе её планировалось создать совещательное собрание из крестьян «с местным батюшкой во главе» («чтобы местный дворянин, сделавшись сельским начальником, не мог стать маленьким сатрапом»), в состав которого должны войти указанные самими крестьянами лица. Типологически это напоминало существовавшую систему власти в империи, и в этой схеме помещик вполне отождествляется с монархом, а совещательное собрание – с Государственным советом¹. Сам доклад без рассмотрения его по существу был передан в Орловский губернский комитет.

Отметим, что подобные самоуправления, являющиеся единицы на базе приходов для «Вестника Европы» представлялись квази-самоуправлением, что объяснялось целым рядом важных различий: исключительно добровольный характер членства в попечительстве; жёсткая привязка попечительств к вероисповеданию; ограниченность круга ведомства и полномочий попечительств по сравнению с мелкими земскими единицами². В. А. Мякотин на страницах «Русского богатства» отдельно раскритиковал выше указанный проект Нилуса, найдя в нём стремление привить деревне полицейские порядки, а также посадить дворянство на государственное иждивение: «В этом последнем случае мы, очевидно, имеем дело лишь

с проектами людей, безнадежно отставших от жизни и бессильно пытающихся задержать её движение»³.

Эсер В. К. Вольский писал, что ввиду индифферентного отношения интеллигенции к религии общее руководство приходами быстро перейдёт к священникам, которые обернут всю их деятельность на удовлетворение своих личных интересов, или к деревенским кулакам, которые постараются взять в свои руки распоряжение финансами. Кроме того, он считал такие институты неоправданно дорогими, особенно ввиду необходимости содержания приходских управ⁴.

Правовед В. М. Гессен указывал, что самое главное возражение против приходской организации заключается в том, что между ней и земским самоуправлением не существует внутренней связи и внутреннего единства, поэтому взаимодействие между ними практически невозможно. И если приход как институт самоуправления был органичен, являясь единственным таким институтом, то с появлением новых форм самоуправления, основанных на иных началах, существование (как организации самоуправления) его становилось, по мнению Гессена, невозможным⁵.

В свою очередь, член Русского собрания князь М. Л. Шаховской объяснял эту неприязнь либералов к приходской организации мелкой земской единицы тем, что в их проектах всесословно-интеллигентные органы не встречают сочувствия со стороны массы людей, которым дороги «национальные заветы», поскольку истинная сущность этих проектов заключалась в проведении в жизнь отвлечённых идей по части «политического воспитания»⁶.

³ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 3. Отд. II. С. 183–184.

⁴ Заря. 1903. 4 мая.

⁵ Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 170.

⁶ Шаховской М. Л. Мелкая земская единица: доклад, прочитанный в Харьковском отделе «Русского Собрания» 27 февраля 1904 г. Харьков, 1904. С. 14.

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII: Орловская губерния. СПб., 1903. С. 666–667.

² [Арсеньев К. К.]. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1903. Кн. 4. С. 768–769.

С другой стороны, служивший в Кодификационном отделе при Государственном совете С. А. Шипов-Шульц полагал, что организация мелкой земской единицы на базе прихода с использованием норм Положения о приходских попечительствах является нецелесообразной, поскольку приходские собрания не имели полномочий на установление сборов со всех прихожан, к тому же сами размеры приходов были довольно различными и порой даже чресполосными. В связи с этим он предлагал взять за основу Городовое положение 1892 г. и признать отдельные части уездов городами и округами, которые и составили бы мелкую земскую единицу (сам он именовал её земским союзом) с городскими или окружными собраниями на правах городских дум¹.

Г. А. Евреинов подчёркивал, что избрание уездных гласных именно от приходов сделает невозможным партийный характер избирательной борьбы и, следовательно, оградит земские собрания от господства партий, поскольку будет задействован территориальный принцип выборов². В. В. Ярмонкин предлагал избирать по одному уездному гласному от каждого прихода, подчёркивая, что это позволит увеличить число гласных от сельского населения, к тому же этот выбор не будет сословным и обеспечит представительство интересов всех волостей в уездном земстве³. Также, по его мнению, это способствовало бы привлечению более широкого круга сельских жителей к общественной деятельности, при этом состав гласных качественно изменился бы только к лучшему: Ярмонкин полагал, что в первую очередь будут избирать «цвет местной интеллигенции», а отказ от практики утверждения гласных из крестьян администрацией уничтожил

бы присущие такому способу избрания «фаворитизм и тенденциозность подбора гласных»⁴.

Не возражал против избрания гласных от всесословного прихода сотрудничавший с консервативными журналами «Русский вестник» и «Русское обозрение» Н. Л. Мордвинов, хотя и с оговоркой, что введение таковых приходов вряд ли состоится в ближайшие 20 лет⁵.

Заключение

Вопрос об учреждении мелкой земской единицы в дальнейшем стал одним из основополагающих при обсуждении дальнейших путей развития местного самоуправления в свете учреждения Государственной Думы. Проект организации мелкой земской единицы на базе церковного прихода инициировался и поддерживался преимущественно выразителями консервативных и славянофильских идей, как основанный на древнерусских традициях. В рассмотренных нами концепциях приходская организация считалась исторически сложившейся и обеспечивающей единство интересов проживающих на её территории, в отличие от волостной организации, которая оценивалась как носящая сугубо административный характер и не учитывающая естественную общность жителей. Участие духовенства в таком институте самоуправления фактически являлось отсылкой к особенностям организации представительства в земских собраниях, где дворяне законодательно после 1890 г. получали большинство. В этом отношении земско-приходское самоуправление должно было иметь патерналистский характер по отношению к крестьянам, что, безусловно, вызывало отторжение либералов, которые преимущественно добивались отказа от правовой опеки (в любой её форме) над крестьянами.

¹ Шипов-Шульц С. А. Закон и земство. СПб., 1900. С. 60–62.

² Евреинов Г. А. Заметки о местной реформе. СПб., 1888. С. 88.

³ Заря. 1903. 24 марта.

⁴ Заря. 1903. 29 апреля.

⁵ Мордвинов Н. Л. Забытые начала. СПб., 1905. С. 43–44.

Что касается организации системы представительства, то она виделась преимущественно на цензовой основе (лишь в проектах К. Ф. Одарченко, И. П. Купчинова и Тверского губернского земства распорядительными органами считались собрания всех прихожан).

Ещё одной важной чертой большинства рассмотренных проектов являлось предоставление особого статуса приходскому священнику, включавшегося по должности в состав руководящих органов мелкой земской единицы (за исклю-

чением проектов И. А. Милютина и Тверского губернского земства).

Отдельно выделим проект С. А. Нилуса, который фактически отвергал идею выборности и представлял организацию местного совещательного учреждения под руководством священника и при участии поместного дворянства. При этом в либеральных кругах данные проекты критиковались за односторонний характер как не имеющие никакой связи с системой существовавшей организации земских учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 178 с.
2. Ишимбаев Д. З. Местное самоуправление и пути его совершенствования в воззрениях А. Д. Градовского // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 41–44.
3. Гусман Л. Ю. Дискуссии о создании мелкой земской единицы в русской публицистике периода Первой мировой войны // Научная сессия ГУАП. Гуманитарные науки. СПб., 2022. С. 8–10.
4. Ехлакова С. Ф. Мелкая земская единица в общественных дискуссиях конца XIX в. // Омский исторический вестник. 2011. № 6. С. 23–26.
5. Сорокин А. А. Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: мат-лы конф. Иваново, 2022. С. 513–519.
6. Сорокин А. А. Дискуссии об учреждении мелкой земской единицы в начале XX в.: взгляд либералов (по материалам журнала «Вестник Европы») // Российский либерализм в исторической перспективе: мат-лы конф. / под ред. Д. В. Аронова. Орел, 2022. С. 60–65.
7. Беглов А. Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 1. С. 172–200.
8. Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, формы. М.: Индрик, 2021. 1048 с.
9. Коновалова М. А. Мелкая земская единица в трудах членов юридических обществ в дореволюционной России // Современное общество и право. 2014. № 3. С. 30–34.
10. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Междунар. отношения, 2002. 192 с.

REFERENCES

1. Zakharova, L. G. (1968). *Zemstvo counter-reform of 1890*. Moscow: Moscow University Publ. (in Russ.).
2. Ishimbaev, D. Z. (2020). Local self-government and ways of its improvement in the views of A. D. Gradovsky. In: *Civil society in Russia and abroad*, 1, 41–44 (in Russ.).
3. Gusman, L. Yu. (2022). Discussions about the creation of a small zemstvo unit in Russian journalism during the First World War. In: *Scientific session of GUAP. Humanities*. St. Petersburg, pp. 8–10 (in Russ.).
4. Ekhlakova, S. F. (2011). Small zemstvo unit in public discussions of the late 19th century. In: *Omsk historical bulletin*, 6, 23–26 (in Russ.).
5. Sorokin, A. A. (2022). The issue of small zemstvo units in the decisions of provincial committees of the Special Conference on the needs of the agricultural industry. In: *State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries*. Ivanovo, pp. 513–519 (in Russ.).
6. Sorokin, A. A. (2022). Discussions about the establishment of a small zemstvo unit at the beginning of the 20th century: the view of liberals (based on the materials of the journal "Bulletin of Europe"). In: Aronov, D. V., ed. *Russian liberalism in historical perspective: materials of the conference*. Orel, pp. 60–65 (in Russ.).

7. Beglov, A. L. (2014). Zemstvo projects for the reorganization of the Orthodox parish in the 1860–1890s. In: *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 32 (1), pp. 172–200 (in Russ.).
8. Beglov, A. L. (2021). *Orthodox Parish at the End of the Russian Empire: Status, Discussions, Reforms*. Moscow: Indrik Publ. (in Russ.).
9. Konovalova, M. A. (2014). Small Zemstvo Unit in the Works of Members of Legal Societies in Pre-Revolutionary Russia. In: *Modern Society and Law*, 3, 30–34 (in Russ.).
10. Vereshchagin, A. N. (2002). *Zemstvo Question in Russia (Political and Legal Aspects)*. Moscow: International Relations Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокин Александр Анатольевич (г. Нижний Новгород) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

e-mail: skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Sorokin (Nizhny Novgorod) – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Assoc. Prof., Department of Foreign Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

e-mail: skaliger1989@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1710-0801

Научная статья

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-62-74

ГОЛОД НА ОСВОБОЖДЁННОЙ ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1942–1945 ГГ.): ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ЖЕРТВЫ, МЕРЫ ПОМОЩИ

Занько Е. А.

Независимый исследователь

г. Обнинск, Российская Федерация

e-mail: Z_E_A9696@mail.ru; ORCID: 0009-0007-4863-1142

Поступила в редакцию 03.03.2025

После доработки 21.03.2025

Принята к публикации 02.04.2025

Аннотация

Цель. Изучить природу массового голода, возникшего в 1942–1945 гг., на территории Орловской области РСФСР

Процедура и методы. Проанализировано большое количество документов из регионально-го архива, а также краеведческой литературы по соответствующему периоду. Используются: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-системный и логический методы исторического исследования.

Результаты. В результате исследования комплексно рассмотрена сложившаяся ситуация в Орловской области РСФСР в период 1942–1945 гг., определены причины голода, выявлены количество жертв и какие меры предпринимались государственными и местными властями для помощи жителям региона.

Теоретическая и/или практическая значимость. Детально исследован ранее малоизученный и малоосвещаемый в силу идеолого-политических причин региональный эпизод Великой Отечественной Войны, изучение которого позволит составить более полную картину о жизни Орловской области в период Великой Отечественной Войны и последствиях данной войны для гражданского населения. Вместе с этим исследование позволяет опровергнуть ряд исторических мифов: 1) после освобождения от немецко-фашистских захватчиков заканчивались все трудности; 2) советские власти никак не помогали пострадавшему населению, обрекая его на гибель. Данные исследования могут быть полезны местным краеведам и всем, кто занимается изучением Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, голод, гражданское население, колхозы, Орловская область, помощь, продовольствие

Для цитирования:

Занько Е. А. Голод на освобождённой территории Орловской области (1942–1945 гг.): причины, особенности, жертвы, меры помощи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 62–74.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-62-74

Original research article

FAMINE IN THE LIBERATED TERRITORY OF THE OREL REGION (1942–1945): CAUSES, CHARACTERISTICS, VICTIMS, MEASURES OF ASSISTANCE

E. Zanko

Independent researcher

Obninsk, Russian Federation

e-mail: Z_E_A9696@mail.ru; ORCID: 0009-0007-4863-1142

Received by the editorial office 03.03.2025

Revised by the author 21.03.2025

Accepted for publication 02.04.2025

Abstract

Aim. Study the nature of the mass famine that arose in 1942–1945 in the Oryol region of the RSFSR.

Methodology. A large number of documents from the regional archive, as well as local history literature on the relevant period, have been analyzed. The following research methods were used: comparative-historical, historical-genetic, historical-systemic, logical.

Results. As a result of the study, the current situation in the Oryol region of the RSFSR in the period 1942–1945 was comprehensively examined, the causes of hunger were determined, the number of victims was revealed and what measures were taken by state and local authorities to help residents of the region.

Research implications. A regional episode of the Great Patriotic War, previously poorly studied and poorly illuminated due to ideological and political reasons, has been studied in detail, the study of which will make it possible to compile a more complete picture of the life of the Oryol region during the Great Patriotic War and the consequences of this war for the civilian population. At the same time, the study allows us to refute a number of historical myths: 1) after liberation from the Nazi invaders, all difficulties ended; 2) the Soviet authorities did not help the affected population in any way, condemning him to death. These studies can be useful to local historians and everyone who studies the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, famine, civilian population, collective farms, Orel region, aid, food

For citation:

Zanko, E. A. (2025). Famine in the liberated territory of the Orel region (1942–1945): causes, characteristics, victims, measures of assistance. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 62–74.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-62-74

Введение

Несмотря на широкую обсуждаемость и большую изученность периода Великой Отечественной войны, данная тема по-прежнему содержит большое количество «белых пятен», которые по каким-либо причинам до сих пор слабо изучены. Одной из таких тем является состояние и положение мирных жителей в освобождённых от гитлеровцев регионах СССР.

Практически всегда после изгнания гитлеровцев тяжёлые испытания не заканчивались. Промышленность находилась в упадке, сельское хозяйство было запущено; города, деревни и колхозы разрушены; множество людей были убиты или угнаны немцами в рабство. В условиях продолжающейся войны, которая требовала от тыла больших ресурсов и немалых государственных запросов в виде сдачи продо-

вольствия и налогов, выжившим местным жителям приходилось ещё и восстанавливать свои регионы. Государственная помощь выделялась, но в ограниченных масштабах. Во многих освобождённых регионах насущной была проблема нехватки продовольствия, голода.

Одним из подобных регионов была Орловская область РСФСР СССР. Несмотря на то что край был полностью освобождён к лету 1943 г., ситуация там сохранялась сложной, поскольку множество людей столкнулись с нехваткой продовольствия и как следствие тяжёлыми условиями жизни на грани смерти, при том что им необходимо было восстанавливать хозяйство и помогать фронту.

Необходимо отметить, что подобные ситуации не освещались в советских СМИ. На фоне более важных новостей с фронта новости о сложностях в освобождённых регионах были не востребованы и потому табуированы. После окончания войны наступил послевоенный голод 1946–1947 гг., на фоне которого ситуация с голодом в военное время также затерялась.

Актуальность темы голода в 1943–1945 гг. обусловлена, во-первых, её крайне малой изученностью и несправедливо малой освещённостью; во-вторых, это развеивает миф, что сразу после освобождения территорий от врага всё сложное оставалось позади, позволит составить более полную картину последствий немецкого оккупационного режима и той цены, которую советскому населению пришлось заплатить за возврат к мирной жизни.

Как уже указывалось, данная тема мало изучена и потому её историография крайне скудная. По военно-идеологическим причинам ситуация с голодом на освобождённых территориях Орловской области кратко поднималась лишь в докладных записках орловского обкома и райкомов ВКП(б), но не в агитационной литературе или многочисленных нотах В. М. Молотова.

В послевоенный период, 1946–1991 гг., исследований по данной теме никаких не велось. Факт, что в Советском Союзе был голод из-за войны, впервые был озвучен лишь на XXVII съезде КПСС в 1986 г. и только во время перестройки с данной темы было снято табу. Однако в основном исследования советских историков касались послевоенного голода 1946–1947 гг. Из работ данного периода мы можем отметить статью И. М. Волкова «Засуха, голод 1946–1947 гг.» [1], в которой сообщается о голоде в Орловской области и мерах помощи советского правительства. Однако данный регион в статье лишь кратко упоминается и демонстрируется на фоне всей европейской части СССР.

Лишь с 1992 г., когда все цензурные ограничения на изучение истории были сняты, начали публиковаться работы о положении в Орловской области. Отметим монографию В. Ф. Зимы «Голод в СССР 1946–1947 гг.: Происхождение и последствия» [2], где освещается голодное состояние Орловской области и его причины во время войны; статью И. В. Кометчикова «Продовольственные затруднения в западнорусской деревне 1942–1945 гг.» [3], где освещаются эпизоды со страдающим от голода населением непосредственно во время войны.

Данная тема также поднималась в научных работах орловских историков-краеведов И. Л. Ашихмина, А. Д. Будкова, В. И. Коренева, А. А. Фролова, Е. Е. Щекотихина и др. В XXI в. стали публиковаться мемуары и воспоминания отдельных людей, переживших военный голод.

Однако все вышеперечисленные работы освещают ситуацию в Орловской области неполно и отрывочно, демонстрируя лишь отдельные эпизоды, но не представляя цельную картину.

Итак, цель работы – сформировать общую картину сложившейся ситуации, связанной с массовым голодом в Орловской области РСФСР в 1942–1945 гг.

Причины массового голода в Орловской области после окончания немецко-фашистской оккупации

Орловская область была оккупирована гитлеровцами в октябре 1941 г. и полностью освобождена 25 сентября 1943 г. Однако ситуация в области после ухода немцев была плачевной. По заключению Орловской областной чрезвычайной комиссии область после освобождения представляла собой груды развалин и пепелище. В период оккупации немцы врывались в города и сёла, грабили мирных жителей, а при малейшем сопротивлении сжигали их дома и учиняли кровавые расправы¹.

Немцы приводили в негодность сельскохозяйственную технику, сжигали и вырубали гектары многолетних культур. Были уничтожены все сады, ликвидированы севообороты и порядок землепользования. В результате огромные пространства плодородных земель Орловщины были превращены в пустыри, заросшие бурьяном и чертополохом. Площадь посевных земель сократилась на 59%, по картофелю – на 86%²; промышленность области была уничтожена на 90% [4, с. 164].

Оккупанты отобрали и угнали в Германию большую часть лошадей и коров, сожгли множество населённых пунктов, перед отступлением уничтожили урожай и увезли весь сельскохозяйственный инвентарь, из-за чего колхозникам приходилось обрабатывать землю простейшими орудиями труда: косами, серпами, вилами и граблями³, а повседневная жизнь области оказалась на уровне первобытно-общинного строя [5, с. 27–28]. Орловской области был причинён ущерб на сумму 46 542 622 000 рублей [5, с. 112].

Немцы угнали в Германию 12 354 и уничтожили около 4 243 мирного населе-

ния⁴. Если в 1939 г. в 40 районах Орловской области проживало 1,7 млн человек, то к 1 сентября 1943 г. – лишь 0,9 млн⁵. Орловская область потеряла 34,6% населения [5, с. 15].

Так, 8-летний Леонид Варнавский из д. Лужки Залегощенского района вспоминал, что после освобождения жизнь была очень тяжёлой. Колхозники на свои трудодни ничего не могли приобрести, коровы и свиньи истощали, поскольку их нечем было кормить. Засеять что-либо не представлялось возможным – все поля заросли бурьяном, были перекопаны траншеями, блиндажами, ямами от снарядов или были заминированы [6, с. 38].

2 марта 1942 г. нарком пищевой промышленности РСФСР Романычев сообщал, что весенний сев в Орловской области под угрозой, поскольку многие совхозы не обеспечены семенами, фуражом, сеном, соломой и концентратами; многие постройки совхозов сожжены; продуктов не хватает, из-за чего невозможно организовать рабочую силу⁶.

25 февраля 1944 г. секретарь Шаблыкинского РК ВКП(б) Огородов сообщил, что район в результате оккупации был полностью уничтожен, в т. ч. все запасы хлеба и 15 000 га посевных земель. Засеянные поля с картофелем и овощами были вытоптаны и отравлены отступающим врагом⁷.

24 марта 1944 г. секретарь Суземского района Егорин сообщил, что служащие, учителя и инвалиды, проживающие в сёлах и деревнях, недополучают хлеба, поскольку практически все посевы района уничтожены немецко-фашистскими захватчиками, и на приусадебных участках совершенно нет продуктов, отчего особенно сильно страдает детская столовая и райбольница⁸.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 16а. Л. 4

² Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 1081. Л. 3–4.

³ Там же. Д. 540. Л. 25–26.

⁴ Там же. Д. 1081. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 396. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 416. Л. 13–14.

⁷ Там же. Д. 995. Л. 12–13.

⁸ Там же. Л. 4–5.

Однако не только из-за немцев возник голод. Причина бедственного положения иногда была в органах советской власти, которые халатно относились к своей работе по восстановлению хозяйственно-экономической жизни региона.

Например, 5 февраля 1942 г. сообщалось, что во многих лечебных учреждениях Орловской области существуют проблемы с топливом и питанием. Отсутствуют прибольничные хозяйства, которые могли бы решить проблему с питанием. В сложившейся ситуации обвинялись облторготдел и облпотребсоюз, поскольку они реализовали выделенные средства на питание больных лишь на 60–70%. Виновными также назывались райисполкомы, которые не проводили децентрализованные закупки и не интересовались ситуацией с питанием больных¹.

10 марта 1942 г. начальник Людиновского РОНКВД лейтенант Цветков сообщил начальнику Орловского УНКВД майору госбезопасности Фирсанову, что в Людиновском районе плохо проходит осенний сев: в 1942 г. засеяно лишь 517 га посевных площадей из 1260 га, что составляет лишь 41% земель от 1941 г., а в некоторых колхозах лишь 31%. Причина в халатности некоторых кадров. Например, председатель райисполкома Пыльный не подготовил план сева по колхозам, не раздал колхозам указаний и не контролирует сев, не зная, сколько и чего они должны засеять.

В самих колхозах сев плохо проходил по разным причинам: в колхозе «Заря Новой жизни» не хватало лошадей; некоторые населённые пункты всё ещё ежедневно обстреливали немцы; ряд председателей колхозов саботировали планы сева, считая, что в условиях войны нет смысла ничего засеивать, а лучше раздать оставшееся зерно колхозникам по трудностям; а председатель колхоза «Больше-

вистская весна» Азаров вместо работы занялся пьянкой².

7 мая 1942 г. завпротомделом обкома ВКП(б) Студенников сообщал руководству, что Райзо своевременно не проверили наличие семян в колхозах, не перераспределили их излишки из одних колхозов в те, которые нуждались в них. В совокупности с нехваткой лошадей и тракторов из-за этого усложнилось положение, поскольку ежедневный план-график полевых работ не выполняется: вместо 1200 га засеивается лишь 400–500 га³.

21 августа 1943 г. Сталин и Маленков констатировали, что многие колхозы и совхозы Орловщины халатно относились к вопросу сбора урожая и сдачи его государству, были причастны к расхищению зерна и хлеба, что привело к сокращению продовольственных ресурсов страны на многие миллионы пудов⁴.

К причинам плохого сбора урожая относили также и то, что руководители партийных и комсомольских организаций мало проводили работу среди рабочих и колхозников⁵.

При всех трудностях с продовольствием перед колхозниками всё равно ставилась задача сдавать хлеб, картофель и мясо в фонд Красной армии для дальнейшего разгрома фашистских захватчиков⁶, иначе можно было предстать перед народным судом и быть приговорённым к исправительным работам⁷.

Рассчитывать на большую государственную помощь считалось постыдным. Так, 8 января 1942 г. секретарь обкома Бойцов агитировал, что обращаться за помощью в правительство из-за семян нельзя. Необходимо самим решить проблему за счёт собственных запасов хлеба, коих, по словам Бойцова, у колхозов немало⁸.

² Там же. Д. 289. Л. 63.

³ Там же. Д. 265. Л. 4–5.

⁴ Там же. Д. 532. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 545. Л. 70.

⁶ Там же. Д. 210. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 272. Л. 60.

⁸ Там же. Д. 263. Л. 31–35.

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 519. Л. 26–28.

Масштабы массового голода в освобождённой Орловской области

По совокупности вышеперечисленных причин освобождённое население остро нуждалось в питании [4, с. 279].

Тяжелее всего было детям. Помимо того, что было всегда холодно и не хватало материального оснащения, очевидцы вспоминали, что дети в детских садах и школах с вечно голодными глазами реагировали на каждый скрип двери, думая, что принесли чего-нибудь пожевать [7, с. 218]. Дети охотно посещали учебные заведения, поскольку иногда поесть можно было только там. Например, 19 декабря 1943 г. красноармеец В. С. Лукьянчиков в письме своей матери в Орёл предлагал устроить младшего брата в Суворовское училище лишь потому, что там кормят [8, с. 97].

Самым ярким воспоминанием детей того периода был кусочек чёрного хлеба, посыпанный сахарным песком, который давали на переменах. Сахар был дефицитом, но власти старались, чтобы дети его получали хотя бы в небольших количествах [7, с. 218]. 13-летняя Нина Кирилловская вспоминала, что вместе с сахарным песком иногда давали полпончика. Деликатесом считалась редька, залитая кислым молоком [6, с. 81].

Отдельной категорией нуждающегося населения были семьи красноармейцев и партизан.

Так, в декабре 1942 г. райисполком и райпрокурор Корсаковского района получили информацию, что эвакуированные 5 детей красноармейца С. И. Акулинина, проживающие в Вольновском сельсовете, после смерти своей матери остались сиротами и теперь пишут письма отцу на фронт о своём крайне плохом положении (сидят без хлеба, собирают милостыню) и никакой помощи им не оказывают¹.

Тогда же инструктор обкома ВКП(б) Хомяков сообщил председателю Матвееву, что в Спешинском сельсовете Корсаковского района насчитывается 33 831 эвакуированных, которые живут скученно и не получают положенный хлеб и корма для скота².

В апреле 1943 г. жители области направили коллективную жалобу зампредседателю комитета партийного контроля М. Ф. Шкирятову на недобросовестные действия наркомпищепрома и наркоммясомолпрома. В начале года по личному поручению А. И. Микояна область должна была получить 65 т сахара, 45 т животных жиров, 50 т кондитерских изделий и 400 т соли. Однако соли Орловщина не получила вообще, а остальных продуктов – только половину. На многочисленные запросы населения наркомпищепром и наркоммясомолпром не отвечали либо отвечали уклончиво. Всё это привело к тому, что в освобождённых районах Орловской области больницы, детские дома и дома инвалидов не имели вышеперечисленных продуктов³.

Большой проблемой области была детская беспризорность. К концу 1943 г. в детприёмниках насчитывалось 1 005 детей. Главным их занятием было попрошайничество, во многом потому, что снабжение детприёмников продуктами было крайне плохим. Во второй половине 1943 г. Орловский обком сообщал, что детдома получают продукты из центра с большими перебоями и не весь ассортимент. Так, детдомовец Иван Краснов вспоминал, что дети в детдомах постоянно испытывали голод, и смысл их жизни был – найти что-нибудь съестное. Держались детдома только за счёт помощи местных фондов. Ещё одной причиной было воровство продуктов персоналом [9, с. 168–174].

Летом 1943 г. сотрудники пропгруппы из ВКП(б) Виноградова и Шаевич, проводя инспекцию Колпнянского района,

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 457. Л. 50.

² Там же. Д. 272. Л. 94–95.

³ Там же. Д. 285. Л. 39–40.

сообщили, что в районе много нищих, особенно детей от 5 до 17 лет, которые группами по 7–10 человек стоят под окнами столовой или ходят по деревням и собирают милостыню. Очевидец А. П. Драков характеризовал послевоенный голод как время, когда постоянно хотелось есть, днём и ночью, а помочь никто не мог. Поэтому приходилось ходить собирать милостыню [10, с. 17].

Прогруппа винила в происходящем райорганизации, которые не предпринимали решительных мер для обеспечения детей дошкольного и младшего школьного возраста, а их руководители обходили стороной острые вопросы. Например, во время одного из собраний колхоза «Путь Ленина» одна из жительниц задала вопрос председателю: «Почему нет соли? Почему немцы дают учителям хлеб, а советская власть не может помочь своим семьям?». В ответ председатель перебил выступавшую и заявил, что это к итогам войны не относится и нечего об этом разговаривать¹.

Население выживало всеми возможными способами. Так, 13-летняя Зоя Голovina вспоминала, что люди спасались от голодной смерти за счёт собранной гнилой картошки, из которой лепили лепёшки «тошнотики» [10, с. 12]. 11-летний Володя Константинов вспоминал, что иногда в день жители получали горсть жмыха, а иногда и его не было [6, с. 86]. Геннадий Рыжиков рассказывал, что дети утоляли голод боярышником, тёрном и рябиной, а иногда и подобранными арбузными корками, которые выпадали из железнодорожных составов, следовавших из тёплых республик [6, с. 150].

В мае–июне 1944 г. сообщалось, что в Новосильском районе некоторые колхозники из-за недостатка продуктов питания опухают от недоедания и употребляют в пищу трупы животных². Также жители ловили лягушек и мелкую птицу.

Весной ели зелёную траву. Поскольку денег ни у кого не было, то господствовал натуральный обмен. Например, на капустную рассаду обменивали яйца [10, с. 26]. Краевед и очевидец Е. Е. Щекотихин вспоминал, что от голода спасала «земля-кормилица»: выращенные картофель, морковь, свёкла, капуста прятались в подвал; хлеб покупался на деньги от продажи молока, которое обеспечивали имеющиеся коровы. Однако проблемой было найти им гектар луга для выпаса и сено на зиму [11, с. 108].

23 января 1944 г. секретарь Залегощенского РК ВКП(б) Ёлкин сообщил, что положение в районе с продовольствием чрезвычайно напряжённое. Поскольку в 1943 г. в районе были посевы очень маленькой площади и плохого качества, то район даже минимально не был снабжён хлебом, а овощей и картофеля не было вовсе, что привело к случаям опухания людей от недоедания. Также Ёлкин сообщил, что населению района требуется по 300 т хлеба и картофеля в месяц, а из выделенной помощи они получили лишь 43 т хлеба³.

В феврале 1944 г. о тяжёлом положении с продовольствием сообщил и секретарь орловского горкома Марков. Орёл недополучал мяса, рыбы, сахара, жиров, кондитерских изделий, а выделенная помощь доходила не полностью, что приводило к угрозе срыва питания даже в детских учреждениях⁴.

10 сентября 1944 г. секретарь Русско-Бродского РК ВКП(б) Комарцов сообщил в Обком, что положение в районе с продуктами общественного питания и снабжением рабочих и служащих хлебом обстоит крайне напряжённо. Например, для снабжения общественных столовых район ежемесячно необходимо 5,24 т картофеля, 559 кг крупы и 16 т хлеба. Однако в Райпотребсоюзе никаких продуктов не

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 624. Л. 20.

² Там же. Д. 713. Л. 6–7.

³ Там же. Д. 995. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 3–4.

имеется, и кормить рабочих и служащих нечем¹.

Ситуация с голодом провоцировала недовольные настроения.

Например, в сентябре 1942 г. одна из жительниц колхоза «Революционный путь» Локотецкого сельсовета Волынского района заявила, что не отдаст свою корову для уборки осеннего сева и сама тоже работать не будет, поскольку всё равно помирать. Свою корову для уборки сева также отказалась отдавать жительница колхоза «Соревнование» Глебовского сельсовета, предложив председателю вместо этого запрячь свою мать.

Житель колхоза «Клим Ворошилов» Чибисовского района И. А. Циганов на ссыпункте прилюдно вслух заявил, что «им» лишь бы всю рожь увести и даже неважно, какого она качества.

Подобную же жалобу высказывал вслух колхозник Неделин из Елецкого района, председатель местной организации Осоавиахима. Собрав группу колхозников, Неделин начал нецензурно высказываться в адрес членов правительства и говорить, что государство весь хлеб отбирает, а колхозников оставляет голодными².

Щекотихин вспоминал, что их семью выводили налоговые инспекторы, которые каждую весну посещали их подсобное хозяйство и пытались выбить налоги на деревья, кусты и животину, а также заставляли приобрести государственные займы. Щекотихин винил советские власти, что те ни гроша не потратили для их спасения, обрекая их на самостоятельное выживание [11, с. 110–111].

Также необходимо отметить проблему для властей: многие члены семей красноармейцев писали письма на фронт, где подробно описывали свои тяготы.

5 августа 1943 г. начальник Орловского УНКГБ Домарев сообщил, что военная цензура зафиксировала 85 писем из Ни-

кольского и 112 писем из Ливенского района, в которых семьи военнослужащих жаловались на отсутствие продуктов.

Люди были вынуждены питаться различными травами, например лебедой и др. Некоторые члены семей сообщали, что они пухнут с голоду от отсутствия хлеба, соли и других продуктов. Часть адресантов жаловались в письмах, что они не получают никакой помощи от властей и обречены на голодную смерть. О данной ситуации информировались Орловский обком ВКП(б) и Орловский облисполком [5, с. 26–27].

Так, 5 августа 1944 г. красноармеец Г. С. Переведенцев получил от матери из Хотынецкого района письмо, что их жизнь очень скудна и бедна, потому что нет ни хлеба, ни картофеля [8, с. 134].

Красноармейцы, получая от своих родных из тыла письма, что им нечего есть, и некоторые умирают от лишений, высылали своим семьям деньги, но проблема была в том, что, во-первых, они не всегда доходили, а во-вторых, на них редко что можно было купить из-за отсутствия продуктов.

Например, красноармеец В. А. Пальгунов сообщал в письме к жене, что купить ничего невозможно, потому что всё бесценно, а хлеб нужен каждый день. Он же сообщал, 5 марта 1942 г. про своего знакомого Александра и его мать, которые опухают от голода и скорее всего не выживут, поскольку у них в третий раз украли хлебные карточки, а рабочий паёк матери слишком мал [8, с. 131].

Некоторые отправляли паёк. Один из красноармейцев отправил своей матери в Хотынецкий район несколько костюмов и шерстяную юбку с указанием продать всё это, ничего не жалеть, а спасти свою жизнь [8, с. 123–124].

20 января 1945 г. красноармеец Н. А. Черников писал председателю Колпнянского сельсовета, что его дети-сироты живут плохо: хлеба у них нет, из питания только картофель и свёкла; в колхозе обещали выдать корову, но вместо этого

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 995. Л. 2.

² Там же. Д. 315. Л. 76–109.

выдали её счетоводу и учётчику. Черников просил помочь его детям [8, с. 196].

Письма о плохом положении не запрещались, но плохо влияли на моральный дух красноармейцев, которым приходилось читать о плохом положении своих семей в тылу и сокрушаться, что они ничего не могут сделать [8, с. 142].

Также необходимо отметить, что дефицит был не только продуктов, но и питьевой воды, т. к. из-за перебоев в электроснабжении насосных станций не работала половина уличных колонок. Населению приходилось пить воду из рек и ручьёв, что грозило вспышкой эпидемиологических заболеваний [12, с. 89].

Кроме того, продовольственный кризис сопровождался нехваткой уцелевшего жилья и плохой санитарной ситуацией, что приводило к всплескам эпидемий тифа, чесотки, дифтерии, пеллагры и болезни желудка¹.

Однако необходимо отметить, что упадочные настроения были единичными случаями, в целом колхозники готовы были продолжать помогать фронту продовольствием². Несмотря на то, что все жили впроголодь, поскольку весь урожай отправляли на фронт, никто не жаловался, все понимали, что каждый грамм хлеба и картофеля – это лишняя пуля по врагу [6, с. 136].

Меры помощи, оказанные населению Орловской области

Руководство орловского обкома ВКП(б) фиксировало все ситуации с нуждающимися, и эти ситуации не считались нормальными³.

Выделим несколько мер оказанной помощи. Во-первых, непосредственно помощь от государства. По указанию бюро обкома был утверждён комплекс мер. Работники райсобесов были обязаны выявить наиболее нуждающиеся

семьи и оказать им помощь. Также при сельских и городских советах депутатов трудящихся было решено создать постоянно действующие комиссии по социальному обеспечению. Результаты проверок должны были сообщаться секретарям РК ВКП(б) и членам бюро парткомитетов [13, с. 117–118].

Жалобы партизан считались первоочередными и должны были рассматриваться в течение 3 дней. Тех секретарей и председателей, которые будут относиться к данному вопросу «бюрократически», предлагалось привлекать к ответственности⁴.

Военный отдел Орловского обкома ВКП(б) и местные партийные организации проявляли заботу об обеспечении семей фронтовиков. В мае 1943 г. по данным отдела гособеспечения на учёте состояло 1 036 семей военнослужащих. При отделе был организован коллективный огород площадью 10 га с участием 108 семей фронтовиков. Из данного огорода 271 семья получила помощь семенами 3 394 кг и капустной рассадой 3 000 штук.

В 1944 г. в фонд семей военнослужащих в колхозах было посеяно 1 035 га зерновых культур. 6 713 семей были наделены индивидуальными огородами общей площадью 1 008 га.

Для помощи детям военнослужащих открывались детские столовые, молочные кухни, ясли, садики и санатории. Детям оказывалась продуктовая помощь. В феврале-марте 1945 г. в честь 27-й годовщины создания РККА детям фронтовиков и инвалидам войны было выдано 16 899 кг хлеба, 150 570 кг картофеля и 3 022 кг крупы.

Однако нельзя сказать, что до конца войны проблема снабжения населения была решена. Жалобы на бездушно-бюрократическое отношение к нуждам семьям фронтовиков не прекращались. Особенно много их было в январе-мае 1943 г. от жителей Волынского, Ста-

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 315. Л. 3.

² Там же. Д. 263. Л. 35.

³ Там же. Д. 265. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 457. Л. 121.

новлянского, Корсаковского, Долгоруковского и Краснозоренского районов, которые выражали возмущение, что при решении вопросов снабжения главенствует формально-бюрократический подход [13, с. 120–123].

Остальное население также заботой обделено не было. В течение 1942 г. Орловская область получила в качестве помощи от правительства 67 000 ц семян¹.

5 октября 1943 г. СНК СССР обязал наркомпищепром и Орловский облисполком восстанавливать в первую очередь пищевые предприятия: Орловскую пекарню, способную выпекать 10 т хлеба в сутки, хлебозавод, маслобойный завод, способный перерабатывать 16 т семян в сутки, 5 хлебопекарен, 2 мельницы, крупзавод, кондитерский цех по производству пряников и карамели, мясокомбинат и колбасный цех, птицекомбинат и молочный завод. Все предприятия должны были быть восстановлены в первой половине 1944 г.².

1 мая 1944 г. по личному распоряжению зампреда СНК А. И. Микояна для Орловской области было разбронировано 500 т муки из госрезерва на базе ГУГМР в Ельце и 300 т соли. Одновременно Микоян обязал наркомзаг обеспечить Орловскую область хлебом и солью³.

Хуже всех жилось семьям коммунистов, партизан и красноармейцев, которые были расстреляны немцами, т. к. у них не осталось скота. Лучше положение у тех семей, которые во время оккупации дружили с немцами, поскольку у них скот остался. В связи с этим секретарь Кромского РК ВКП(б) Калинин ставил вопрос о конфискации скота у последних семей и передачи его части семьям, пострадавшим от немцев⁴.

Однако 20 марта 1944 г. замживотноводческого отдела Яриков сообщил, что

райком и райисполком Брасовского района вместо создания животноводческих ферм за счёт изъятия незаконно приобретённых и бесхозных коров начали их раздавать самим себе. Коров получили все секретари райкома и их заместители, главы райкомов ВЛКСМ и секретари райисполкомов. Причём некоторые брали себе даже не по одной. Всего было роздано 200 коров и 8 забито на мясо. Вследствие такого незаконного разделения среди семей партизан и военнослужащих, которые пострадали от немецкой оккупации, вспыхивали недовольства⁵. За присвоение коров секретарь РК ВКП(б) Разумов и председатель исполкома Корнеев были сняты с должностей. Всем жителям района предписывалось сдавать незаконно приобретённых коров в организуемые МТФ⁶.

20 января 1945 г. инструктор военного отдела обкома ВКП(б) Копаев, занимающийся проверкой состояния жалоб в РК ВКП(б), сообщил, что большинство жалоб населения регистрируется, подшивается и разбирается в течение 3–5 дней. Однако Копаев возмущался, что обком не принимает решений о помощи инвалидам, некоторые жалобы собираются небрежно, не регистрируются, и ответы по ним формальные⁷. Благодаря предпринятым мерам в районе удалось стабилизировать ситуацию с продовольствием, хотя и не до конца⁸.

Поскольку Орёл испытывал катастрофичную нехватку продуктов питания, 15 ноября 1943 г. постановлением СНК СССР вводилась карточная система: 500 г хлеба в день для рабочих, 400 г для служащих, 300 г – для детей. Весной 1944 г. организовывались отделы снабжения рабочих продуктами питания и одеждой, открывались спецстоловые, пригородные участки земли выделялись под подсобные хозяйства. В начале 1945 г. в

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 208. Л. 16.

² Там же. Д. 525. Л. 29.

³ Там же. Д. 723. Л. 28–42.

⁴ Там же. Д. 760. Л. 35.

⁵ Там же. Д. 879. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 881. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 931. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 523. Л. 29.

области открылся круглосуточно работающий хлебозавод [8, с. 89].

Во-вторых, необходимо отметить, что сами колхозники проявляли инициативу касательно помощи своим соседям. Например, в Краснозоренском районе ряд колхозов обязывались произвести посев яровых культур сверх плана около 200 га, урожай с которых будет перечислен в фонды особо пострадавших колхозов¹.

1 ноября 1943 г. жители колхоза «Большевик» Высокинского сельсовета Шаблыкинского района сдали в фонд особо пострадавшего населения от немецких оккупантов 3 000 пудов картофеля и 120 пудов пшеницы².

Отдельно стоит отметить меры помощи детям. Согласно постановлению СНК от 29 января 1942 г. «Об устройстве детей оставшихся без родителей», в освобождённых районах Орловщины были созданы областная и районные комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, а таковых к марту 1942 г. насчитывалось 2 354.

Был организован специальный сектор детских домов, приёмников-распределителей и школ-интернатов, а также введена должность областного инспектора по организации дел патронирования. В итоге, все нуждающиеся дети были устроены в данные учреждения либо отданы под опеку.

Вместе с этим отмечалось, что некоторые колхозы нерегулярно выдают детям хлеб, картофель и другие продукты питания, а также не выплачивают государственные пособия. Поэтому обком ВКП(б) дал указание провести тщательную проверку качества жизни всех нуждающихся детей и организовать бесперебойное снабжение детей одеждой и продуктами питания³.

В-третьих, Орловской области помогли соседние регионы. В сентябре

1942 г. в Орловскую область из Казахстана было завезено 314 т соли и тогда же из Москвы присланы кондитерские изделия вместо сахара⁴. В августе–октябре 1943 г. Тульская и Смоленская области оказали продовольственную помощь в виде 20 т картофеля и 10 т овощей⁵. В 1944 г. в Орловскую область было завезено из соседних регионов 82,5 тыс. голов крупного рогатого скота и 92,2 тыс. овец⁶.

В-четвёртых, для помощи колхозам вводились специальные льготы. Например, распоряжением сельхозотдела ЦК ВКП(б) от 4 июня 1943 г. наиболее пострадавшие от немецкой оккупации освобождались от обязательных поставок зерна; обком и облисполком могли устанавливать размеры заготовок колхозам исходя из сложившейся индивидуальной ситуации. Также поставки зерновых исчислялись не с гектара пашни, а с гектара фактического посева зерновых культур⁷.

Указом СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. от обязательных поставок животноводства освобождались:

1) семьи красноармейцев и партизан с детьми в возрасте до 7 лет;

2) хозяйства без трудоспособных членов семьи;

3) хозяйства учителей, агрономов, зоотехников, землестроителей, фельдшеров, ветеринаров, инженеров, директоров МТС и совхозов, если они имеют количество скота, не превышающего устав сельхозартели;

4) рабочие-единоличники;

5) колхозы, особо пострадавшие от немецкой оккупации⁸.

Указом СНК и ЦК ВКП(б) за личной подписью И. В. Сталина от 28 июля 1945 г. райисполкомам Орловской области было позволено для отдельных колхозов уменьшать порайонную норму обязательных поставок зерна до 30% в зависимости от

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 410. Л. 35.

² Там же. Д. 613. Л. 1.

³ Там же. Д. 289. Л. 63.

⁴ Там же. Д. 272. Л. 77.

⁵ Там же. Д. 523. Л. 29.

⁶ Там же. Д. 529. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 285. Л. 55.

⁸ Там же. Д. 532. Л. 20.

колхозных условий. Подчёркивалось, однако, что данная льгота только для некоторых колхозов, а в целом план обязательных поставок должен быть выполнен¹.

Заключение

Анализ показал, что в 1942–1945 гг. районы Орловской области охватил массовый голод, который затронул и входившую в её состав Брянскую область. Причинами голода являлись не только последствия немецкой оккупации, но и зачастую халатные действия советских парторганов.

Как отмечает крупнейший орловский краевед доктор исторических наук Е. Е. Щекотихин, уточнить не представляется возможным, какие потери понесло население районов Орловской области в результате подобной жизни [5, с. 27] – ни во время войны, ни после неё никакие советские органы не проводили подсчёта жертв. Данная тема была табуирована и потому не освещалась и не озвучивалась в СМИ и литературе.

Но несмотря на отдельные случаи халатности, именно советские власти сделали всё для локализации голода: арестовывались некомпетентные сотрудники, брались на учёт особо пострадавшие семьи и колхозы, регулярно оказывалась продовольственная и промышленная помощь, вводились налоговые льготы, распределялись дети-сироты и др.

Нельзя не отметить и помощь от самого населения. По большей части, люди были готовы преодолевать трудности. Орловская область получала помощь от соседних регионов, колхозники создавали фонды помощи и просто готовы были делиться друг с другом едой и заботиться о сиротах.

Данные меры нельзя назвать исчерпывающими, поскольку полностью проблемы с продовольствием не были решены, и это стало предтечей к грядущему голоду 1946–1947 гг. Шла война. Руководству СССР нужно было продолжать борьбу с гитлеровцами и решать проблемы с голодом в разных регионах страны. Предпринятые меры могут казаться незначительными, но по факту были великими, т. к. предотвратили разрастание голода до больших масштабов.

Данные нашего исследования проливают свет на один из многочисленных малоизученных эпизодов Великой Отечественной войны и воздают должное всем пострадавшим, помогают установить тяготы, с которыми столкнулось гражданское население. На примере Орловской области можно понять, какую цену заплатил советский народ за мир и свободу.

Исследование будет полезно всем краеведам Орловской области, поскольку восполняет эпизод из истории региона, а также всем, кто занимается изучением Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кометчиков И. В. «Продовольственные затруднения» в западнорусской деревне 1942–1945 гг. (по материалам перлюстрации частной корреспонденции военной цензурой НКГБ СССР) // Вторая мировая война: История и Историческая память: сб. мат-лов / под ред. Ю. В. Родовича. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2019. С. 94–102.
2. Ашихмин И. Л. Орёл в 1943 году: Первые шаги по восстановлению города // Новейшие исследования в области истории и педагогики: мат-лы конф. / под ред. И. Е. Воронкова. Орёл, 2023. С. 212–221.
3. Говорят дети войны / под ред. А. П. Олейниковой. Орёл: Орловская правда, 2005. 232 с.
4. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М.: Институт Российской истории РАН, 1996. 265 с.
5. Куликов Н. Ю. Из глубины веков: Страницы истории города Орла. Рязань: Поверенный, 2007. 124 с.
6. Волков И. М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.
7. Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. документов / отв. ред. Т. Н. Старых. Орёл: Орловская правда, 2005. 512 с.

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 1073. Л. 31.

8. Щекотихин Е. Е., Борзенкова О. А. Нацистский оккупационный режим и его демографические последствия (на примере Орловской области) // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия: мат-лы конф. / под ред. Е. Е. Щекотихина. Орёл, 2010. С. 9–53.
9. Корнев В. И. Проблема беспризорности и безнадзорности в Орловской области в 1943–1945 гг. // Великая Отечественная война и Орловская область: взгляд через документальное наследие: мат-лы конф. / под ред. А. И. Кондратенко. Орёл: Картуш, 2021. С. 167–177.
10. Щекотихин Е. Е. Мы выжили!... Орёл, 2022. 272 с.
11. Корнев В. И. Организация помощи семьям военнослужащих в Орловской области в 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: мат-лы конф. / под ред. А. И. Кондратенко. Орёл, 2016. С. 116–123.
12. С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сб. док-ов / редкол. Ю. В. Апарина. М.: Голос-Пресс, 2015. 228 с.
13. Драков А. П. Этим и живу. Орёл: ИД «Орлик», 2022. 116 с.

REFERENCES

1. Kometchikov, I. V. (2019). "Food Difficulties" in the West Russian Village in 1942–1945 (based on the materials of the perustration of private correspondence by the military censorship of the NKGB of the USSR). In: Rodovich, Yu. V., ed. *The Second World War: History and Historical Memory*. Tula: TGPU named after L. N. Tolstoy Publ., pp. 94–102 (in Russ.).
2. Ashikhmin, I. L. (2023). Orel in 1943: First steps in rebuilding the city. In: Voronkov I. E., ed. *Latest research in history and pedagogy*. Orel, pp. 212–221 (in Russ.).
3. Oleynikova, A. P., ed. (2005). *The children of war speak*. Orel: Orlovskaya Pravda Publ. (in Russ.).
4. Zima, V. (1996). *Famine in the USSR of 1946–1947: Origin and Consequences*. Moscow: Institute of Russian History Publ., Russian Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
5. Kulikov, N. Yu. (2007). *From the depths of centuries: Pages of the history of the city of Oryol*. Ryazan: Poverenny Publ. (in Russ.).
6. Volkov, I. M. (1991). Drought and famine of 1946–1947. In: *History of the USSR*, 4, 3–19 (in Russ.).
7. Starykh, T. N., ed. (2005). *We stood firm and won! Oryol Oblast during the Great Patriotic War. 1941–1945: collection of documents*. Orel: Orlovskaya Pravda Publ. (in Russ.).
8. Shchekotikhin, E. E. & Borzenkova, O. A. (2010). The Nazi occupation regime and its demographic consequences (using the Oryol region as an example). In: Shchekotikhin, E. E., ed. *The Nazi occupation regime during the Great Patriotic War: its demographic, economic, and socio-cultural consequences*. Orel. (in Russ.).
9. Korenev, V. I. (2021). The problem of homelessness and neglect in the Oryol region in 1943–1945. In: Kondratenko, A. I., ed. *The Great Patriotic War and the Oryol region: a look through the documentary heritage*. Oryol: Kartush Publ., pp. 167–177 (in Russ.).
10. Shchekotikhin, E. E. (2022). *We survived!...* Orel. (in Russ.).
11. Korenev, V. I. (2016). Organization of assistance to the families of military personnel in the Oryol region in 1941–1945. In: Kondratenko, A. I., ed. *The Great Patriotic War in the historical memory of the people*, pp. 116–123 (in Russ.).
12. Aparina, Yu. V., ed. (2015). *With the truth about the war. Letters from 1941–1945*. Moscow: OOO Golos-Press Publ. (in Russ.).
13. Drakov, A. P. (2022). *This is what I live by*. Orel: ID "Orlik" Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Занько Евгений Александрович (г. Обнинск) – преподаватель-исследователь, выпускник аспирантуры Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского;
e-mail: Z_E_A9696@mail.ru; ORCID: 0009-0007-4863-1142

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Zanko (Obninsk) – Research teacher, Postgraduate student, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky;
e-mail: Z_E_A9696@mail.ru; ORCID: 0009-0007-4863-1142

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-75-86

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ ЗАКИ АЛЬ-АРСУЗИ, ФИЛОСОФА АРАБСКОЙ НАЦИИ

Лученков И. Р.

Институт восточных рукописей Российской академии наук

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: lir-529@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4340-4454

Поступила в редакцию 14.04.2025

После доработки 25.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Аннотация

Цель. Систематизация философских воззрений Заки Наджиба Ибрахима аль-Арсузи, одного из основателей, идеологов и теоретиков Партии арабского социалистического возрождения.

Процедура и методы. Изучение и введение в отечественную историографию основных лингвофилософских теорий и националистических доктрин Заки аль-Арсузи.

Результаты. Лейтмотивом воззрений аль-Арсузи являлось предположение о том, что структура арабского языка определяет, как и каким образом мыслит носитель этого языка, и что именно язык формирует мировоззрение говорящего на нём. Эти идеи находят своё отражение в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа: структура языка, заложенная в нём система понятий, детерминирует способ познания окружающей реальности. Философская картина мира аль-Арсузи направлена на нахождение интуитивного способа распознавания глубинной, метафизической сути вещей посредством арабского языка; в свою очередь на её развитие главным образом повлияли работы Иоганна Готлиба Фихте и Анри Бергсона.

Теоретическая и/или практическая значимость Теоретический аспект работы способствует развитию исследований в области национальной философии Арабского мира и арабской интеллектуальной традиции Нового времени. В практическом смысле исследование вносит вклад в анализ идеологического базиса арабского национализма, что необходимо для лучшего понимания культурно-идеологических основ региональной политики.

Ключевые слова: аль-Арсузи, панарабизм, арабский социализм, идеализм, алавиты, Александretta, Сирия, Турция

Для цитирования:

Лученков И. Р. Сравнительно-исторический анализ идеологии Заки аль-Арсузи, «философа арабской нации» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 75–86.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-75-86

© СС ВУ Лученков И. Р., 2025.

Original research article

COMPARATIVE AND HISTORICAL ANALYSIS OF THE IDEOLOGY BY ZAKI AL-ARSUZI, PHILOSOPHER OF THE ARAB NATION

I. Luchenkov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: lir-529@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4340-4454

Received by the editorial office 14.04.2025

Revised by the author 25.04.2025

Accepted for publication 05.05.2025

Abstract

Alm. Systematic analysis of Zaki Najib Ibrahim al-Arsuzi philosophical views, who was one of the founders, ideologues and theorists of the Arab Socialist Ba'ath Party.

Methodology. Research and Introduction of the main linguistic-philosophical theories and nationalist doctrines by Zaki Najib Ibrahim al-Arsuzi to the Russian historiography.

Results. The central theme of al-Arsuzi ideology was the assumption that the structure of the Arabic language determines how and in what way the native speaker thinks, and that it is the language that shapes the worldview of the speaker. These ideas are reflected in the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity: the structure of language, the system of concepts embedded in it, determines the way of cognizing the surrounding reality. Al-Arsuzi's philosophical picture of the world is aimed at finding an intuitive way of recognizing the deep, metaphysical essence of things through the Arabic language. Its formulation was mainly influenced by Johann Gottlieb Fichte and Henri Bergson.

Research implications. The theoretical aspect of the paper contributes to the development of research in the field in the national philosophy of the Arab world and the Arab intellectual tradition of the Modern Age. In a practical perspective, the study contributes to the analysis of the ideological basis of Arab nationalism, which is essential for a better understanding of the cultural and ideological foundations of Regional Politics.

Keywords: Al-Arsuzi, pan-Arabism, Arab socialism, idealism, Alawites, Alexandretta, Syria, Turkey.

For citation:

Luchenkov, I. R. (2025). Comparative and historical analysis of the ideology by Zaki Al-Arsuzi, philosopher of the Arab nation. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 75–86.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-75-86

Введение

К началу 1930-х гг. относится формирование идеологической основы арабского социализма, представляющего собой синтез различных западноевропейских и североамериканских социалистических течений и панарабизма [1, с. 3–4]. Тем не менее панарабская идеология не была обязательным маркером арабских наци-

онально-освободительных движений тех лет. Так, в 1932 г. на территории современной Сирии, находившейся на тот момент под мандатным управлением Франции, А. Саада (1904–1949), происходившим из греко-православной среды, была основана Сирийская социал-националистическая партия, члены которой считали сирийцев родственной арабам, но всё же

отдельной нацией, выступая оппозицией к движениям, тяготевшим к панарабизму и панисламизму [2, с. 45–46].

Его оппонент – греко-православный М. Афляк (1910–1989) – выступал за исламскую идентичность сирийского общества как составной части Арабского мира. Он критиковал марксистское прочтение диалектического материализма, утверждая, что ислам является революционным движением, и первым «революционером» был пророк Мухаммад, приведший арабскую нацию к возрождению – *Баас* [3, с. 10–11]. В 1947 г. Афляк вместе с Салах ад-Дином Битаром (1912–1980) и Заки Наджибом Ибрахимом аль-Арсузи (1900–1968) основывают Партию арабского социалистического возрождения (*Баас*) [2, с. 44].

В контексте данной работы мы подвергнем анализу философское наследие аль-Арсузи, прозванного современниками философом арабской нации – *файласуф аль-кавм аль-араби* [4, с. 39], который, в отличие от Афляка и аль-Битара, менее известен отечественному востоковедению. Его работы тяготеют к идеалистическому осмыслению проблематики панарабского национального строительства, основанием которой являлся литературный арабский язык, по его мнению, имеющий, в отличие от других языков мира, метафизическую природу. Несмотря на секулярную направленность политических убеждений аль-Арсузи, являющихся переосмыслением западноевропейского романтического национализма, его работы пропитаны аллюзиями на коранические аяты, многократно повторяя тезисы о богооткровенности арабского языка [5, с. 363–366].

Становление аль-Арсузи как политического деятеля

Пик политической активности аль-Арсузи относится к 1936–1939 гг., т. е. к периоду международного кризиса вокруг Александреттского санджака [6, с. 67]. Будучи уроженцем этого этнически и

религиозно разнообразного региона в составе французского мандата в Сирии и Ливане, он пытался отстоять территориальные претензии Турции, распространяя идеи панарабизма среди местных арабоязычных конфессиональных общин – алавитов, греко-православных и суннитов. Несмотря на действия арабских националистов, Турции удалось достигнуть договоренностей с Францией по аннексии данной территории, главным образом благодаря длительной работе с турецким населением санджака [7, с. 25]. Неудача аль-Арсузи, в частности, связана с маргинальным статусом алавитов, из которых он происходил, сохранявшимся в обществе тех лет, а также борьбой между различными политическими группировками Дамаска и Алеппо, в меньшей мере заинтересованных делами отдалённых провинций [6, с. 68–69]. Общесирийское признание пришло к аль-Арсузи лишь после его смерти при консолидации власти в стране Хафезом аль-Асадом, выходцем из алавитской общины соседней Кардахи [8, с. 5].

Стоит отметить, что передача Александреттского санджака де-факто была частью политики Франции и Великобритании по нейтрализации участия Турции в грядущей мировой войне на стороне Германии. Согласно турецкой историографии, де-юре данный регион был аннексирован на демократических основаниях по просьбе регионального правительства и парламента [9, с. 154–156], члены которых были назначены совместно Турцией и Францией, а не избраны местным населением напрямую. Аль-Арсузи полагал, что на демократическом референдуме большинство жителей санджака проголосовало бы за сохранения Александретты в составе Сирии, считая, что он за короткий период своей деятельности смог достаточно политизировать местное арабоязычное население, преодолев конфессиональные и религиозные расхождения и сплотив его под стягом панарабизма [6, с. 68–69].

Философские воззрения аль-Арсузи

В период между 1927 и 1930 г. аль-Арсузи обучается в Сорбонне, где знакомится с творчеством И. Г. Фихте, в частности с его знаменитыми «Речами к немецкой нации» [3, с. 14]. В Париже преподавателями аль-Арсузи были французские философы-идеалисты Ж. Дюма, Л. Брюнsvик, Э. Брейе, П. Фоконье и А. Бергсон, последний из которых, наряду с Фихте, оказал наиболее сильное влияние на лингвофилософские и националистические теории Заки аль-Арсузи [7, с. 29–30].

Лейтмотивом философии Бергсона являлась дихотомия *относительного* и *абсолютного* знания. Согласно Бергсону, при описании объекта в движении наблюдатель, находясь вне объекта, использует абстракции (время, место, скорость, силу, сопротивление атмосферы и т. д.), т. е. язык или символы. Такой вид знания он называл символическим или опосредованным, т. к. символы или понятия являются инструментами – посредниками между познающим умом и известным объектом. Подобной абстракции противопоставляется *абсолютное*, непосредственное, прямое и несимволическое знание, которое он называл *интуицией*, посредством которого наблюдатель чувственно проникает в наблюдаемый объект и познает его изнутри. В своей главной работе «Творческая эволюция» Бергсон поднимает проблематику метафизики жизни. Так, зарождение жизни и её непрерывная эволюция возможны благодаря жизненной силе – *élan vital*, подталкивающей саму жизнь к развитию в высшие формы. В свою очередь, человек – как высшая форма этой жизни – является не только наблюдателем, но и частью природы, которую он может познать изнутри при помощи развития *интуиции*. Препятствием процесса познания, согласно Бергсону, является невозможность выражения *интуиции* при помощи языка, т. к. язык выражается абстракция-

ми и неспособен передать истинную суть вещей [10, с. 367–371].

Оригинальная теория арабского языкознания аль-Арсузи, приведённая в его первой книге «Аль-Абкаррийя аль-Арабийя фи Лисан-ха» («Гений арабизма в его языке»), состоит в том, что слова арабского языка являются не символами, а непосредственно передают звуки самой природы. Взяв за основу подход Бергсона, аль-Арсузи приступил к разработке гипотезы, способной разрешить все проблемы человеческого мышления, а также ставил перед собой задачу по поиску критерия единства арабской нации, её прошлого, настоящего и будущего [10, с. 9–12]. Универсальным ответом на данные вопросы для аль-Арсузи стал метафизический характер арабского языка. Он считал, что совершенное, естественное и интуитивное чувство порядка, сама его корневая структура, заложенная именно в этом языке, является проявлением высшего и совершенного, т. е. божественного разума. Единственным доказательством подобного тезиса он считал коранические аяты о том, что арабский язык является языком первочеловека – Адама, которого сам Аллах научил всем словам и именам вещей, существующим в природе, посредством божественного откровения [4, с. 39–40].

Смысл слов, заложенных в естественных звуках, для аль-Арсузи является внутренней истиной, которая раскрывается интуитивно посредством самопросветления. Этот смысл, передаваемый арабским языком, невозможно исказить, т. к. его структура сохранила свою первобытность и примитивность — «*бадийя*» и «*бидаийя*» – ввиду того, что, по его мнению, подобные атрибуты являются основой голосовых конструкций [10, с. 372].

В основе лингвофилософской теории аль-Арсузи лежат следующие постулаты [4, с. 41–44]:

1. корень арабского глагола изначально состоял из двух букв;

2. корень арабского глагола первоначально формировался путём созерцания арабами естественных звуков;

3. естественный звук являлся синонимом двухбуквенного глагола;

4. главная особенность арабского мышления – способность неоднократно создавать новые слова из естественных звуков.

Говоря о прямой корреляции между этимологическим значением исконно арабской лексики и естественными звуками, аль-Арсузи делал особый акцент на неизменности арабского языка на протяжении всей истории человечества, утверждая, что в других языках подобная взаимосвязь прослеживается весьма относительно [3, р. 12]. Помимо лингвистических реконструкций значений исходных корней отдельно взятых слов, он приводил пример старой арабской поэзии, считая, что каждый араб способен понимать доисламские стихи эпохи джахилии так же, как это делали последующие поколения арабов, век за веком. Таким образом, он делал вывод о том, что временная дистанция не препятствует оценке и пониманию заложенных в них смыслов в отличие, например, от французской поэзии, констатируя кардинальные изменения в романских языках и латыни за аналогичный период [4, р. 45–46].

Так, он обосновывает божественное происхождение арабского языка посредством двойственности природы человека: полубожественный, полуземной; тело которого – земное (аль-Арсузи соотносил происхождение имени Адам от *адим* – земля, и *идама* – питание, пища), а душа или внутреннее я – небесная, созданная по образу Аллаха и являющаяся частью его Духа. Отсюда тело и душа являются двумя гранями существования, которые различаются в человеческой эпистемологии. Если *душа* обратилась к своим физическим проявлениям и восприняла их посредством чувств, они стали духовным миром человека, то при обращении внутрь, открывшись своей внутренней

сути, она достигает *смысла*, познаёт значение слов, абсолютное значение – Аллаха, абсолютное значение намерения и цели; и божественной и неотъемлемой частью *мала-а-ля* – высшего сонма [7, р. 29–31].

Аль-Арсузи выдвигает тезис о том, что вечная арабская нация является источником жизни и всякого существования, однако жизнь арабской нации не подчиняется законам истории, будучи чудом, истоки которого заложены в *мала-а-ля* [7, р. 31]. Помимо этого, он также считает, что именно от арабов произошли как все великие цивилизации древнего Ближнего Востока, так и остальные семитские народы, возводя этимологию их названия не к условному термину, введённому Шлёцером в 1780-е гг., а к собственной интуитивной теории, называя их сынами неба – *мин ас-сама*’, противопоставляя их всем остальным народам, в особенности индоевропейским (арийским, согласно авторской терминологии) – сынам земли, не имеющим тонких, интуитивных представлений о природе, что также выражено в их языке [4, р. 48]. Следовательно, процесс возникновения других семитских языков аль-Арсузи связывал с резким переходом некоторых *арабских обществ* на более высокий уровень урбанизации, вызывающего формирование просторечных диалектов, разрушающих исконный арабский синтаксис, а также смешение с другими народами [10, р. 373].

По мнению аль-Арсузи, арабский язык этимологичен, и через его этимологию проявляется зрительный образ, заложенный в слове, тем самым передавая смысл через образ, абстрактное через чувственное, ведя к *мала-а-ля*. Далее сам этот смысл направляет ум к чувственному, раскрывая его реальность и истинную сущность. Слово по смыслу подобно телу для души, а смысл слова – подобен душе для тела. Соответственно, арабский язык возник в результате взаимного влияния смысла и слова. В результате чего смысл

раскрывается в жизни через различные формы, в т. ч. и через язык, поскольку язык имеет способность к выражению смысла, его создавшего [7, р. 29–31].

Иными словами, согласно философии аль-Арсузи, Аллах – абсолютный смысл – пожелал проявить себя из *мала-а-ля*, поэтому он создал жизнь, сотворив как Адама по своему образу, так и его гений – *абкария*, который проявился в языке арабговорящего праотца человечества [4, р. 39–40]. Жизнь, в свою очередь, захотела проявить себя, явив себя таким образом в языке вечной арабской нации. На протяжении всей сотворённой жизни язык достигает своего источника – *смысла*, и становится частью *мала-а-ля*. Таким образом, *смысл* – ткань жизни, через которую он раскрывается, а мир вещей указывает на совершенный и законченный *мала-а-ля* [7, р. 29–31].

Внутри концепции аль-Арсузи особую роль играет упомянутая выше джахилия, период, в котором кристаллизировались исконные особенности национальной арабской культуры, а арабская нация появляется на исторической сцене как таковая, будучи спонтанным проявлением первобытной, мистико-органической жизненной силы. Он не соглашался с трактованием этого периода как эпохи невежества в отличие от традиционной мусульманской философской мысли [10, с. 29]. Критикуя исламский фундаментализм, аль-Арсузи отмечал, что многие понятия в арабском языке берут свое начало именно в эпохе джахилии. По его мнению, изначально термин «*имам*», буквально *стоящий впереди*, означал мужественного лидера, и лишь позднее – предстоятеля на молитве [7, р. 29–31]. Сущностью языческой джахилии он считал *захр* – расцвет жизни, а последующего исламского периода – *зухд*, безразличие к жизни, олицетворением которого стал феномен бродячих дервишей [4, р. 45–47].

По его мнению, джахилия – это естественная эпоха, *ахд аль-фитра*, в кото-

рой наиболее точно и явно передавались возвышенные идеалы и врождённые моральные качества, в частности, посредством поэзии. Стихосложение формировало необходимую среду для индивидуального и общественного развития арабов, не обременённую внешними культурными влияниями, т. к. арабские племена кочевали в основном на территории Аравийского полуострова и ещё не вступали в серьёзные контакты с народами и культурами за его пределами – отсюда и его идея, что джахилия была «веком невинности и непосредственности, веком героизма, свободы и квинтэссенцией творчества» [4, р. 45–47].

Для аль-Арсузи историческая реальность, как и весь физический мир, является проявлением глубокого смысла, лежащего в основе его реальности; чья метафизико-биологичность проявилась в однородной арабской среде. Благодаря всем этим факторам джахилия стала Золотым веком арабской поэзии, а затем и пророчеств, открытых арабам через их язык, которые сделали доступным это послание – *ислам* – для всего человечества [7, р. 32]. Тем не менее для него не была важна обрядная составляющая мусульманской религии, которую он часто критиковал; скорее под исламом он имел в виду прежде всего *таухид* – единобожие. В данном контексте мы можем сказать, что на мировоззрение аль-Арсузи по этому вопросу повлияла не столько западноевропейская философия, сколько его алавитское происхождение. Говоря о Мухаммаде, он, конечно, считал его последним пророком, однако для него он был в первую очередь арабским национальным героем, идеалом представлений о *заиме* – вожде, харизматическом лидере [10, с. 33–35].

Героизм для аль-Арсузи являлся синонимом джахилии, полагая, что в эту эпоху арабы стремились к героическим подвигам ради самого факта этого поступка и его собственной красоты, независимо от результатов. Этот период был

для аль-Арсузи олицетворением непосредственности и юношеского максимализма, бросающего вызов всему рационалистическому и научному, а период после смерти Мухаммада был эпохой зрелости, стабильности, в которой тем не менее проявились первые разногласия, приведшие к дальнейшему упадку и потере арабами привилегированного положения в халифате [10, р. 373–374]. Отсюда аль-Арсузи выводилась причина расхождения в толковании смыслов Корана, которую он видел в *шуубие* – фанатизме неарабских мусульманских народов, впоследствии искажившем как арабский язык, так и арабскую мораль [7, р. 32]. Фундаментальными узлами, объединяющими арабов, являются в равной степени кровные и культурные узлы, т. к. арабская нация – это большая семья, живущая в одном доме, на арабской родине. Таким образом, целью создания партии Баас аль-Арсузи было арабское возрождение и создание панарабского государства, границы которого определялись ареалом распространения арабского языка [9, р. 154–155].

Аль-Арсузи полагал, что в истории арабской нации, в каждом большом историческом цикле, или как он называл *купле*, всегда появлялся пророк или герой – *заим*, который являлся не просто харизматическим лидером, но и подобием матери, всем существом откликающегося на нужды своего народа [8, с. 33–35]. Во время событий в Александrette аль-Арсузи считал себя *заимом* арабской нации [10, р. 364], однако последующая передача региона в состав Турции вкупе с неудачами на политической арене Дамаска подвергли критическому осмыслению собственной роли в истории. Впоследствии аль-Арсузи характеризовал себя как *устаза* – учителя, наставника молодого поколения баасистов [7, р. 23].

Возвращаясь к мессианским идеям аль-Арсузи о первостепенной роли арабов в истории человечества, стоит указать на то, что их он объяснял этимоло-

гически через толкование слов *‘уруба* и *‘араб* – панарабизм и арабы, которые он выводил от глагола *‘араба*, имеющего 2 значения – объяснения и выражения, а также человека, который что-либо выражает и объясняет. В качестве подтверждения своей гипотезы он использовал такие идиомы как *а’раба ан-ху лисануху* – его язык выражал то, что он имел в виду, т. е. *он хорошо выражался*; *‘аль-араб аль-‘ураба* – честные и хорошо говорящие арабы; утверждая при этом врожденный коллективизм арабов, т. к. само слово *‘араб* обозначало множественность в персонализированном виде [4, р. 60–65]. Невозможность осознания неарабами всех истинных смыслов *рисаля халида* – вечного послания, которое несут в себе арабы он объяснял через средневековый термин *‘аджам*, обозначающий человека, неговорящего на арабском языке, который он связывал со словами *‘адж* и *‘аджадж* – шум и пыль, поднятая скотом [10, р. 373–374].

Согласно классификации аль-Арсузи, сами арабы подразделялись на 3 группы: урождённые арабы, способные интуитивно говорить и понимать смыслы, заложенные в арабском языке; арабизированные народы, по своему происхождению лишённые такой возможности; другие семитские народы, искажившие исконные формы арабского языка [4, р. 58].

Стоит отметить, что подобная идеалистическая этимология термина *‘араб* несостоятельна. Так, в исследованиях П. А. Грязневича приводятся упоминания об этом этнониме, использованного в качестве обозначения различных этнолингвистических и социокультурных общностей кочевых племён скотоводов и охотников, в нововавилонских царских анналах VIII–VI вв. до н. э., образованного от общесемитского корня *‘arb* – быть сухим, пустынным. Грязневич также отмечает, что этносоциальное самосознание внутри родовых обществ, которые относили к *‘араб* соотносили себя по конкретным родам, племенам и племенным

союзам, но не по ареалу их расселения. По данным античной географической литературы, приведённым Грязневичем, население регионов, называемых Аравией, редко именовалось арабами; чаще использовались такие термины, как *сарацины*, *тайиты* и *мадйаниты*. В свою очередь, в собственно арабоязычной литературе *‘араб* как этноним, так и составная часть географических наименований, таких как *бияд аль-‘араб* – страна арабов, относится лишь к первой половине VIII в. н. э. [11, с. 44–49].

Более того, кажущаяся арабская изолированность в эпоху джахилии временно противопоставлялась распространению ареала обитания арабов за пределы Аравийского полуострова и их смешению с другими народами в период становления халифата; которых он также называл более нейтрально *другими* – *аль-агьяр*. Со временем принятие ислама и ассимиляция *аль-агьяр* в арабское общество привели к закономерному, согласно аль-Арсузи упадку средневековой арабской цивилизации. Их влияние подорвало арабскую не просто этническую, а расовую однородность и языковую чистоту, в результате чего иностранный элемент доминировал в политике и жизни в городах, а арабы были маргинализированы и преобладали лишь в сельской местности [10, р. 373–374].

Также аль-Арсузи считал арабское чувство кровного родства инстинктивным, отсюда его использование термина *националистический инстинкт*, который отличал арабов от других наций, чьи националистические чувства возникли при конкретных исторических условиях [4, р. 59]. Так, основа этого интуитивного братства – *ухува*, берёт свое начало от общего чрева праматери человечества Евы – *рахм*. Образ матери часто прослеживается в воззрениях аль-Арсузи, отмечавшего, что слова *умма* – община, нация, народ; и *умм* – мать, являются однокоренными. От *рахм* он выводил термин *рахмани* – сострадательный, милосерд-

ный, связывая его с тем, что интуитивно нация является продолжением семьи, имеющую эту *сострадательную* структуру, т. е. в его основе лежит материнский инстинкт [8, с. 34–36]. Помимо этого, *кавмийей* – национализмом, он считал чувство территориальной и культурной близости, а *ватанией* – патриотизмом, – чувством и тоской по месту, где формировался характер человека [6, р. 70–72].

Таким образом, по мнению аль-Арсузи, для арабов путь к возрождению заключается в возвращении к своему главному истоку: арабскому языку, каким он был изначально. Очистив язык от заимствований и посредством этимологического исследования исконных корней слов, стало бы возможно интуитивно раскрыть метафизический смысл арабской культуры, который станет основой и руководством для арабского возрождения – *баас*, в современную эпоху. Аль-Арсузи полагал, что общественность должна быть движущей силой *баас*, однако в полной мере это станет возможным только в том случае, если обществом будет управлять *сознательная элита*, которая пробудет в каждом арабе врожденные моральные характеристики [6, р. 80].

Во многом такая идея коррелирует со средневековой алавитской концепцией *хасса* и *амма* – *элита* и *массы*, которая появилась в результате развития как политико-правовых, так общественных отношений: в основе этого деления лежал не экономический, а интеллектуальный принцип. Именно *хасса*, руководствуясь шариатом, имела право вершить государственными дела, а *амма* лишь повиноваться их авторитетному мнению или толкованию – *тафсиру* [15, с. 236]. Тем не менее для аль-Арсузи правление *сознательной элиты* являлось лишь временной мерой, которая требовалась до тех пор, пока каждый член общества не достигнет необходимого уровня образования: лишь тогда было бы возможно обеспечить истинное народовластие [6, р. 81].

По мере развития философско-националистических концепций об арабском языке аль-Арсузи также менялся его собственный стиль изложения. Если в его ранних работах, написанных непосредственно после окончания учёбы во Франции, ещё используется заимствованная французская терминология, то далее он активно использует неологизмы и *исконно* арабскую лексику, формирующие, по его мнению, «язык публики» [10, р. 378]. В данном контексте мы можем полагать, что использование коранического термина *мала-а-ля* являлось адаптацией *élan vital* Бергсона.

Кроме того, изначально он излагал свои идеи посредством абстракций и весьма общих концепций, перейдя впоследствии к иллюстрациям из повседневной жизни, *аль-кадайя-ль-аджиля* – неотложными вопросами [10, р. 379]. Беря во внимание политическую деятельность аль-Арсузи в Александреттском санджаке, мы можем предположить, что на подобные представления о необходимости языкового пуризма могли повлиять аналогичные процессы, происходившие в те годы в турецкой интеллектуальной среде по вопросу очищения турецкого языка от арабских и персидских заимствований с той лишь разницей, что в случае турецкого данные шаги были предприняты, исходя из политики вестернизации, реализуемой в Турецкой Республике [13, р. 384–385].

Аль-Арсузи импонировал опыт модернизации без вестернизации, которую он понимал как наращивание темпов индустриализации и расширения политического участия граждан в жизни страны и общества, приводя при этом Японию в качестве идеального примера государственной политики, направленной на построение *иштиракийятуна* – «нашего социализма» [2, р. 83]. Здесь нам стоит отметить, что термин *иштиракийя* в арабском языке является однокоренным с такими понятиями как *мушарак* (общность) и *иштирак* (соединение,

соучастие)¹. Партия арабского социалистического возрождения, как и аль-Арсузи, в частности, не ставила перед собой цель построения коммунизма и не исключала капиталистическую модель экономики. В отличие от марксистской точки зрения социализм баасистов отвергал необходимость передачи во владение рабочему классу экономического базиса [4, р. 4–5]. Аль-Арсузи считал, что частная собственность является лишь средством проявления уникальности каждой личности, в то время как её свобода была необходима для обеспечения общего блага для всей нации в целом [6, р. 83].

Заключение

Несмотря на противоречивость ряда идеалистических тезисов об арабском языке аль-Арсузи, мы можем сказать, что их лейтмотивом является предположение о том, что структура арабского языка определяет, как и каким образом мыслит носитель этого языка, и что именно язык формирует мировоззрение говорящего на нём. В данном контексте эти идеи находят своё отражение в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа: структура языка, заложенная в нём система понятий, детерминирует способ познания окружающей реальности [14, с. 8–9]. Тем не менее всё же затруднительно полагать, что аль-Арсузи использовал методы сравнительно-исторического языкознания ввиду того, что при выдвижении им априорных гипотез развития семитских языков превалировал тезис о неизменности арабского языка на протяжении всей истории, как и культуры, которую этот язык определил. Как в Золотой век ислама, так и в период Нахды, арабский язык становился языком перевода, а иногда транслитерации внешних идей, концепций и теорий. Более того, слово в арабском, как и в любом другом языке, не имеет заранее определённого буквального значения.

¹ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. / под ред. В. А. Костина М.: Валерий Костин, 2007. 944 с.

Если не принимать во внимание выдвигаемые аль-Арсузи тезисы об арабской исключительности, арабского как первоязыка, то претензии его лингвистических теорий о происхождении корней в арабском языке на научность не основательны по крайней мере из-за отсутствия ссылок как на работы европейских, так и арабских учёных [4, р. 85–86]. Однако и сам аль-Арсузи, разделяя способы познания на *арабский* – интуитивный способ распознавания глубинной, метафизической сути вещей, и *греко-западный* – аналитический, но поверхностный способ изучения материального мира, критически относился к самому понятию науки, не считая её способной дать критерий объективности полученных данных [7, р. 34]. В данном контексте он утверждал, что источником мировоззрения арабов являются сочувственное сострадание и, следовательно, их картина мира построена исключительно на основе осмысления художественных образов природы.

Более того, во всех своих работах об арабском языке и лингвистике аль-Арсузи ни разу не упомянул ни одного справочного труда, ни словаря, из которого он брал свои примеры [4, р. 85–86]. Несмотря на существовании гипотез о происхождении большинства трёхбуквенных корней в арабском языке из двухбуквенных, произвольность и недоказуемость многих утверждений, высказанных аль-Арсузи, об их звуковых первоосновах сближает его с Новым учением о языке Н. Я. Марра, в частности, в контексте «диффузных выкриков» [12, с. 10].

Стоит также обратить внимание на «солнечную теорию языков», возникшую в это же время в Турции и имевшую ряд параллелей с идеями аль-Арсузи, согласно которой праязык возник в Центральной Азии, а его носителями являлись предки тюрков, которые основали древнекитайскую, индийскую и греческую цивилизации [13, р. 385–386]. Помимо этого, новое турецкое название региона *Хатай*, буквально *хеттский*, в период

его формальной независимости было дано Ататюрком, исходя из той же теории, объявлявшей хеттов тюрками, переселившихся в Анатолию на заре веков, что было опровергнуто в работах Б. Грозного, доказавшего принадлежность хеттского к индоевропейским языкам [14, с. 6].

В строго философском смысле в «Гении арабизма в его языке» аль-Арсузи размышляет схожими категориями экзистенциального осмысления бытия, что и М. Хайдеггер в своём труде «Бытие и время», с тем различием, что для Хайдеггера язык создаёт окружающую реальность [15, р. 39], в отличие от позиции аль-Арсузи, согласно которой язык отображает заложенные в природе метафизические смыслы [8, с. 9–12].

Акцент аль-Арсузи на язык и культуру в его видении арабского национального строительства прежде всего связан с необходимостью преодоления маргинального статуса алавитов, нежели влиянием западноевропейской философии. Его идеи об арабском братстве – *ихва* [4, р. 59], коррелируют со схожей концепцией классика социальной арабской философии, Ибн Хальдуна, – *асабийей*, которую он считал духовной коллективной связью, исходящей из чувства солидарности и необходимости защиты чести внутри общины, придающей силы для борьбы с внешними врагами. Групповая солидарность, определяющая масштаб и плотность социальной самоорганизации и является *асабийей*. Тем не менее философия аль-Арсузи входит в противоречие с Ибн Хальдуном, считавшего, что на этапах развития внутренней организации кровнородственная община нуждается в религии, как догматизированной системы верований – *дин*, которая развивается и распространяется среди группы с самой сильной *асабийей*. По мнению Ибн Хальдуна, *дин* является высшей силой в создании государства и в то же время наиболее эффективным средством для её сохранения [16, с. 236].

Подводя итог, стоит отметить, что философская картина мира аль-Арсузи предельно идеалистична и направлена на нахождение интуитивного способа распознавания глубинной, метафизической сути вещей посредством арабского языка; в свою очередь на развитие кото-

рой главным образом повлияли работы И. Г. Фихте и А. Бергсона. Более того, философия аль-Арсузи не выходит за пределы общего нарратива национальной исключительности и особенного пути развития, свойственного периоду между 1920 и 1930-ми гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abu Jaber K. S. *The Arab Ba'th socialist party: history, ideology and organization*. Syracuse, N.Y.: Syracuse univ. press., 1966. 218 p.
2. Филиппов А. А. Концепция «Вечного Арабского послания» в идеологии М. Афляка // Минбар. Исламские исследования. 2010. № 1. С. 144–151.
3. Aldoughli R. Revisiting Ideological Borrowings in Syrian Nationalist Narratives: Sati 'al-Husri, Michel 'Aflaq and Zaki al-Arsuzi // *Syrian Studies*. 2016. № 1. P. 7–32.
4. Aoyama H., Charif W., Khansa W. *Spiritual Father of the Ba'ath: The Ideological and Political Significance of Zaki al-Arsuzi in Arab Nationalist Movement*. Jetro: Institute of Developing Economies, 2000. 185 p.
5. Watenpaugh K. D. «Creating Phantoms» Zaki al-Arsuzi, the Alexandretta Crisis, and the Formation of Modern Arab Nationalism in Syria // *International Journal of Middle East Studies*. 1996. № 3. P. 363–389.
6. Arsuzi-Elamir D. Nation, state and democracy in the writings of Zaki al-Arsuzi // *Nationalism and liberal thought in the Arab East: ideology and practice*. New York: Routledge, 2010. P. 66–91.
7. Saleh O. *Philosophical Origins of the Arab Ba'th Party: The Work of Zaki Al-Arsuzi* // *Arab Studies Quarterly*. 1996. № 2. P. 23–37.
8. Нур ад-Дин А. Хайят Наджиб аль-Арсузи ва араиху фи-с-сийясат ва-ль-люра. Байрут: Дар ас-Сахафат аль-арабийя, 1997. 149 с.
9. Suleiman Y. *The Arabic Language and National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University press, 2003. 279 p.
10. Нур ад-Дин А. Хайят Наджиб аль-Арсузи ва араиху фи-с-сийясат ва-ль-люра. Байрут: Дар ас-Сахафат аль-арабийя, 1997. 149 с.
11. Грязневич П. А. Аравия и арабы (к истории термина 'Араб) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Вып. 13 / редкол. Ю. А. Петросян. М.: Наука. 1977. С. 42–52.
12. Лученков И. Р. Племенной фактор в мирном урегулировании ливийского кризиса // *Восточный курьер*. 2023. № 1. С. 229–242
13. Demir G. Y. Türk Tarih Tezi ile Türk Dil Tezinin kavşığında Güneş-Dil Teorisi // *U.Ü. Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2010. № 19. P. 384–396.
14. Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка / пер. А. В. Десницкой. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. 199 с.
15. Сухов С. В. Новое учение о языке Н. Я. Марра как историко-лингвистическое явление // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2009. № 4. С. 5–11.
16. Лученков И. Р. Племенной фактор в мирном урегулировании ливийского кризиса // *Восточный курьер*. 2023. № 1. С. 229–242

REFERENCES

1. Abu Jaber, K. S. (1966). *The Arab Ba'th socialist party: history, ideology and organization*. Syracuse, N.Y.: Syracuse univ. press.
2. Filippov, A. A. (2010). The concept of the "Eternal Arab Message" in the ideology of M. Aflyak. In: *Minbar. Islamic studies*, 1, 144–151 (in Russ.).
3. Aldoughli, R. (2016). Revisiting Ideological Borrowings in Syrian Nationalist Narratives: Sati 'al-Husri, Michel 'Aflaq and Zaki al-Arsuzi. In: *Syrian Studies*, 1, 7–32.
4. Aoyama, H., Charif, W. & Khansa, W. (2000). *Spiritual Father of the Ba'ath: The Ideological and Political Significance of Zaki al-Arsuzi in Arab Nationalist Movement*. Jetro: Institute of Developing Economies.

5. Watenpaugh, K. D. (1996). «Creating Phantoms» Zaki al-Arsuzi, the Alexandretta Crisis, and the Formation of Modern Arab Nationalism in Syria. In: *International Journal of Middle East Studies*, 3, 363–389.
6. Arsuzi-Elamir, D. (2010). Nation, state and democracy in the writings of Zaki al-Arsuzi. In: *Nationalism and liberal thought in the Arab East: ideology and practice*. New York: Routledge, 66–91.
7. Saleh, O. (1996). Philosophical Origins of the Arab Ba'th Party: The Work of Zaki Al-Arsuzi. In: *Arab Studies Quarterly*, 2, 23–37.
8. Nur al-Din A. Hayat Najib al-Arsuzi wa araihu fi-s-siyyasat wa-l-lura. Bayrut: Dar al-Sahafat al-ara-biyya, 1997. 149 pp.
9. Suleiman, Y. (2003). *The Arabic Language and National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University press.
10. Nur al-Din, A. (1997). Hayat Najib al-Arsuzi wa araihu fi-s-siyyasat wa-l-lura. Bayrut: Dar al-Sahafat al-arabiyya.
11. Gryaznevich, P. A. (1977). Arabia and Arabs (to the history of the term 'Arab). In: Petrosyan, Yu. A., ed. *Written monuments and problems of the history of the culture of the peoples of the East. No. 13*. Moscow: Science Publ., pp. 42–52 (in Russ).
12. Luchenkov, I. R. (2023). Tribal factor in the peaceful settlement of the Libyan crisis. In: *Eastern Courier*, 1, 229–242 (in Russ).
13. Demir, G. Y. (2010). Türk Tarih Tezi ile Türk Dil Tezinin kavşağında Güneş-Dil Teorisi. In: *U.Ü. Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 19, 384–396.
14. Friedrich, I. (1952). Brief grammar of the Hittite language. Moscow: Foreign Literature Publ. (in Russ).
15. Sukhov, S. V. (2009). New doctrine of the language of N. Ya. Marr as a historical and linguistic phenomenon. In: *Bulletin of RUDN University. Series: Linguistics*, 4, 5–11 (in Russ).
16. Luchenkov, I. R. (2023). Tribal factor in the peaceful settlement of the Libyan crisis. In: *Eastern Courier*, 1, 229–242 (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лученков Иван Романович (г. Санкт-Петербург) – аспирант отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей Российской академии наук;
e-mail: lir-529@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4340-4454

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan R. Luchenkov (St. Petersburg) – Postgraduate student, the Near and Middle East Department, Institute of Oriental Manuscripts RAS;
e-mail: lir-529@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4340-4454

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-87-94

ЗАКЛЯТЫЕ СОЮЗНИКИ: ОТГОЛОСКИ ПАНАМЕРИКАНИЗМА В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОМ СОГЛАШЕНИИ О ЛЕНД-ЛИЗЕ

Лескова И. В.¹, Левчик Д. А.²

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

² Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: levchik63@rambler.ru; ORCID: 0009-0006-2721-9952

Поступила в редакцию 26.06.2025

После доработки 01.07.2025

Принята к публикации 10.07.2025

Аннотация

Цель. Выявление основ представлений руководства США о месте Соглашения о ленд-лизе в системе миропорядка, создаваемого США, начиная с 1823 по 1941 г.

Процедуры и методы. Проведены краткий анализ внешнеполитических доктрин США в XIX – первой половине XX вв. и анализ пунктов в Соглашении о ленд-лизе, которые исходят из доктринальных внешнеполитических установок США. Ключевой метод проводимого исследования – реинтерпретация опубликованных дипломатических исторических источников.

Результаты. Основной вывод научной статьи – доктрина американоцентризма, лидерства США минимум трижды проходит «красной нитью» в Соглашении о ленд-лизе, она является важной частью идеологии ленд-лиза и не предполагает равноправных отношений США с СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Перспективы исследования видятся в продолжении анализа ялтинско-потсдамских соглашений в свете представленных в данной научной статье выводов о ленд-лизе. Выносятся предположение, что попытка навязать США равноправные соглашения в Ялте и Потсдаме привела к отторжению самого духа Ялты и Потсдама.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз, история США, история СССР, история Великобритании, история фашизма, «второй фронт», холодная война

Для цитирования:

Лескова И. В., Левчик Д. А. Заклятые союзники: отголоски панамериканизма в советско-американском соглашении о ленд-лизе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 87–94.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-87-94

Original research article

SWORN ALLIES: ECHOES OF PAN-AMERICANISM IN THE SOVIET-AMERICAN LEND-LEASE AGREEMENT

I. Leskova¹, D. Levchik²

¹ Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORID: 0000-0001-6083-6692

² University of World Civilizations. V. V. Zhirinovsky

Moscow, Russian Federation

e-mail: levchik63@rambler.ru; ORID: 0009-0006-2721-9952

Received by the editorial office 26.06.2025

Revised by the author 01.07.2025

Accepted for publication 10.07.2025

Abstract

Aim. Identification of the foundations of the ideas of the US leadership about the place of the Lend-Lease Agreement in the system of the world order created by the United States, from 1823 to 1941

Methodology. A brief analysis of US foreign policy doctrines in the 19th – first half of the 20th century. and an analysis of the points in the Lend-Lease Agreement, which proceed from the doctrinal foreign policy attitudes of the United States. The key method of the study is the reinterpretation of published diplomatic historical sources.

Results. The main conclusion of the scientific article is the doctrine of American centrism, US leadership at least three times passes the "red thread" in the Lend-Lease Agreement, it is an important part of the Lend-Lease ideology, and does not imply equal relations between the United States and the USSR.

Research implications. The prospects for the study are seen in the continuation of the analysis of the Yalta-Potsdam agreements in the light of the findings on Lend-Lease presented in this scientific article. It is assumed that an attempt to impose equal agreements on the United States in Yalta and Potsdam led to the rejection of the very spirit of Yalta and Potsdam.

Keywords: World War II, the anti-Hitler coalition, Lend-lease, the history of the USA, the history of the USSR, the history of Great Britain, the history of fascism, the «second front», the cold war

For citation:

Leskova, I. V. & Levchik, D. A. (2025). Sworn allies: echoes of Pan-Americanism in the Soviet-American lend-lease agreement. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 87–94.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-87-94

Введение

Закон о ленд-лизе или Закон о содействии обороне Соединённых Штатов – законодательный акт правительства США, который был принят 11 марта 1941 г. за несколько месяцев до официального вступления США во Вторую мировую войну и даже до подписания Атлантической

хартии, первого документа определявшего цели США в этой войне.

По всей вероятности, закон был обусловлен переоценкой возможностей гитлеровских войск по захвату США. Предположим, что правительство Соединённых Штатов получило не очень достоверные данные разведки о подготовке

захвата фашистами Гибралтара и Азорских островов (так и не осуществлённый план «Феликс» (ноябрь 1940 г.) и не состоявшаяся операция «Изабелла» (июнь 1941 г.)). Возможно, американское руководство расценило этот план и эту операцию как первую стадию по подготовке крупномасштабной операции по гипотетическому «южному» маршруту вторжения гитлеровцев в Америку с Азорских островов через Атлантику в Бразилию. Очевидно и то, что американцы в 1941 г. переоценивали и «северный» гипотетический путь вторжения нацистов в США – через Исландию и Гренландию. Тем более что в Гренландии американской воздушной разведкой и датской полицией были обнаружены немецкие военные метеостанции. Это стало дополнительным аргументом для ввода войск США и Великобритании в 1940–1941 гг. в эти, вроде бы, нейтральные страны. Однако ныне известно, что никаких планов вторжения в США у Гитлера не было [1]. Таким образом, ленд-лиз исходил из желания дать отпор гипотетическим планам фюрера по захвату США и Западного полушария «северным» и «южным» маршрутами. Избегая оценочных суждений, хорошо это или плохо, это – факт. Особо отметим, что отсутствие плана не означало, что его нельзя было разработать.

Поставки оружия из США в Англию начались с марта 1940 г.

Ленд-лиз подразумевал финансовую, военно-техническую и продовольственную помощь странам Британского содружества, которые с 1939 г. вели войну с гитлеровской Германией. Помощь по ленд-лизу предоставлялась как льготный военный кредит, первоначально оплачиваемый правительством США, но подразумевавший почти полный возврат затраченных американцами средств, за исключением материалов и вооружений, которые были уничтожены в боях [2].

Однако главные поставки по ленд-лизу в годы войны пришлись на СССР как на основного участника антигитле-

ровской коалиции. Они начались с предоставления Советскому Союзу крупного кредита. Формулировки закона о ленд-лизе в части объекта кредитования были расплывчатые, что позволило Соединённым Штатам уже в октябре 1941 г. распространить действие закона на крупные государственные кредиты для коммунистического СССР, что формально для американского государства было запрещено. Осенью 1941 г. США предоставили СССР кредит в 1 млрд долларов (кредит на такую сумму СССР просил у американцев с 1934 г. и только в 1941 г. получил) и начало поставки военного оборудования, стратегического сырья, средств связи, транспорта и военного снаряжения в СССР. Первоначально поставки по ленд-лизу в Советский Союз регулировались не только Законом о ленд-лизе, но и так называемым Московским протоколом от 1 октября 1941 г. (всего таких протоколов, регулирующих поставки, за время войны было 4). Поставки по ленд-лизу в СССР шли до августа 1945 г. Формально они были прекращены в сентябре 1945 г.

Анализируя масштабы военного снаряжения, поставленного в нашу страну по ленд-лизу, большинство советских и российских военных историков пришли к выводу, что ленд-лиз был важен в определённые месяцы войны, но, в целом, малоэффективен, и СССР мог бы выиграть войну и без него [3]. Но есть и те российские военные историки, кто этот тезис оспаривает, говоря о значимой роли ленд-лиза в поставках стратегически важного сырья для советской оборонной промышленности и транспорта для нужд Красной Армии [4].

Можно констатировать, что в освещении ленд-лиза сложились апологетическая и критическая историографические традиции. Видя своеобразный смысловой «разрыв» между этими традициями, ряд историков и политологов пытаются смотреть на ленд-лиз как на цивилизационное противостояние и тем самым снять проблему его оценки по шкале «полезен-

бесполезен» [5]. При этом российская/советская история дипломатии обычно рассматривает советско-американское Соглашение о ленд-лизе в контексте раннего этапа складывания антигитлеровской коалиции как важный документ, положивший начало реальному военному сотрудничеству США и СССР¹.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что до июня 1942 г. поставки оружия и военных материалов из США в СССР были незначительны и не систематическими, а в декабре 1941 г. после нападения Японии на Пёрл-Харбор и вступлении США в войну их почти и не было. И только после подписания Соглашения между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны (далее Соглашения о ленд-лизе) от 11 июня 1942 г.² масштабы поставок были значительно увеличены. Другими словами данное соглашение – принципиальный, поворотный документ в истории поставок по ленд-лизу из США в СССР.

Именно этот документ является предметом исследования в настоящей работе.

В данной статье не ставится задача осветить весь комплекс вопросов, связанных с Соглашением. Учитывая, что отношения между США и СССР резко ухудшились сразу после окончания Второй мировой войны, весьма актуальным проблематизируется вопрос о сотрудничестве СССР и США в годы войны, было ли оно ситуативным или носило стратегический характер?

Сформулируем исследовательский вопрос: рассматривали ли США Советский Союз как своего стратегического партнёра на момент заключения Соглашения о ленд-лизе? Для ответа на поставленный вопрос следует направить предмет внимания на характер внешнеполитической стратегии США – из какой внешнеполитической доктрины исходили США, расширяя ленд-лиз на СССР?

Целью научной работы является выявление основ представлений руководства США о месте Соглашения о ленд-лизе в системе миропорядка, создаваемого США, начиная с 1823 по 1941 г.

Задачами работы являются:

1. краткий анализ внешнеполитических доктрин США в XIX – первой половине XX в.;

2. анализ пунктов в Соглашении о ленд-лизе, которые исходят из доктринальных внешнеполитических установок США.

Решение этих задач позволит ответить на вопрос о том, рассматривали ли США СССР как своего равноправного стратегического партнёра на момент заключения Соглашения о ленд-лизе? Рабочая гипотеза заключается в отрицательном ответе на поставленный вопрос.

Основой источниковой базы для исследования является само Соглашение, а также основные дипломатические документы 1941 г.: Закон о ленд-лизе³, Московский протокол 1 октября 1941 г.⁴, так называемая Атлантическая хартия (т. е. декларация президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля об общих принципах внешней политики от 14 августа 1941 г.), а в качестве дополнительных источников привлечены основополагающие доку-

¹ Кравченко М. Советская дипломатия в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2020. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2341> (дата обращения: 06.06.2025).

² Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии. 11 июня 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/195061-soglashenie-mezhdu-pravitelstvami-sssr-i-ssha-o-printsipah-pri-menimyh-k-vzaimnoy-pomoschi-i-vedeniyu-voyny-protiv-agressii-11-iyunya-1942-g> (дата обращения: 06.06.2025).

³ Lend-Lease Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/lend-lease-act> (дата обращения: 06.06.2025).

⁴ Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании от 01.10.1941 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/171351> (дата обращения: 06.06.2025).

менты по формированию внешней политики США в XIX – первой половине XX в.: Доктрина Монро¹ (*Monroe Doctrine*, обращение президента США Дж. Монро к Конгрессу США «О положении страны» 1823 г.), концепция «предопределения судьбы» Дж. О'Салливана² (*Manifest Destiny*, 1845 г.), Доктрина Блейна³ (т. н. Доктрины «Большого брата», впервые сформулированной американским госсекретарём Дж. Блейном в 1889 г.), Доктрины большой дубинки (*Big stick policy*⁴) или Поправки Теодора Рузвельта к доктрине Монро 1904 и 1905 г., а также материалов о создании Международного Союза Американских Республик (1890 г.) и Панамериканского союза (1910 г.), а также материалы по созданию Лиги Наций 1919 г.

Очевидно, что для небольшой работы этот корпус источников достаточен, репрезентативен, полон и достоверен.

Формирование основ идеологии американской внешней политики

Решая первую исследовательскую задачу, воспроизведём, как формировалась основа внешнеполитической доктрины США до момента подписания Соглашения о ленд-лизе с СССР.

Итак, первые 40 лет существования США внешнеполитическая доктрина молодого государства базировалась на англофобии и антиколониализме. Отцы-основатели США конфликтовали с Великобританией, говоря от лица всех терри-

торий Америки [6]. Считалось, что все зависимые от Англии американские территории хотят получить независимость и присоединиться к США. Для американских политиков было явным сюрпризом нежелание, например, канадцев в 1812 г. выходить из колониальной зависимости от Британии [7].

Таких проблем американцы не испытывали ни с Испанией, ни с Мексикой. Разбив в американо-мексиканской и американо-испанской войнах и ту, и другую страны, Соединённые Штаты спокойно подписали неравноправные договора и аннексировали Филиппины (формально куплены в 1898 г.), сделали своим протекторатом Кубу (фактически в 1898 г., формально в 1903 г. после Поправки Платта), а также фактически присоединили к себе Гуам и Пуэрто-Рико (1898 г.), а также в 1848 г. всю северную Мексику – от Калифорнии до Техаса [8].

С 1823 г., по мнению большинства исследователей, доктринальной основой внешней политики США была Доктрина Монро, которая предполагала особую роль США в деле защиты американского континента от европейских колонизаторов. Согласно духу этого документа, из Европы (Старого Света), из Евразии, исходит опасность тирании и колониализма. США волею судьбы обречены быть лидером обороны свободного республиканского Западного полушария от тирании европейцев (апелляция к судьбе – часть концепции «предопределённой судьбы США»). Этой доктриной США подчёркивали, что они будут противодействовать любому вторжению в Западное полушарие. При жизни Монро это означало противодействие планам европейского Священного союза – союза России, Пруссии и Австрии, которые планировали латиноамериканскую контрреволюцию, реставрацию власти испанской монархии на американском континенте. Реставрация власти испанского короля не состоялась, правда, не по причине того, что европейские монархи

¹ Выступление Джеймса Монро перед Конгрессом США 2 декабря 1823 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grinchewskiy.ru/19/doktrina-monro.php> (дата обращения: 06.06.2025).

² Johannsen R. Manifest Destiny and Empire: American Antebellum Expansionism [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=YumVQgAACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 06.06.2025).

³ Bastert R. H. Diplomatic Reversal: Frelinghuysen's Opposition to Blaine's Pan-American Policy in 1882 // The Mississippi Valley Historical Review. 1956. Vol. 42. № 4. P. 653–671.

⁴ Theodore Roosevelt's Corollary to the Monroe Doctrine (1905) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/roosevelt-corollary> (дата обращения: 06.06.2025).

испугались американской армии, а в силу разногласий внутри Священного союза.

Дополняя Доктрину Монро, в 1889 г. госсекретарь США Дж. Блейн сформулировал идею о лидерстве США в Западном полушарии Земли. Эта идея впоследствии получила название политики «большого брата». Согласно духу Доктрины Блейна – все американские государства должны объединиться под руководством США. Эта доктрина в 1890 г. была положена в основу формирования Международного Союза Американских Республик, а позже – Панамериканского союза, которым фактически руководил госсекретарь США.

В 1904–1905 гг. Доктрина Монро была дополнена президентом Т. Рузвельтом, считавшим, что при помощи военного вторжения, «большой дубинки», можно принудить латиноамериканские страны к союзу с США во имя высокой цели – отпора вмешательству европейцев в американские дела.

На этом фоне чуть более чем полугодовое участие американских войск в Первой мировой войне выглядит исключением из антиевропейских и панамериканских принципов внешней политики США. При этом в 1919 г. США устами президента В. Вильсона уже начали поучать весь мир, как себя вести после войны. И лидером нового мира должны были стать США. При этом ни «14 пунктов» Вильсона, ни его проект Лиги Наций не учитывали реальные интересы народов Австро-Венгрии, Германии, Турции, России и Китая. Впрочем, интересы Англии, Франции, Италии и Японии он тоже в полной мере не учитывал. Когда этот проект провалился, США провозгласили привычную для них политику антиевропейского изоляционизма, которая продолжалась до 1941 г. [9].

И даже выходя из политики изоляционизма, Соединённые Штаты в своих внешнеполитических, вроде бы, двусторонних документах стремились подчеркнуть свою, если не лидирующую, то

уж точно особую роль. Даже в Атлантической хартии, документе о целях США и Великобритании во Второй мировой войне, президент Ф. Рузвельт не подчеркнул, что он подписывает хартию от имени народа и правительства США [10]. Он как бы подписывал её лично, в то время как У. Черчилль представлял правительство её величества королевы Елизаветы¹.

Краткий анализ внешнеполитических доктрин США в XIX – первой половине XX в. говорит о том, что основа идеологии американской внешней политики с 1823 до 1941 г. базировалась на:

- антиколониализме;
- экспансионизме;
- американоцентризме;
- антиевропеизме (от англофобии до изоляционизма от Европы),
- мессианстве США,
- идее о непрерываемом лидерстве США в Западном полушарии и договорном лидерстве США в мире, т. е. для США с любой страной могут быть только неравноправные отношения.

Главные пункты этой идеологии, на наш взгляд: американоцентризм, мессианство США, а также идея о непрерываемом лидерстве США в мире. Культуры заключения равноправных союзных договоров у США на момент начала Второй мировой войны не было. Для любой страны в американской внешнеполитической доктрине XIX – первой половине XX в. США не равноправный союзник, а доминант.

Соглашение о ленд-лизе между правительствами СССР и США

Итак, могли ли США рассматривать идею равноправного союзничества при заключении Соглашения о ленд-лизе с СССР? Проанализируем Соглашение о

¹ Declaration of Principles issued by the President of the United States and the Prime Minister of the United Kingdom [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_16912.htm (дата обращения: 26.06.2025).

ленд-лизе между правительствами СССР и США, подписанное в Вашингтоне.

Сообразно Соглашению между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны, ленд-лиз – это помощь, оказываемая США СССР для обороны США и Западного полушария. Преамбула говорит о том, что «оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединённых Штатов Америки»¹. И именно поэтому США оказывают возмездную помощь СССР (это упомянуто 5 раз). Отметим, что слова «союз» в Соглашении нет! Предположим, что здесь кроется и отголосок американоцентризма, и американского мессианства, и явный рудимент риторики в духе о договорном лидерстве США в мире. Главный мотив помощи СССР – не борьба с фашизмом, а оборона США.

Статья 2 гласит, что правительство Советского Союза будет содействовать обороне Соединённых Штатов Америки и её укреплению. Опять в этой статье, как и в преамбуле, виден американоцентризм, опять заметно американское лидерство – идея о США как особо охраняемой территории. Нет равноправия сторон!

Статья 5 повторно касается обороны США и Западного полушария. Воспроизведём ещё раз: акцентирование внимания на обороне Западного полушария – есть американоцентризм и отголосок американского мессианства.

Таким образом, доктрина американоцентризма, лидерства США минимум трижды проходит «красной нитью» в

Соглашении, является важной частью идеологии ленд-лиза и не предполагает равноправных отношений США с СССР. Есть плата правительства США за защиту США, причём возмездная. И США об этом проговариваются сами, говоря не о совместной, равноправной борьбе с фашистским агрессором, а о «защите Западного полушария» войсками СССР за американские деньги, американское сырьё и американским оружием.

Заключение

На вопрос, определённый в начале нашего исследования: рассматривали ли США СССР как своего равноправного стратегического партнёра на момент заключения Соглашения о ленд-лизе, позволим дать отрицательный ответ. Разъясняя, почему «нет, не рассматривали», истолкуем данное суждение в свете размышлений о том, что США доктринально никого не рассматривали как равного себе.

Рабочая гипотеза оказалась верна, цель статьи достигнута, научные задачи решены.

Перспективность данного исследования видится в анализе ялтинско-потсдамских соглашений в свете заявленной в данной статье рабочей гипотезы. Полагая, что попытка навязать США равноправные соглашения в Ялте и Потсдаме привела к отторжению самого духа Ялты и Потсдама. Отсюда видны и истоки холодной войны, и противостояние СССР и США в ходе первого берлинского кризиса 1948–1949 гг. и Корейской войны 1950–1953 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. А. К вопросу об интерпретации программы помощи США Советскому Союзу в период Второй мировой войны (ленд-лиза) в современной российской историографии // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 149–157.
2. Комптон Д. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны, 1933–1941 / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2007. 310 с.

¹ Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии. 11 июня 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/195061-soglasenie-mezhdu-pravitelstvami-sssr-i-ssha-o-printsipah-primenimyh-k-vzaimnoy-pomoschi-i-vedeniyu-voyny-protiv-agressii-11-iyunya-1942-g> (дата обращения: 06.06.2025).

3. История США: в 4 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. 2700 с.
4. Ковалева О. А. История международных отношений в новое время. Ч. 2. История международных отношений в XIX – начале XX вв. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2022. 88 с.
5. Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 311 с.
6. Махов С. П. «Нулевая война»: англо-американское противостояние 1812–1815 гг. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны). 2015. Вып. 3. С. 22–235.
7. Монин С. М. Вторая мировая война. Мифы о ленд-лизе // Люди и тексты. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 146–164.
8. Системная история международных отношений. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов / сост. А. В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.
9. Соколов Б. В. Тайны второй мировой. М.: Вече, 2000. 478 с.
10. Уткин А. И. Рузвельт. М.: Культурная революция, 2012. 670 с.

REFERENCES

1. Volkov, V. A. (2023). On the Interpretation of the US Aid Program to the Soviet Union During World War II (Lend-Lease) in Modern Russian Historiography. In: *News of the Laboratory of Ancient Technologies*, 19 (2), 149–157 (in Russ.).
2. Compton, D. (2007). *The Swastika and the Eagle. Hitler, Roosevelt, and the Causes of World War II, 1933–1941*. Moscow: Centerpoligraf Publ.
3. Bolkhovitinov, N. N., ed. (1983). *History of the USA: in 4 volumes*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Kovaleva, O. A. (2022). *History of International Relations in Modern Times. Part 2. History of International Relations in the 19th – Early 20th Centuries*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ. (in Russ.).
5. Butenina, N. V. (2004). *Lend-Lease: The Deal of the Century*. Moscow: HSE Publ. (in Russ.).
6. Makhov, S. P. (2015). "Zero War": The Anglo-American Confrontation of 1812–1815. In: *History of Military Affairs: Research and Sources. Special Issue. Naval History (from the Age of Great Geographical Discoveries to World War I)*, 3, 22–235 (in Russ.).
7. Monin, S. M. (2019). World War II. Myths about Lend-Lease. In: *People and Texts. Historical Almanac*, 12, 146–164 (in Russ.).
8. Malgin, A. V. (2000). Systemic History of International Relations. 1918–2000. Vol. 2. Documents from the 1910s–1940s. Moscow: Moskovsky Rabochy Publ. (in Russ.).
9. Sokolov, B. V. (2000). *Secrets of the Second World War*. Moscow: Veche Publ. (in Russ.).
10. Utkin, A. I. (2012). *Roosevelt*. Moscow: Cultural Revolution Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;

e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Левчик Дмитрий Александрович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры политических процессов и технологий факультета международных отношений и геополитики Университета мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского;

e-mail: levchik63@rambler.ru; ORCID: 0009-0006-2721-9952

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Political Sciences), Prof., Head of the Department of Political Science and Law, Federal State University of Enlightenment;

e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Dmitry A. Levchik (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Political Processes and Technologies, Faculty of International Relations and Geopolitics, University of World Civilizations. V. V. Zhirinovskiy;

e-mail: levchik63@rambler.ru; ORCID: 0009-0006-2721-9952

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 930:94(470.23):378+342.542.5

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-95-108

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИКУМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Тихомиров Н. В.

Российский государственный гуманитарный университет

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

Поступила в редакцию 12.05.2025

После доработки 26.05.2025

Принята к публикации 02.06.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть информационные возможности комплекса документов о работе в деревне студентов Ленинградского политехникума путей сообщения им. Ф.Э. Дзержинского в контексте проблематики социалистической перестройки деревни в первое послереволюционное десятилетие.

Процедура и методы. Осуществлены процедуры классификации, систематизации, структурного анализа и научного описания массива архивных документов.

Результаты. Дана источниковедческая характеристика материалов. Рассмотрен видовой состав документов, относящихся к работе студентов среди крестьян. Раскрыто их формальное своеобразие и конкретные особенности содержания. Обсуждены возможности привлечения данных источников для исследования быта, хозяйственного уклада и умонастроений крестьянства, проблем осуществления программы модернизации деревни в период НЭП, а также участия в данном процессе советского студенчества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ документов позволил выделить основные задачи, поставленные партией и правительством перед лицами, направленными в сельскую местность, понять их роль в обеспечении связи между советским государством и деревней и проведении в жизнь актуальных политико-экономических установок.

Ключевые слова: деревня, исторический источник, комсомольцы, крестьянство, культурная революция, советизация, студенчество

Для цитирования:

Тихомиров Н. В. Материалы студентов Ленинградского политехникума путей сообщения о работе в деревне как исторический источник // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 95–108.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-95-108

Original research article

MATERIALS OF STUDENTS OF THE LENINGRAD POLYTECHNIC SCHOOL OF COMMUNICATIONS ON WORK IN THE COUNTRYSIDE AS A HISTORICAL SOURCE

N. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: tikhomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

Received by the editorial office 12.05.2025

Revised by the author 26.05.2025

Accepted for publication 02.06.2025

Abstract

Aim. To reveal the information capabilities of a set of documents on the work in the village of students of the Leningrad Polytechnic school of Communications named after F.E. Dzerzhinsky in the context of the problems of socialist restructuring of the village in the first post-revolutionary decade.

Methodology. The procedures of classification, systematization, structural analysis and scientific description of an array of archival documents are carried out.

Results. The source characteristics of the materials are given. The specific composition of documents related to the work of students among peasants is considered. Their formal originality and specific features of the content are revealed. The possibilities of using these sources to study the life, economic structure and mentality of the peasantry, the problems of implementing the rural modernization program during the NEP period, as well as the participation of Soviet students in this process were discussed.

Research implications. The documents make it possible to identify the main tasks assigned by the party and the government to persons sent to rural areas, to understand their role in ensuring communication between the Soviet state and the countryside and in implementing relevant political and economic guidelines.

Keywords: village, historical source, Komsomol members, peasantry, cultural revolution, Sovietization, students

For citation:

Tikhomirov, N. V. (2025). Materials of students of the Leningrad polytechnic school of communications on work in the countryside as a historical source. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 95–108.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-95-108

Введение

Первое десятилетие после Октябрьской революции стало временем начала коренных преобразований российской деревни. Советское правительство усиленно насаждало в крестьянской среде новые формы хозяйственных, административных и фискальных отношений, пыталось привить идеологию социалистического строительства, налаживало культурно-просветительскую и образовательную работу. Проводниками нового курса в деревне в 1920-е гг. являлись партийные работники, рабочие промышленных предприятий, учителя, красноармейцы, комсомольцы и другие, мобилизованные партийно-правительственным руководством для советизации многомиллионной крестьянской массы. В числе таких эмиссаров особое место занимают представители советского студенчества.

Уделяя большое внимание подготовке руководящих кадров, большевики с первых лет пребывания у власти занялись устройством системы партийного образования, сосредоточившегося в советских партийных школах и коммунистических университетах. Их деятельность освещена в научных публикациях таких авторов, как А. Х. Даудов, Е. П. Мамышева [1], Ю. В. Ергин [2], О. В. Корчагин [3], О. Д. Павлов [4; 5], Е. В. Панин [6], Т. И. Харламова [7], О. А. Шашкова, М. А. Шпаковская [8] и др. Воспитанники названных заведений широко привлекались для работы в деревне. Следует отметить и работы, посвящённые вопросам студенческой внеуниверситетской практики [9; 10].

Много хуже в плане научного освещения обстоит дело со студентами других, не партийных, учебных заведений. Их участие в модернизации крестьянского мира России не стало ещё предметом систематического изучения. Вместе с тем архивные материалы свидетельствуют, что названная категория обучающихся также вела регулярную работу среди

крестьянства, о чём сохранились разнообразные документы. Они запечатлели наблюдения, сделанные их авторами в период командировок в сельскую местность. В них отражены общее состояние деревень, особенности быта и хозяйствования их жителей, отношение последних к советской власти и т. д. Такие памятники могут представлять большой интерес как источники для исследования проблем российской деревни в период развёртывания социалистического строительства в СССР и взаимоотношений большевистского правительства с многомиллионным крестьянским миром страны. Потому насущной задачей исторической науки является выявление и приведение в известность материалов указанного вида, раскрытие их информационных возможностей.

Объектом настоящей работы служит корпус материалов, отражающих различные этапы и аспекты работы в деревне воспитанников Ленинградского политехникума путей сообщения им. Ф.Э. Дзержинского¹ (далее – техникум) в первое послереволюционное десятилетие.

О деятельности техникума в указанный период сохранились довольно скудные свидетельства. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) отложились всего 2 дела, образующие фонд (Р-3302). Существенно большее количество документов содержится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), в составе которого имеется фонд (Р-2692) первичной парторганизации названного учебного заведения. Документы, связанные с его работой в 1921–1935 гг., собраны в отдельную опись (опись 1), объединяющую 74 дела. Материалы о деревенской

¹ Такое название учебное заведение носило с 1922 по 1927 г. После было переименовано в Ленинградский техникум железнодорожного транспорта им. Ф.И. Дзержинского. Ныне – Санкт-Петербургский техникум железнодорожного транспорта.

работе обобщены в 3 делах – 22, 24 и 33. Они охватывают период 1924–1925 гг. и включают организационно-распорядительную, информационно-справочную и отчётную документацию, которая возникла в связи с подготовкой студентов к отправке в сельскую местность и проведением ими обследовательской работы в разных регионах страны. До настоящего времени они не были использованы исследователями и не вводились в научный оборот.

Подчас источник сам по себе сообщает об исторической действительности гораздо красноречивей аналитических обобщений. Потому в исследовательской практике, безусловно, полезно обозреть корпус памятников, объединённых отношением к некоторому предмету, выявив их формальные и содержательные особенности. Это способствует складыванию предварительного понимания перспектив дальнейших изысканий, позволяет оценить познавательные возможности наличного материала и наметить методологический инструментарий для последующей работы с ним.

Источниковедческая характеристика документов о работе студентов в деревне

1. Дело 22

Дело включает *списки студентов-комсомольцев*, работавших в деревне летом 1924 г. с указанием их конкретных занятий, а также 20 *студенческих отчётов о работе*. Согласно представленным сведениям, молодые люди занимались организационной, политико-просветительской и культурно-массовой работой. Они издавали стенгазеты, налаживали работу ленинских уголков, кружков, комсомольских организаций на местах¹; выступали с докладами и лекциями, вели политбеседы² и проч. Конкретные задания студенты получали от местных партийных либо

комсомольских организаций (о чём особо будет сказано ниже).

Документы выполнены рукописно, записи сделаны карандашом, датированы октябрём 1924 г.³. Отчёты озаглавлены по-разному: отчёт, анкета⁴, доклад, либо вовсе не имеют видового обозначения. Понятие «отчёт» использовано нами условно как отражающее содержательные особенности материалов. Обсуждаемые записи различны по объёму – от совсем коротких, занимающих половину страницы, до пространных, расположенных на нескольких листах. Это, по нашему мнению, объясняется сочетанием различных обстоятельств: пониманием авторами своих задач, их наблюдательностью, вниманием к определённым предметам, подходом к изложению и просто умением письменно выражать свои мысли. В содержательном отношении записи также разнятся: часть из них содержит предельно скупую констатацию общего положения дел, другие насыщены любопытными подробностями, раскрывающими качественное своеобразие повседневной жизни региона.

Наибольший интерес представляют 4 документа:

1. отчёт студента В. Гушевича-Якушко;
2. доклад студента А. Изосимова;
3. отчёт студента В. Федорова;
4. отчёт студента И. Мартыанова.

В отчётах подсвечены различные стороны крестьянской обыденности. Заметно, что студенты по-разному подходили к наблюдению и обобщению впечатлений. Так, составленный Изосимовым «Доклад о состоянии деревенского насе-

³ Некоторые рукописи не содержат указания даты, но логически можно предположить, что они были составлены не позднее сентября-октября 1924 г., когда студентам надлежало отчитаться о проделанной летом работе.

⁴ Такое название, вероятно, связано с тем, что при отправке в деревню студенты получали письменные указания о порядке и содержании своей работы; в них среди прочего могли содержаться установки по наблюдению за жизнью деревни, выявлению тех или иных её особенностей. О некоторых таких материалах будет сказано далее.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

² Там же. Л. 5.

ления по наблюдениям во время летних практических работ» явно построен по предварительной схеме¹. Автор последовательно даёт характеристику экономических отношений в крестьянской среде двух уездов Череповецкой губернии (Кирилловского и Череповецкого), отмечая качество сельскохозяйственной земли, применяемый севооборот, имеющийся скот и орудия труда, состояние торговли и кооперации. Последнему уделено особое внимание – описаны конкретные трудности в развитии кооперативов, проблемы в их работе, отношение к ним крестьян². Дана оценка культурно-просветительской деятельности (за неё отвечала местная парторганизация), которую студент нашёл весьма слабой и указал ряд выявленных недочётов. Интересны также наблюдения о месте религии в жизни сельских обывателей – последние были чужды богоборческого пафоса, но уже с выраженным пренебрежением относились к церковным практикам³.

Студент Федоров был командирован в одну из деревень (название не указано) Ленинградской губернии (согласно тексту, в 60-ти верстах от Ленинграда). Его рукопись – «Впечатления от летней поездки в деревню в летний период времени» – проще по структуре и беднее в содержательном отношении. Она посвящена преимущественно характеристике умонастроений крестьян, их отношению к советской власти и её представителям, попыткам обнаружить истоки негативных, с точки зрения практиканта, явлений в данной области. Как и предыдущий автор, он отмечает слабость просветительской и политической работы среди сельских обывателей, в частности среди комсомольцев: «это ещё сырой материал, из которого можно сделать всё, что

угодно, который подвержен всевозможным влияниям со стороны, отсюда может образоваться нравственный урод с превратными понятиями»⁴.

Студент Мартьянов проходил практику в Ленинграде, его отчёт «О работе в деревне» написан по итогам отлучки (видимо, по личному делу), в которую он коротко посетил одну из деревень (название не указано) Тверской губернии. В коротком очерке он остановился на состоянии культурно-просветительской работы и некоторых частных фискально-экономических проблемах крестьян⁵.

Несколько особняком от прочих отчётов стоит небольшая рукопись Гушевича-Якушко. Он был направлен проходить практику на заводе, но заболел и по решению врачебной комиссии поехал на кавказский курорт Горячеводск. Там им были сделаны наблюдения о трудностях советизации чеченцев, их конфликтах с русским населением и проблемах местного казачества⁶.

Примечательно, что Гушевич-Якушко и Мартьянов находились в сельской местности по личным делам и без рабочих поручений, однако сочли нужным письменно закрепить наблюдения за местным населением и предоставить их вузовскому руководству. Это говорит о том, что студенты сознавали свою ответственность за дело социалистического обновления общества и стремились, насколько это было возможным, с пользой прилагать свои силы. Важно отметить, что речь идёт о части студенчества, вовлеченной в партийные и комсомольские организации, что не позволяет распространить полученный вывод на всех воспитанников профессиональных учебных заведений. Кроме того, вряд ли возможно говорить о высокой степени сознательности всего комсомольского контингента. Тем более ценными представляются дошедшие до нас материалы.

¹ Не приходится сомневаться, что перед отбытием на практику студенты получали необходимый инструктаж. На это имеются прямые и косвенные указания в архивных документах, в т. ч. содержащихся в обсуждаемом фонде (см. далее).

² ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 12 об – 13.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 13 об.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 27 об.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 28–29.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 9–11.

2. Дело 24

В деле содержатся документы о подготовке студентов к отбытию в сельскую местность на период зимних каникул 1924/25 учебного года. Среди них: 2 машинописных протокола общих собраний студентов, список направляемых в деревню и 2 брошюры, содержащие разъяснения и наставления о работе с крестьянами.

Первый протокол закрепил повестку и ход общего собрания студентов техникума, едущих в деревню, которое состоялось 20 декабря 1924 г. На нём выступил председатель областного земельного отдела т. Вевер с информационным докладом о проведении линии советской власти среди крестьянства. Он ознакомил слушателей с принципом распределения нового продналога, рассказал о семенных ссудах и кредитах земледельцам, о землеустройстве, приписке к деревням лесов местного значения, о государственном регулировании цен на продукты сельского хозяйства и снабжении деревни сельскохозяйственными машинами. Докладчик остановился на новом положении о волостных исполкомах¹, «очистке крестьянского аппарата от негодного элемента»², вовлечении батрачества в профсоюзы и кооперативном строительстве³. Особое внимание было уделено целям и порядку создания крестьянских комитетов взаимопомощи, задачах комсомольской организации в деревне и значению избы-читальни⁴. Таким образом, студенты получили общие представления о содержании политики советского руководства в отношении крестьянства и о первостепенных задачах своей предстоящей работы.

Второй протокол был составлен в ходе собрания 22 декабря. На нём высту-

пил представитель губернского финотдела т. Огрин с информационным докладом о едином сельскохозяйственном налоге. Он рассказал молодым людям о значении налога, порядке его распределения и расходования, о налоговых льготах для крестьян и регулировании цен на продукты⁵. По завершении доклада и ответов гостя на заданные вопросы председатель собрания т. Борисов объяснил слушателям разницу между кулаком и середняком⁶.

В обоих случаях доклады содержали идейно-теоретические установки для деревенской работы и выполняли отчасти инструктивную функцию. Слушатели задавали вопросы по содержанию выступлений, показывая серьёзную заинтересованность в будущем деле. Обращает на себя внимание довольно большой объём информации, полученной студентами, которая при этом была для них явно новой, относящейся к предметам, которых они специально не изучали по профилю подготовки. Возникает вопрос, в какой степени практиканты сумели разобраться в соответствующих вопросах и насколько компетентно в дальнейшем вели разъяснительную работу среди крестьянства.

Следующий важный для нас документ – *список студентов, едущих в деревню и получивших литер* (выполнен рукописно, всего указано 47 человек). В табличном виде приведена следующая информация: имя и фамилия, отделение техникума, назначенное место работы, расписка в получении литеры. Согласно представленным данным, география командировок была довольно широкой: Витебская, Ленинградская, Тульская, Черниговская, Ярославская и другие губернии⁷. (В доступных документах не поясняется принцип распределения практикантов, решение данного вопроса требует дополнительных изысканий).

Представляет интерес вшитая в дело брошюра, озаглавленная «Вопросник

¹ В документе, вероятно, имеется в виду Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. о волостных съездах советов и волостных исполкомах и сельских советах.

² Под аппаратом, вероятно, имелся в виду состав сельсоветов.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

для едущих в деревню»¹. Согласно выходным данным, она была отпечатана в типографии ленинградского рабочего издательства «Прибой» тиражом 3000 экземпляров. Введение на первой странице раскрывает цель издания, не названные авторы указывают: «Изучение деревни получило у нас в последний год значительный толчок. ...И поэтому чрезвычайно важно, чтобы ни одна поездка в деревню рабочих или студентов не прошла даром, с этой точки зрения. Конечно, полное обследование деревни с соблюдением всех правил науки требует особых условий, сил и средств. Но для определения *основных*² тенденций в экономическом развитии деревни, для изучения *быта и настроений* крестьянской массы материалы подобных поездок рабочих и студентов играют уже сейчас немалую роль»³.

Товарищей, направлявшихся в деревню, призывали подготовить отчетные доклады и передать их в кабинет по изучению деревни, недавно созданный при коммунистическом университете им. Зиновьева (в Ленинграде). Их также предостерегали не применять в качестве метода обследования «непосредственный опрос крестьян с карандашом в руках», что могло бы вызвать «совершенно нежелательное толкование»⁴. Последнее замечание, вероятно, проистекало из неудачного опыта прежних лет, выявившего недоверие сельских обывателей к формализованным способам сбора данных.

В издании содержится «краткий конспект» из 17 тематических разделов, призванный облегчить систематизацию полученных материалов для подготовки итогового доклада. В первом разделе

(I. Сведения общего характера) исследователям предлагается обратить внимание на: расположение и административную подчиненность места работы, расстояние до вышестоящего центра, число и национальный состав населения, количество земли по разным категориям, состояние землеустройства, применяемые севообороты, характер полеводства, количество дворов (с подразделением на бедняков, середняков и кулаков и с указанием того, «кого считают середняком и кулаком в данном районе»); результаты экономической политики советской власти; настроение населения, формы и причины его проявления по классовым группам⁵.

Далее следуют разделы: II. Советы в деревне; III. Комитеты крестьянской взаимопомощи; IV. Совхозы, коммуны сельскохозяйственные коллективы; V. Кооперация (потребительская, сельскохозяйственная, кредитная); VI. Частная торговля; VII. Профсоюзы в деревне; VIII. Школа и учительство; IX. Избы-читальни; X. Партия⁶; XI. Комсомол; XII. Работа среди женщин; XIII. Пионеры (там, где имеются); XIV. Культшефство; XV. Селькоры; XVI. Религиозные настроения крестьян. Сектантство. Антирелигиозная пропаганда; XVII. Легенды и нелепые слухи (распространяются ли и какие именно)⁷.

Как видно, авторы стремились по возможности всесторонне охватить жизнь послереволюционной деревни, выявить её лицо в хозяйственном, культурно-бытовом, идейно-нравственном и социально-политическом отношениях. Это указывает на то, что партийно-правительственное руководство СССР испытывало существенную нехватку сведений о положении дел в крестьянской среде и конкретных результатах политики, проводимой государством по модернизации деревни. Из документа также явствует,

¹ В дело вшит неразрезанный типографский лист. Вероятно, предполагалось, что брошюрование и разрезку листов произведут получатели, т. е. организации, которым такие листы были направлены для использования.

² Курсивом выделены слова, которые в документе даны разреженным шрифтом.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 10 – 10 об.

⁶ Имеется в виду первичная партийная организация, ячейка партии.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 10 об – 11.

что студентов и рабочих, командируемых в сельскую местность, рассматривали как ценных информаторов о быте, хозяйстве и умонастроениях крестьянских масс.

Другая брошюра «*Единый сельскохозяйственный налог в 1924–1925 г.*» насчитывает 36 страницы и отпечатана в типографии Ленинградского Губернского финансового отдела в количестве 50000 экземпляров¹. Издание было призвано снабдить работников, едущих в деревню, минимально необходимыми теоретическими представлениями об указанном налоге и подготовить их к общению с крестьянами. Последним надлежало разъяснить содержание и суть соответствующих мероприятий советской власти, их права в этой связи и т. д. Из текста читатель мог узнать следующее: «На что шли налоги в царское время и на что идут сейчас»; «От чего зависит сельхозналог»; «Какая земля учитывается»; «Какие сенокосы учитываются и какие не облагаются налогом»; «Какой скот облагается и какой нет»; «Кто имеет право быть включённым в число едоков»; «Как узнать, сколько приходится на едока пашни»; «За что даются льготы»; «За что даётся 10% скидка с налога»; «Какие из лесных площадей освобождаются от налога»; «Будет ли чувствителен налог для беднейших крестьянских хозяйств»; «Льготы для семей красноармейцев, инвалидов и учащихся»; «Как исчисляется налог» и др.

Вряд ли будет ошибочным предположение, что студенты, ехавшие просвещать крестьян в области текущей фискальной политики, сами весьма слабо разбирались в вопросах налогообложения. Часть из них, будучи выходцами из рабочей среды, имела туманное представление о сельском хозяйстве как таковом. Это заставляет усомниться в том, что молодые люди сумели в полной мере и правильно решить поставленные перед ними задачи, т. е. сформировать у сель-

ских обывателей нужные представления о конкретных мероприятиях советской власти. Тем не менее такая работа, безусловно, служила налаживанию устойчивой связи между государством и крестьянами, укрепляя институциональные основы социалистического строя.

3. Дело 33

Дело включает документы 5 видов, датированные 1925 г.

1. *Список работающих во время летней практики* членов и кандидатов РКП(б). Документ выполнен карандашом в табличном виде с указанием имени и фамилии студента, а также области его деятельности. Приведены данные на 31 человека, которые были заняты на работе в клубе, среди женщин, в стенгазете, исполняли обязанности докладчиков, агитаторов-пропагандистов и т. д.² Из документа видно, что студентам поручался широкий круг задач культурно-просветительского, идейно-воспитательного и организационного толка.

2. *Путёвки с направлением на работу* (всего 29). Документы этого вида изготавливались типографским способом с оставлением полей для заполнения вручную, они содержат: а) личные данные студента (ФИО; партийный стаж, номер партбилета или кандидатского удостоверения); б) характеристика способностей командируемого лица (например: «Можно использовать на организационной работе, по культурной работе, в качестве руководителя политкружка и по стенгазете в качестве члена редколлегий»³); такие замечания были предназначены для местного партийного руководства, которому надлежало назначить практиканту участок работы и снабдить его конкретным заданием. Путёвки заверены печатью Московско-Нарвского районного комитета (в указанном районе располагался техникум). На оборотной стороне документа расположен проверочный лист,

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 3 об.

предполагавший заполнение местной парторганизацией. В листе требовалось указать срок работы студента, содержание порученной ему работы и оценку полученных результатов.

Данные материалы сообщают дополнительные сведения о личностях практикантов и характере их участия в общественной работе, указывают структуры, обеспечивавшие проведение внеуниверситетской практики.

3. *Отзывы о работе (характеристики)*, полученные студентами от местных организаций (всего 5)¹. Документы типовые, в самом сжатом виде содержат сообщения о положительном (иного не выявлено) впечатлении местных парторганизаций от выполнения соответствующих товарищем порученных ему задач.

Примечателен отзыв, данный студенту П. Фоканову партийной ячейкой в Кандалакше². Текст написан малограмотным человеком, о чём свидетельствуют грубые грамматические и пунктуационные ошибки («однем», «лутших», «организаця»), свидетельствующие о невысоком уровне общекультурного развития людей, занимавших руководящие должности в указанной организации. Согласно отзыву, местные функционеры до приезда студента не были в состоянии поставить работу ни в партийной ячейке, ни в ячейке комсомола, что говорит о слабой подготовке местных партийных кадров и качестве функционирования соответствующих институтов. Таким образом, студенты, командированные в провинцию, налаживали там деятельность низовых партийных и комсомольских структур, передавая личный опыт местному активу и обеспечивая преемственность знаний, умений и навыков.

4. *Анкета для студентов, отъезжающих на летние каникулы*. Документ пред-

ставляет собой бланк, изготовленный типографским способом, содержащий 12 вопросов: 1) ФИО студента; 2) курс, факультет и год приёма; 3) партийность; 4) стаж пребывания в профсоюзной организации; 5) место отправки на каникулы; 6) время, проведённое на работе; 7) виды выполнявшейся работы; 8) занимался ли общественной работой и какой; 9) занимался ли культработой; 10) какое впечатление составил о положении данной местности в экономическом и культурном отношении; 11) «какие стороны Вашего опыта культработы могли бы быть предложены примерными для работы нашего клуба»; 12) дополнительные сведения. Рядом оставлено поле для вписывания ответов студентом.

В деле находится 1 анкета. Она заполнена Николаевой Н. Н., студенткой 4-го курса строительного факультета техникума, посланной работать организатором работы среди женщин на станции Красное село. Интересны ответы, данные ею на вопросы 10 и 11: «в культурном отношении чувствуется отсталость женщин, остальное удовлетворительно»; «в экономическом положении удовлетворительно, больше всего крестьяне занимаются отхожим промыслом»³. При своей предельной краткости эти замечания содержат показательную характеристику местного населения, не воспринявшего ещё обновленческого посыла советской власти.

Анкета отпечатана во 2-й типографии Транспечати. На оборотной стороне помещён «наказ отъезжающему» за подписью уполномоченного по работе среди студенчества Союза железнодорожников Ленинграда, призывающий: «Товарищ! ... Ты, в первую очередь, должен связаться с рабоче-крестьянской массой, которая ждёт от тебя должных указаний в профессиональной, культурной, экономической и сельскохозяйственной жизни. Ты должен поделиться теми знаниями,

¹ Столь малое количество может быть обусловлено либо утратой документов, либо небрежностью практикантов, которые не удосужились испросить отзывы с мест работы.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 75–75 об.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 53.

которые ты получил в стенах вуза ...Участвий в работе клуба, организуй избы-читальни, организуй кружки ликвидации безграмотности, профдвижения, кооперации, сельского хозяйства; помогай крестьянину, чем только можешь. Разъясняй декреты советской власти, объясни значение денежной реформы и декрет о школе и т. д.»¹.

Приведённый посыл свидетельствует о том, насколько велика была потребность государства в работниках, способных вести просветительскую и организаторскую деятельность среди трудящихся масс и насколько востребованы были в этой связи студенты как носители полезных знаний и навыков.

5. *Отчёты*, подготовленные студентами по результатам летней практики (всего 7). Они дают представление о порядке работы и её конкретном содержании. Например, студент А. И. Ефимов-Бологовский был направлен в Вышневолоцкий уком² Тверской губернии, которым был прикреплен к партийной ячейке ст. Академическая, где и работал, согласно заданиям укома и ячейки. При этом, кроме ведения текущих дел, ему пришлось фактически исполнять функции руководителя, контролёра и организатора, изначально не предусмотренные задачами практики. В отчёте читаем: «18 июля, согласно постановления ячейки и с утверждением уездного комитета партии, мне пришлось принять дела организатора (секретаря) ячейки РКП ст. Академической»³. В этой должности студент занимался следующим: «1. Урегулирование пахотной и покосной площади земли крестьян деревень Заречье и Деревково, где этот вопрос для решения пришлось поставить в уездном земельном управлении. 2. Снятие с работы члена партии с должности председателя ЕПО⁴ за растрату, передача его дела в

суд и ГубКК⁵. 3. Перевыборы правления и ревкомиссии ЕПО...»⁶. Кроме этого, молодой человек участвовал в постановке 5 спектаклей по району в качестве «любителя-артиста», трудился ответственным редактором в редколлегии стенгазеты⁷.

Данный пример показывает, что студенты могли деятельно вовлекаться в решение насущных жизненных вопросов деревенских обывателей и влиять на кадровую политику низового партийного руководства. Таким образом, они выступали посредниками между крестьянским населением и местными органами власти.

Интересно сопоставить обсуждаемые отчёты с наставлениями, содержащимися в рассмотренном выше «Вопроснике» (дело 24). Заметно, что не все студенты выполнили работу в соответствующем объёме. Так, упомянутая выше Николаева ограничилась короткой сводкой о состоянии женской работы на вверенном ей участке и проведённых ею самой мероприятиях⁸. В то же время её коллега Ф. Хведосюк подготовил сравнительно пространственный отчёт «Об экономическом и политическом состоянии Красногородской волости Троцкого уезда Ленинградской губернии»⁹. Он попытался в сжатом виде представить информацию об экономическом и культурном уровне волости, состоянии партийной, комсомольской, пионерской, женской, спортивной, культурной и советской работы, об активности масс; кроме того дал политическую характеристику служащих железнодорожной станции «Красное село».

Как видно, практиканты не одинаково относились к выполняемой работе. Причины тому могли быть различны. Следует учесть, что в техникум поступали люди с разным уровнем образованности

щество – организация, объединявшая все потребительские общества отдельной волости, ведавшая сетью торговых лавок.

⁵ Губернская контрольная комиссия.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 56 об.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 57.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 54.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 76–77.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 53 об.

² Уездный комитет РКП (б).

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 56 об.

⁴ Единое рабоче-крестьянское потребительское об-

и общего развития, жизненным опытом и склонностями. В обсуждаемом фонде не отложились материалы личных дел студентов за интересующий нас период. Однако возмёмся предположить, что многие из них имели весьма скромный образовательный задел, что было в целом присуще выходцам из рабоче-крестьянской среды, которых набирали в вузы по социальному признаку.

6. *Отчёт комиссии по разработке материалов, привезённых партийцами и комсомольцами с мест их прикрепления во время летней практики.* Он позволяет уточнить и дополнить представления о ходе и содержании работы студентов. Согласно документу, практика проводилась «в деревне, селе, заводской ячейке» и охватывала 70 человек. По характеру выполнявшейся работы комиссия разделила практикантов на 2 группы. Первая – 22 человека – была занята наиболее серьёзным и значимым трудом по организации и инструктированию ячеек РКП (б) и РКСМ, организации политшкол, постановке докладов, непосредственному участию в работе клуба, кружков, стенгазеты и всех добровольных организаций (Авиахим, МОПР и др.) Вторая группа – 48 человек – исполняла текущие обязанности в добровольных организациях и профсоюзах, участвовала в проведении кампаний, собраниях, заседаниях и т. д.¹

Авторы отчёта сетовали, что товарищи, бывшие на практике в деревнях, не дали материала о конкретных результатах работы и не показали в своих отчётах «отношение крестьянства к проводимым работам и нуждаемость деревней в необходимых пособиях при постановке докладов и бесед нашими практикантами, чтобы втянуть крестьянство в культурно-просветительскую работу». Из этого делался вывод о том, что практикантов, которые в 1926 г. поедут в села и деревни, надо снабдить «соответствующими инструкциями о проведении работ и от-

чёте по возвращении с летней практики, что даст возможность учесть недостатки, нужды деревни и тем самым поднять продуктивность работы в следующие годы практики»².

Из указанного видно, что студенческая деревенская практика по меньшей мере до 1926 г. пребывала в процессе организационного становления и далеко не всегда давала требуемые результаты – прежде всего, информацию о действительном положении дел в сельской местности. Вместе с тем практиканты активно способствовали закреплению и развитию в деревне новых общественных институтов и проведению мероприятий культурной революции.

Заключение

Рассмотрев комплекс документов о работе в деревне студентов Ленинградского техникума путей сообщения, сделаем вывод о его информационном потенциале. Материалы показывают, как готовилась, проводилась и учитывалась практика воспитанников отраслевого учебного заведения, позволяют воспроизвести в общих чертах ключевые этапы этого процесса.

Документы свидетельствуют о слабости связей правительства большевиков с крестьянством в середине 1920-х гг., что выражалось в острой нехватке у центральных руководителей достоверной информации о жизни крестьянства, отсутствии действенных механизмов учёта и контроля экономических и социально-политических мероприятий, проводимых в сельской местности. При низкой эффективности административных механизмов и в отсутствие подготовленных кадров на местах государство было вынуждено мобилизовать на социалистическую перестройку деревни активистов из представителей студенчества. Как явствует из документов, направление в сельскую местность получали ком-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 78.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 33. Л. 78.

сомолыцы, члены и кандидаты в члены РКП (б). Соответствующие задачи возлагались на них партийным коллективом учебного заведения¹.

Подготовка молодых людей к отправке в сельскую местность велась в тесном взаимодействии учебного заведения с профильными органами власти, а сама практика была подчинена задаче всестороннего изучения и культурно-экономического обновления деревни, будучи встроенной в систему соответствующих государственных мероприятий.

Выходцы из рабоче-крестьянской среды, вербовавшиеся в комсомол и партию в первые годы после Октябрьской революции, как правило, не имели полноценного систематического образования, а потому не были подготовлены к усвоению специальных вопросов из области налогообложения, кооперации, идейно-политического воспитания, что не могло не сказываться на эффективности их работы в деревне. Это, однако, не отменяет полезности в целом труда практикантов. Своими знаниями и навыками они определённо превосходили как рядовых крестьян-обывателей, так и партийно-комсомольские кадры на местах, а потому могли способствовать в той или иной мере повышению их грамотности в ряде предметных областей, а также общему развитию посредством докладов, лекций, бесед, организаторской работы и пр.

Поскольку политика советского руководства в области социалистического обновления деревни носила изначально мобилизационный, кампанейский характер, её проведение было сопряжено с характерными издержками (болезнями роста), которые проявились в огрехах постановки студенческой работы в деревне. Организационные решения отставали от практики, наставления командиремым приходилось дорабатывать *ad hoc* для устранения открывшихся изъянов поле-

вой работы и подготовки отчетной документации. Тем не менее документы позволяют утверждать об устойчивости ряда новых общественных институтов, постепенном налаживании их функционирования и укреплении связей с центральными организациями и учреждениями. Таким образом, обсуждаемые источники показывают некоторые особенности становления механизма взаимодействия советской власти с крестьянством, города с деревней, партийных и комсомольских работников с обывателями на протяжении 1920-х гг. – т. н. восстановительного периода в развитии СССР.

Наибольшую ценность, на наш взгляд, представляют материалы, освещающие отдельные повседневной стороны жизни российского крестьянства в указанное время. Прежде всего, это отчёты студентов, которые содержат их наблюдения за жизнью крестьян. Такого рода источники всё ещё плохо известны исследователям, в то время как их информационные возможности представляются весьма внушительными. Полагаем, что насущной задачей исторической науки сегодня следует считать выявление в центральных и региональных архивах России документов данного вида с последующим их включением в научный оборот. Это поможет существенно продвинуть изыскания в области российского крестьяноведения, расширив и уточнив имеющиеся представления о послереволюционной деревне и проблемах её модернизации в рамках социалистического проекта.

Также рассмотренные документы помогают выяснить роль советского студенчества в процессах культурного, экономического и социально-политического обновления страны, оценить их вклад в дело масштабного социалистического преобразования России на раннем этапе советского государственного строительства.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Коммунистический университет трудящихся Востока. 1921–1938 гг.: Взгляд через сто лет // Новейшая история России. 2022. № 2. С. 372–384. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.207.
2. Ергин Ю. В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
3. Корчагин О. В. Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (1920-е гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19. С. 120–142.
4. Павлов О. Д. Образовательная и политическая подготовка экстерриториальных меньшинств Запада в СССР. Опыт Коммунистического университета им. Ю. Ю. Мархлевского (1921–1925 гг.). Ч. 1 // Клио. 2024. № 10. С. 129–136. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-10-129-136.
5. Павлов О. Д. Образовательная и политическая подготовка экстерриториальных меньшинств Запада в СССР. Опыт Коммунистического университета им. Ю. Ю. Мархлевского (1921–1925 гг.). Часть 2 // Клио. 2024. № 11. С. 144–151. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-11215-144-151.
6. Панин Е. В. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов советской России (1920–1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 165–168.
7. Панин Е. В., Харламова Т. И. Коммунистические университеты для национальных меньшинств в советской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-3. С. 153–156.
8. Шашкова О. А., Шпаковская М. А. Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 704–716. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-704-716.
9. Панин Е. В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный научный журнал). 2013. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 14.05.2025).
10. Тихомиров Н. В. Проблемы колхозного строительства в Московской области по материалам студенческой практики 1935 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2025. № 1. С. 53–62. DOI: 10.52452/19931778_2025_1_53.

REFERENCES

1. Daudov, A. Kh. & Mamysheva, E. P. (2022). Communist University of the Toilers of the East. 1921–1938: A View Through the Hundred Years. In: *The Newest History of Russia*, 2, 372–384. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.207 (in Russ.).
2. Ergin, Yu. V. (2008). Bashkir Communist University (1931–1939). In: *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 5, 141–151 (in Russ.).
3. Korchagin, O. V. (2019). Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West (1920s). In: *Transactions of the Department of History of Modern and Contemporary Times*, 19, 120–142 (in Russ.).
4. Pavlov, O. D. (2024). Educational and Political Preparation of Extraterritorial Minorities of the West in the USSR. The Experience of the Yu. Yu. Marchlevsky Communist University (1921–1925). Part 1. In: *Clio*, 10, 129–136. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-10-129-136 (in Russ.).
5. Pavlov, O. D. (2024). Educational and Political Preparation of Extraterritorial Minorities of the West in the USSR. The Experience of the Yu. Yu. Marchlevsky Communist University (1921–1925). Part 2. In: *Clio*, 11, 144–151. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-11215-144-151 (in Russ.).
6. Panin, E. V. (2012). Material and living conditions of students of international and national communist universities of Soviet Russia (1920–1930s). In: *Theory and practice of social development*, 3, 165–168 (in Russ.).
7. Panin, E. V. & Kharlamova, T. I. (2012). Communist universities for national minorities in Soviet Russia. In: *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 7-3, 153–156 (in Russ.).

8. Shashkova, O. A. & Shpakovskaya, M. A. (2018). Communist University of the Toilers of the East: Creation and Stages of Formation in the Comintern System in the 1920s–1930s. In: *Archivist's Bulletin*, 3, 704–716. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-704-716 (in Russ.).
9. Panin, E. V. (2013). The Role of Industrial Internships in Teaching Students of Communist Universities in the 1920s (Based on the Communist University of National Minorities of the West). In: *Bulletin of Moscow State Regional University (Electronic Scientific Journal)*, 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (accessed: 14.05.2025) (in Russ.).
10. Tikhomirov, N. V. (2025). Problems of collective farm construction in the Moscow region based on the materials of student practice in 1935. In: *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1, 53–62. DOI: 10.52452/19931778_2025_1_53 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомиров Никита Вадимович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ);

e-mail: tikhomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Tikhomirov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Source Studies, Historical and Archival Institut, Russian State University for the Humanities;

e-mail: tikhomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

Научная статья

УДК 94(47).084.9“1979/89”

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-109-118

ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ 1979–1989 ГГ.

Задоя Н. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: zadoya1998@gmail.com; ORCID: 0009-0007-2623-5560

Поступила в редакцию 05.03.2025

После доработки 24.03.2025

Принята к публикации 07.04.2025

Аннотация

Цель. Историографический анализ научной литературы по проблеме периодизации и особенностям отечественной историографии Афганской войны 1979–1989 гг.

Процедура и методы. Изучены публикации, посвящённые участию ограниченного контингента советских войск в войне в Афганистане 1979–1989 гг. Исследование базируется на принципах историзма и научной объективности. Применены основные методы историографического анализа: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, историко-системный.

Результаты. На основании изучения историографии Афганской войны 1979–1989 гг. были выявлены 3 основных периода: советский, постсоветский (1990-е гг.) и современный (2000-е и до наших дней). Дана характеристика ключевых особенностей каждого.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучена проблематика историографии участия ограниченного контингента советских войск в Афганистане 1979–1989-х гг., проведена систематизация, выделены периоды, раскрыты ключевые особенности каждого из них. Результаты проведённого анализа могут быть использованы при разработке учебных пособий и монографий по новейшей Отечественной истории.

Ключевые слова: Афганистан 1979–1989, историография Афганистана, ОКСВ

Для цитирования:

Задоя Н. А. Особенности отечественной историографии войны в Афганистане 1979–1989 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 109–118.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-109-118

Original research article

FEATURES OF THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE WAR IN AFGHANISTAN 1979–1989

N. Zadoya

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: zadoya1998@gmail.com; ORCID: 0009-0007-2623-5560

Received by the editorial office 05.03.2025

Revised by the author 24.03.2025

Accepted for publication 07.04.2025

Abstract

Aim. Historiographic analysis of scientific literature on the problems of periodization and features of domestic historiography of the Afghan war of 1979–1989.

Methodology. The publications devoted to the participation of a limited contingent of Soviet troops in the war in Afghanistan in 1979–1989 were studied. The study is based on the principles of historicism and scientific objectivity. The main methods of historiographic analysis were applied: historical-genetic, comparative-historical, typological, historical-systemic.

Results. Based on the study of the historiography of the Afghan war of 1979–1989, three main periods were identified: Soviet, post-Soviet (1990s) and modern (2000s to the present day). The key features of each are described.

Research implications. The problems of the historiography of the participation of a limited contingent of Soviet troops in Afghanistan in 1979–1989 have been studied, systematization has been carried out, periods have been identified, and key features of each of them have been revealed. The results of the analysis can be used in the development of teaching aids and monographs on the latest Russian history.

Keywords: Limited contingent of the soviet troops in Afghanistan, Afghanistan in 1979–1989, historiography of Afghanistan

For citation:

Zadoya, N. A. (2025). Features of the domestic historiography of the war in afghanistan 1979–1989. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 109–118. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-109-118

Введение

Советское правительство на протяжении всего XX в. выстраивало партнёрские отношения с южным соседом в Азии. В ходе Саурской (апрельской) революции (1978 г.) в Кабуле, а затем и по всей стране власть захватили левые силы, которые представляла НДПА – народно-демократическая партия Афганистана. С этой даты начинается новый период взаимодействия СССР со своим южным соседом – Афганистаном. Через год, в 1979 г.,

Советский Союз примет решение о вводе ограниченного контингента для защиты революции в ДРА (Демократическая Республика Афганистан) и выполнения «интернационального долга». Политическим лидерам СССР пришлось реагировать на ситуацию, когда решительно настроенные «пассионарии» стремились строить светлое коммунистическое будущее в стране, фактически находившейся ещё в «средневековье». Учитывая, что Афганистан оставался важным узлом гео-

политической конструкции, задача оказалась «повышенного уровня сложности».

Особенности историографии советского периода

Исследования в рамках историографии советского периода касались не столько войны, сколько истории советско-афганских отношений – обосновывалась концепция добрососедских отношений и помощи братскому народу. У исследователей советского периода был ограничен доступ к источниковой базе. Основной массив разработки данной проблематики выполнялся в ведомственных НИИ и учебных заведениях. До 1991 г. немногочисленные научные работы, в которых рассматривались реформы нового социалистического правительства в Афганистане и оценивались их действия в условиях гражданской войны, как правило, выходили под грифом «для служебного пользования».

В качестве примера, дающего представления об особенностях советской историографии, можно привести специальный бюллетень института востоковедения [1]. Современникам событий был важен анализ основных направлений, форм и методов работы командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций ОКСВ по героико-патриотическому воспитанию воинов – это формировало важное направление исследований [2].

Таким образом, можно констатировать, что большинство аналитических работ носили прикладной узкоспециализированный характер. Можно предположить, что проблематика участия советских сил в Афганской войне 1979–1989 гг. если и исследовалась военными специалистами, то ни тогда, ни сейчас эти документы не доступны широкому кругу читателей.

Тем не менее на данном этапе развития историографии проблематики афганской войны выходили и фундаментальные исследования, не потерявшие и

сегодня научной актуальности. К таким можно отнести монографию Ю. В. Ганковского «История Афганистана с древнейших времён до наших дней» [3]. Последняя глава в ней освещает события и последствия Саурской революции. Ю. В. Ганковского можно назвать одним из пионеров пакистановедения и афганистики в отечественной исторической науке. Безусловно, необходимо учитывать, что работы Ганковского выполнены в рамках методологии марксизма и это наложило отпечаток на анализ событий. Например, автор подчёркивает удручающее положение экономики страны до Апрельской (Саурской) революции, «выпячивает» острые социальные проблемы [3, с. 327]. Свержение Х. Амина в декабре 1979 г. представлено им как реакция «здоровых» революционных сил, отстранивших от власти генерального секретаря [3, с. 337–338], после чего раскол общества медленно нивелируется новой социальной политикой НДПА. Из приведённого примера видно, что оценки Ю. В. Ганковского мотивированы необходимостью обоснования ввода ОКСВ в Афганистан. Таким образом, выявляется ещё одна важная особенность советской историографии афганской войны – доминирование цензуры и идеологическое давление.

Важно отметить, что выводы советских исследователей (так же, как и освещение войны в СМИ) не могли противоречить одобренному на заседании Политбюро ЦК КПСС 27 декабря 1979 г. постановлению «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» [4, с. 313–320]. Лишь с 1985 г. в официальных СМИ появляются первые упоминания о том, что советские войны выполняют интернациональный долг в Афганистане [5, с. 296].

Особенности историографии 1990-х гг.

Ситуация изменилась с резкой сменой внешнеполитического курса страны («новое мышление») и началом масштаб-

ных реформ в самом СССР. Вывод войск, политика гласности – всё это подстёгивало общественный интерес к «афганской» проблеме и создавало возможность более открытого её обсуждения. В данном контексте интерес представляет публикации в 4 номерах журнала «Коммунист вооружённых сил» (№18–22) [6] статьи генерал-майора А. А. Ляховского. Она очень ярко отражает новые тенденции: запрос на углубление анализа, но недостаточность фактического материала, большая часть которого оставалась недоступной из-за грифов «секретно» и «для служебного пользования». Ляховскому приходилось ссылаться на документы, которые на тот момент (некоторые и на сегодняшний день) не были рассекречены, поэтому автор лишь делал пометку «документ». Читателей он предупредил, что воздержится от оценки самих событий, потому что её уже дал Съезд народных депутатов.

Можно выделить следующие особенности анализа афганской войны, которые характерны для историографии завершающего этапа перестройки:

1. советское руководство до последнего не поддерживало ввод войск в Афганистан; это был крайний случай, необходимость;

2. обилие военных и политических советников со стороны Союза, расхолаживало афганских руководителей ДРА;

3. с 1985 г. НДПА проводит политику национального примирения и пытается пойти на компромисс с оппозицией. Оппозиция не собирается идти на переговоры, в то время как Запад только активнее поддерживает финансово и материально исламскую оппозицию;

4. низкий боевой дух солдат ДРА в результате высокой степени коррумпированности вооружённых сил и частого дезертирства (дезертиры часто угоняли с собой технику, что поставил СССР).

Вместе с тем для современных историков исследование Ляховского продолжает быть актуальным: видя ситуацию изнутри, он смог выделить важные осо-

бенности развития событий. Например, Ляховский подробно анализирует роль советников. Он утверждает, что крайне негативно на стабилизации ситуации сказалось отсутствие понимания особенностей и специфики Афганистана, стремление чиновников выслужиться, боязнь докладывать неприятную правду. Кроме того, советники брали на себя чересчур много обязанностей, что порождало иждивенческие настроения в рядах руководителей ДРА [6, с. 57].

Ляховский считает, что в случае победы исламской оппозиции крайне вероятен был сценарий расширения джихада. Свои выводы он аргументирует тем, что буквально в том же году (1979) произошла исламская революция в Иране [7, с. 73]. Следующей целью вполне могли стать среднеазиатские республики Союза.

В качестве особенностей историографии афганской войны 1990-х можно выделить рост публикаций источников личного происхождения – мемуары, дневники, письма и т. п. участников данного конфликта. В 1992 г. выходят воспоминания маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева (в соавторстве с Г. М. Корниенко) «Глазами маршала и дипломата» [8]. В них изложен авторский взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. Генерал советской армии М. А. Гареев написал в 1996 г. работу «Моя последняя война» [9], в которой рассказано о наиболее трудном для республики Афганистан времени (1989–1990 гг.), когда после вывода советских войск она должна была самостоятельно противостоять вооружённой оппозиции. Автор, командированный в Кабул в качестве главы советской оперативной группы при президенте Наджибулле, описывает общественно-политическую обстановку в стране, противоборствующие силы, военные действия, анализирует причины и следствия проведения военных акций, принятия тех или иных военных и политических решений, их результаты.

Один из центральных вопросов, что поднимается в мемуарах – решения о принятии ввода войск в Афганистан. Насколько это было необходимо, целесообразно, было ли решение принято в результате серьёзного планирования операции военными? Например, Н. В. Огарков¹ и Б. В. Громов сочли решение руководителей СССР поспешным и необдуманым [10; 11]. Тем не менее они же писали, что и не вводить войска было нельзя.

Анализируя развитие постсоветской историографии афганской войны, необходимо отметить: несмотря на присутствующий плюрализм оценок, тем не менее чётко выявляется связь позиции исследователей с доминирующим общественным мнением.

«Моральное и политическое» осуждение участия сил ОКСВ в Афганистане Вторым съездом народных депутатов СССР² формировало негативное общественное мнение. Об этом свидетельствуют и данные социальных опросов. Согласно опросу, проведённому в декабре 1989 г. среди примерно 15 тыс. респондентов (половина из которых прошла войну в Афганистане), пребывание советских войск в Афганистане оценивают как «выполнение интернационального долга» 35% респондентов-ветеранов и только 10% респондентов из невоенных групп. 19% ветеранов и 30% не военнослужащих считали войну «дискредитирующей понятие интернационального долга», тогда как 17% ветеранов и 46% не военнослужащих назвали её «нашим позором». С другой стороны, 17% ветеранов выбрали

ответ «Горжусь!». Этот ответ выбрали только 6% не военнослужащих [12].

Особенности современной историографии Афганской войны

Важно обратить внимание на то, что оценки афганских событий в 2000-х гг. опять заметно изменились. К 30-летней годовщине вывода советских войск из Афганистана центр аналитики «Левада-центр»³ провёл социальный опрос среди 1 600 респондентов, а также сравнение с подобными опросами в 1991, 2014 и 2019 гг. Если в 1991 г. всего 3% считало необходимым ввод советских войск в Афганистан, то в 2019 г. количество таких людей выросло до 25%. Больше респондентов стали сомневаться при вопросе «Нужно или не нужно было вводить советские войска в Афганистан в декабре 1979 г.?», в 2019 и 2014 г. таких было 20% и 23% соответственно. В 1991 г. 69% опрошенных считали ввод войск военным преступлением, тогда как в 2014 г. таким образом ответили только 44%.

В 2018 г. с трибуны Государственной думы уже звучали предложения о пересмотре оценки ввода советских войск⁴. Однако официального пересмотра оценки не произошло и по сей день.

Накопление и расширение доступа к источниковой базе, а также влияние неудачных рыночных реформ и негативные последствия внешней политики, направленной на сближение с Западом, приводят к изменениям в оценке афганской войны в общественном мнении (данные опроса). И это отчётливо коррелирует и с новым этапом развития историографии. Проблема становится глубже и разностороннее, и изменения в оценках Афган-

¹ Взлёт и падение маршала Огаркова. К 105-летию со дня рождения выдающегося советского военачальника // История.рф: [сайт]. URL: <https://histrf.ru/read/articles/vzlet-i-padenie-marshala-ogarkova-k-105-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-vydayushchegosovetskogo-voenachalnika> (дата обращения: 17.07.25).

² Второй Съезд народных депутатов СССР: 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. 4. М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1989. С. 616.

³ Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

⁴ В Госдуме предложили пересмотреть оценку ввода советских войск в Афганистан // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20181121/1533259696.html> (дата обращения: 19.04.25).

ской войны обществом создаёт новые запросы у исследователей.

Одной из особенностей современной историографии Афганской войны является более обширный взгляд на события пребывания там ограниченного контингента советских войск. М. А. Конаровский – известный советский афганист в ходе рассматриваемых событий был послом в ДРА. По его мнению, ввод в Афганистан ограниченного контингента нельзя рассматривать «вне контекста развития обстановки того периода как в этой стране, так и на международной арене» [13, с. 38]. СССР оказался в сложном международном положении и пытался активно выйти из него. Автор приводит примеры конференций под эгидой ООН, которые инициировал Советский Союз. Например, в 1982 г. предлагались не прямые переговоры между Кабулом и Исламабадом. Однако до 1986 г. переговоры велись, большей частью, формально и не приводили к каким-либо результатам [13, с. 40]. С. М. Акимбеков тоже придерживается данного мнения и, выделяя причины ввода войск, рассматривает международную обстановку, что сложилась в Средней Азии к 1979 г. [14]. В Иране произошло свержение шахского правительства, и власть взяла новая исламская администрация. Советский Союз рассматривал данное событие как потерю позиций США в регионе, на что в ответ усиливал своё влияние в Афганистане. Потеря власти НДПА в Афганистане грозила СССР ещё одной репутационной потерей после Египта (1978–1979 гг.) и Сомали (1977 г.). Советское руководство недооценило возможную реакцию на отправку ОКСВ. Этому способствовала политика администрации Д. Картера в отношении событий в Иране в 1978–1979 гг. «В СССР могли прийти к выводу, что если Вашингтон согласился с потерей влияния в крупнейшей стране региона – Иране, то, в конце концов, примирится и с советским вторжением в Афганистан» [14, с. 314–315].

Ещё одной особенностью современной историографии является использование ранее недоступных источников. В своей работе В. М. Топорков «Афганистан: советский фактор в истоках кризиса» [15] активно привлекает материалы из рассекреченных архивных фондов РГНИ (а именно, 89-й фонд), а также документы КПСС и НДПА. Это позволяет ему представить более детальный и объективный анализ событий, связанных с апрельской революцией 1978 г. и последующим вводом советских войск в Афганистан. Также А. А. Костыря в своей монографии «Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.)» [16] предлагает детальный анализ источников и литературы по теме.

В. М. Топорков в своей монографии сочетает политический, социально-экономический и военно-стратегический анализы, предлагает новые интерпретации ключевых событий. Если в историографии 1990-х гг. апрельская революция 1978 г. рассматривалась как полная неожиданность для Советского Союза, то исследователь выявляет, что советская сторона оказывала значительную поддержку НДПА, что сыграло ключевую роль в подготовке и осуществлении апрельского переворота 1978 г. [15, с. 67].

Крупными исследователями вопросов, связанных с участием советских войск в Афганистане, являются кандидат исторических наук, профессор МГИМО и РАНХиГС Е. Г. Никитенко и кандидат исторических наук Н. В. Киселёв. Ими выпущена объёмная аналитическая работа «Правда об Афганской войне (историко-архивный очерк)» [17]. Особенностью работы является межпредметный анализ. Помимо военного, политического аспекта участия советских воинов-интернационалистов авторы уделили внимание военной медицине, её роли в данном конфликте. Часть работы посвящена боевому и тыловому обеспечению, а также непосредственно действию ограниченно-

го континента советских войск. Исследуется эволюция ведения боевых действий, включая ошибки командования, проблемы с разведкой и снабжением. Этот аспект соответствует современным военно-историческим исследованиям, анализирующим боевой опыт Афганистана в контексте развития российской армии. Например, командованию Туркестанского военного округа приходилось в условиях крайней спешки перебрасывать части на юг, в Афганистан. После приказа о вводе ограниченного контингента на местах обнаружилось, что большинство автомобилей устарели и с большим пробегом [17, с. 94–97]. Авторы проводят анализ официальных приказов, докладов, разведсводок и воспоминаний участников, что делает их труд важным вкладом в научную историографию. Подобный подход характерен для работ, направленных на деконструкцию мифов и объективное изучение войны. Война рассматривается не только как борьба с моджахедами, но и как часть глобального противостояния СССР и США. В отличие от традиционной советской версии о выполнении «интернационального долга» исследователи делают акцент на сложных дипломатических и военно-политических решениях руководства страны. Уделено внимание сложной межнациональной ситуации в Афганистане, которая обострилась с вводом советских войск, в составе которых было много узбеков и таджиков. Их пребывание в составе ОКСВ вносило раскол между пуштунами (титутная нация, большинство населения) и остальными народами. В. Н. Никитенко и Н. В. Киселёв рассматривают влияние Афганской войны на внутреннюю ситуацию в СССР, особенно на ослабление позиций государства и рост антивоенных настроений. Такой анализ характерен для современных историков, изучающих войну в контексте кризиса позднего Советского Союза.

После распада СССР появилась критическая оценка этой войны, в т. ч. в трудах военных историков и мемуарах участников событий. В 2000-е и 2010-е гг. акцент сместился на объективное изучение роли ОКСВ, с учётом героизма советских военнослужащих и сложностей, вызванных политическими и военными решениями. М. А. Кокорев (автор многих работ, посвящённых теме Афганистана) в своей работе «Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана» [18] указывает следующие причины ввода войск:

1) если в начале 1979 г. советское руководство не планировало отправлять армию в Афганистан, то к декабрю ситуация сильно меняется. Исламская оппозиция всё более радикализируется и социальный конфликт в Афганистане перерастает, по сути, в гражданскую войну [18, с. 69];

2) свержение Н. Тараки и приход к власти Х. Амина беспокоят Советский Союз. Новый лидер Афганистана заявляет, что готов идти на сближение с враждебными СССР Ираном, Пакистаном и США [18, с. 72];

3) исламскую оппозицию в ДРА активно поддерживают внешние силы. Операция «Циклон», направленная на дестабилизацию положения в стране, проводилась с начала 1979 г. [18, с. 73];

4) рост опасности мирового исламизма;

5) идеологическая причина – поддержка Советской стороной дружественного режима, с которым были подписаны соглашения о защите. Сохранение авторитета в социалистическом лагере.

Данные причины отличаются от тех, что приводятся в историографии 1990-х гг., что говорит о более комплексном изучении данного вопроса. Помимо прочего, стоит отметить, что М. А. Кокорев не является непосредственным участником событий, что тоже можно отметить как новую особенность данного историографического периода.

Заключение

Историографию участия ОКСВ в Афганистане можно разделить на 3 основных периода: советский, постсоветский (1990-е гг.) и современный (2000-е и до наших дней). Советский период характеризуется наличием идеологического давления и политизированностью. В прессе того времени отражение участия советских войск можно увидеть только с началом перестройки и политики гласности (с 1985 г.). Причём не в полном объёме: что писать и о чём строго регулировалось. Ю. В. Ганковский в своей работе вообще не упоминает о советских войсках на территории ДРА. С другой стороны, идеологический контроль и цензура во многом воздерживали авторов от необоснованной критики, излишних эмоциональных оценок. Данные негативные черты проявятся в следующем периоде историографии. В конце 1980-х гг. появились новые интерпретации событий, но значительная часть архивных материалов оставалась засекреченной.

В историографии 1990-х гг. появились статьи с более критическим взглядом на причины ввода войск и последствия войны. Растёт публикаций мемуаров, воспоминаний участников войны. Оценки стали более негативными, особенно после осуждения войны на Втором съезде народных депутатов СССР. Что частично объясняется изменением общественного мнения, которое склонялось к осуждению участия СССР в войне. Ставится под сомнение целесообразность ввода войск многими авторами монографий. Отсюда можно заметить в целом негативную оценку событий, которая вторит общественной повестке перестройки, когда было принято критиковать армию и партию. Подчёркивается, что вводить было ошибкой, но и не вводить было нельзя. Публикуются первые документы, посвящённые данной тематике, за счёт служебного положения авторов работ. Для широкого круга исследователей официальных источников и документов в этом

периоде крайне мало. Заметно накапливается фактический материал, в основном он базируется на мемуарах и воспоминаниях самих участников, отсюда и не всегда соблюдающийся принцип историзма.

Отличия современной историографии Афганистана от предыдущих периодов:

1. большая часть исследователей – участники конфликта. За прошедшие два десятилетия XXI в. накопилось большое количество мемуаров участников, фактического материала.

2. меньшая политизированность, т. к. прошло уже некоторое время;

3. большее количество источников; в РГАНИ уже существует целый рассекреченный фонд, посвящённый Афганистану (РГАНИ. Ф. 89); однако пока в этот фонде рассекречены документы, касающиеся переговоров лидеров ЦК КПСС и НДПА перед отправкой Советских войск);

4. в контексте развитие исторической науки в целом в вопросе Афганской войны появляется метапредметное изучение. Авторы всё чаще выбирают комплексные подходы, что позволяет им дать более объективную оценку данного события;

5. появляются исследователи, которые не имеют прямого отношения к периоду действия советских войск в Афганистане

Современная отечественная историография Афганской войны стремится к комплексному, объективному и многоплановому анализу событий, выходя за рамки прежних идеологических оценок. Важно отметить, что сохраняющуюся ограниченность к законодательным актам и делопроизводственной документации (включая статистику) исследователи компенсируют анализом публицистических произведений (от литературных до агитационно-пропагандистских изданий), мемуаров, дневников, писем и т. п. источников личного происхождения. Таким образом, на современном этапе развития историографии ключевую роль играют именно оценки участников событий, которые к тому же в ряде случаев выступают и авторами научных трудов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганковский Ю. В. Полоса пуштунских племен Афганистана // Специальный бюллетень. 1987. № 6. С. 1–226.
2. Кошкин А. П. Героико-патриотическое воспитание в войсках при выполнении воинского долга в Афганистане (по опыту выполнения воинского долга в Республике Афганистан 1979–1985 гг.). Ташкент, 1990. 118 с.
3. Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1982. 368 с.
4. Тимофеев В. И. О политической цензуре в период войны в Афганистане // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 313–320.
5. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: Искона, 1995. 648 с.
6. Ляховский А. А. На Афганской выжженной земле // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 18. С. 52–61.
7. Ляховский А. А. На Афганской выжженной земле // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 19. С. 73.
8. Ахромеев С. В., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992. 318 с.
9. Гареев М. А. Моя последняя война. М.: НПО "ИНСАН", 1996. 431 с.
10. Громов Б. В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс, Культура, 1994. 352 с.
11. Гуров В. А. Чтобы знали и помнили: роль России в разрешении вооруженных конфликтов (1988–2020 гг.). М.: Директ-Медиа, 2021. 457 с.
12. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
13. Конаровский М. А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. 38 с.
14. Акимбеков С. М. История Афганистана. Астана – Алматы: ИМПЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 314 с.
15. Топорков В. М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. 319 с.
16. Костыря А. А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.). К.: МИЦ «Мединформ», 2008. 596 с.
17. Правда об Афганской войне (историко-архивный очерк) / Е. Г. Никитенко, Ю. В. Немытин, Н. В. Киселёв, А. П. Музенко. М.: ИП Козлов Р.В., 2021. 410 с.
18. Кокорев М. А. Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана. Саратов: КУБиК, 2022. 420 с.
19. 35 лет окончания боевых действий в Афганистане: сб. / сост. А. В. Берлов. М.: Граница, 2024. 143 с.
20. Фоменко П. П. Опыт спец пропаганды среди мятежников и населения Афганистана в ходе боевых действий ОКСВ (1979–1989 гг. и его применение в СВО: (к 35-летию вывода ОКСВ из Афганистана) // Военный академический журнал. 2024. № 2. С. 151–160.

REFERENCES

1. Gankovsky, Yu. V. (1987). The Strip of Pashtun Tribes of Afghanistan. In: *Special Bulletin*, 6, 1–226 (in Russ.).
2. Koshkin, A. P. (1990). *Heroic-patriotic education in the troops during the performance of military duty in Afghanistan (based on the experience of performing military duty in the Republic of Afghanistan in 1979–1985)*. Tashkent (in Russ.).
3. Gankovsky, Yu. V. (1982). *History of Afghanistan from Ancient Times to the Present Day*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
4. Timofeev, V. I. (2018). On political censorship during the war in Afghanistan. In: *Social and humanitarian knowledge*, 8, 313–320 (in Russ.).
5. Lyakhovsky, A. A. (1995). *Tragedy and Valor of Afghanistan*. Moscow: Iskona Publ. (in Russ.).
6. Lyakhovsky, A. A. (1990). On the Afghan Scorched Earth. In: *Communist of the Armed Forces*, 18, 52–61 (in Russ.).
7. Lyakhovsky, A. A. (1990). On the Afghan Scorched Earth. In: *Communist of the Armed Forces*, 19, 73. (in Russ.).

8. Akhromeyev, S. V. & Kornienko, G. M. (1992). *Through the Eyes of a Marshal and Diplomat. A Critical Look at the Foreign Policy of the USSR Before and After 1985*. Moscow: International Relations Publ. (in Russ.).
9. Gareyev, M. A. (1996). *My Last War*. Moscow: NPO INSAN Publ. (in Russ.).
10. Gromov, B. V. (1994). *Limited contingent*. Moscow: Progress Publ., Culture Publ. (in Russ.).
11. Gurov, V. A. (2021). So that they know and remember: the role of Russia in resolving armed conflicts (1988–2020). Moscow: Direct-Media Publ. (in Russ.).
12. Senyavskaya, E. S. (2006). *Russia's opponents in the wars of the 20th century*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
13. Konarovskiy, M. A. (2020). *Afghanistan at the turn of the century: a new crossroads of fate*. Moscow: MGIMO-University Publ. (in Russ.).
14. Akimbekov, S. M. (2015). *History of Afghanistan*. Astana – Almaty: IMPEP under the First President's Fund Publ. (in Russ.).
15. Toporkov, V. M. (2014). *Afghanistan: the Soviet factor in the origins of the crisis*. Cheboksary: CNS "Interactive Plus" Publ. (in Russ.).
16. Kostyrya, A. A. (2008). *Historiography, source studies, bibliography of the USSR special operation in Afghanistan (1979–1989)*. K.: MITs "Medinform" Publ. (in Russ.).
17. Nikitenko, E. G., Nemytin, Yu. V., Kiselev, N. V. & Muzenko, A. P. (2021). *The truth about the Afghan war (historical and archival essay)*. Moscow: IP Kozlov, R. V. Publ. (in Russ.).
18. Kokorev, M. A. (2022). *The height of courage: the feat of the Soviet internationalist soldier on the soil of Afghanistan*. Saratov: KUBiK Publ. (in Russ.).
19. Berlov, A. V., ed. (2024). *35 years since the end of hostilities in Afghanistan: collection of articles*. Moscow: Granitsa Publ. (in Russ.).
20. Fomenko, P. P. (2024). Experience of special propaganda among rebels and the population of Afghanistan during the military operations of the OKSV (1979–1989) and its application in the SVO: (on the 35th anniversary of the withdrawal of the OKSV from Afghanistan). In: *Military Academic Journal*, 2, 151–160 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Задоя Николай Антонович (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения, учитель истории и обществознания школы № 2053;
e-mail: zadoya1998@gmail.com; ORCID: 0009-0007-2623-5560

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Zadoya (Moscow) – Postgraduate student, Department of Russian History, Federal State University of Education, Teacher of History and Social Science, School no. 2053;
e-mail: zadoya1998@gmail.com; ORCID: 0009-0007-2623-5560

Научная статья

УДК 327:323.28

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-119-129

ОСОБЕННОСТИ РАДИКАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ И БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Ларина Ф. Ш.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

Российский государственный гуманитарный университет

г. Москва, Российская Федерация

Московский Психолого-Социальный Университет,

г. Москва, Российская Федерация

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: flora.larina@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3455-7881

Поступила в редакцию 04.04.2025

После доработки 22.04.2025

Принята к публикации 06.05.2025

Аннотация

Цель. Анализ и изучение борьбы с международным терроризмом, а также связи между возникновением и распространением радикальных течений и международным терроризмом.

Методы. Проведены сравнительный анализ особенностей функционирования радикальных течений, их взаимосвязь с международным терроризмом и США. Рассмотрены современные инструменты борьбы с международным терроризмом. Проанализировано влияние США и радикально настроенных террористических организаций на дестабилизацию ситуации в мире, в особенности на такие регионы, где есть сырьевые ресурсы, необходимые для США. В работе использованы методы исследования: исторический, логический, обобщения и анализа информации.

Результаты. Выявлены связи, касающиеся деятельности США по вмешательству во внутренние дела государств, обладающих богатыми источниками природных ресурсов. Установлены факты, что радикальные организации создаются спецслужбами США для разжигания внутри стран ненависти, радикализации населения. Определено, что самым продуктивным методом борьбы с международным терроризмом является предотвращение условий для его развития и распространения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы работы могут быть использованы для подготовки занятий, написания монографий и учебников по политологии, международным отношениям, международной безопасности, геополитике.

Ключевые слова: международный терроризм, радикальные течения, геополитика, международное право, современный мир, сырьевые ресурсы, влияние США

Для цитирования:

Ларина Ф. Ш. Особенности радикальных течений и борьба с международным терроризмом в современной геополитике // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 119–129.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-119-129

Original research article

THE FEATURES OF RADICAL MOVEMENTS AND THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM IN MODERN GEOPOLITICS

F. Larina

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation*

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

*Moscow Psychological and Social University,
Moscow, Russian Federation*

*Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
Moscow, Russian Federation*

e-mail: flora.larina@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3455-7881

Received by the editorial office 04.04.2025

Revised by the author 22.04.2025

Accepted for publication 06.05.2025

Abstract

Aim. The purpose of this article is to analyze and study the fight against international terrorism, as well as the relationship between the emergence, spread of radical movements and international terrorism.

Methodology. The analysis is based on a comparative analysis of the features of the functioning of radical currents, their relationship with international terrorism and the USA. As well as modern methods of combating international terrorism. The research methods are analysis of the influence of the USA on the spread of terrorism, a combination of such methods as historical, logical and generalization of information. The article analyzes the influence of the US and radical terrorist organizations on destabilizing the situation in the world, especially in those regions where there are raw materials necessary for the US.

Results. Links have been identified with US activities to interfere in the internal affairs of states possessing rich natural resources. During the study, it was established that radical organizations are created by US special services to incite hatred within countries and radicalize the population. It has been established that the most productive method of combating international terrorism is to prevent conditions for its development and spread.

Research implications. The analytical article can be used for preparation of classes, writing monographs and textbooks on political science, international relations, international security, geopolitics.

Keywords: international terrorism, radical currents, geopolitics, international law, modern world, raw materials, US influence

For citation:

Larina, F. Sh. (2025). The features of radical movements and the fight against international terrorism in modern geopolitics. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 119–129.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-119-129

Введение

Тема, касающаяся терроризма как политического явления, присутствует в мире достаточно долго. Но когда закончилась холодная война, террористические ячейки приступили к активному созданию своей разветвлённой сети в мировом масштабе. Политика США способствовала данному процессу. Вследствие чего терроризм стал носить международный масштаб. На данный период времени террористическая активность возросла [1, с. 5]. Несмотря на большое количество литературы, по данной теме очень мало исследований, в которых анализируется связь США с созданием радикальных террористических организаций.

В ряду авторских исследований на тему терроризма на Ближнем Востоке важное место занимают труды доктора юридических наук, профессора, членкора РАН В. С. Христофорова.

Исключительно важное значение для анализа имеет геополитический, внешний фактор: влияние международных игроков, финансовая и военная поддержка со стороны США, Великобритании, Китая, Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, Египта. Этот фактор имеет непосредственное отношение к текущей террористической активности [2, с. 14].

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, финансирования терроризма являются неотъемлемым элементом государственной политики, направленной на обеспе-

чение государственной и общественной безопасности¹.

Борьба с международным терроризмом в современной геополитике

В имеющейся мировой и отечественной научной литературе существует точка зрения, что анализ и исследование методов борьбы с международным терроризмом в геополитическом ракурсе поможет изучить наиболее эффективные способы нейтрализации существующих радикальных течений и международных террористических организаций.

Распад СССР и социалистического лагеря, образование новых независимых государств и их включение в мировую политику к концу XX в. ещё более усилили потребность в геополитических исследованиях [3, с. 162].

Серьёзную опасность для стабильного развития Российской Федерации и всего мирового сообщества в современном мире представляет международный терроризм [4, с. 103].

Масштаб мира на данный момент очень сильно расширился, это коснулось многих сфер. Современный мир расширился в пространстве и времени. Политические процессы в мире, сопровождаемые огромным количеством конфликтов, направленных на получение доступа к рынку полезных ископаемых, т. е. сырья, породили демографические кризисы, социальные и экономические потрясения, а также коснулись миграционных потоков

¹ Пункт 47 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

из Азии и Африки в Европу, что, в свою очередь, стало причинами распространения терроризма [5, с. 13].

Необходимо обратить внимание не только на Ближний Восток, но и на регион Индийского океана, т. к. и здесь существуют угрозы безопасности: торговля оружием, наркотиками, людьми, контрабанда, международный терроризм, кража нефти, пиратство, браконьерство (рыба), незаконная добыча полезных ископаемых, загрязнение путём незаконного сброса твёрдых и опасных отходов в море¹.

Систему никогда нельзя победить в плане реального, поскольку реальное системы всегда оказывается воображаемым.

Единственный феномен, являющийся близким явлению массы в качестве уничтожения социального – это терроризм. Терроризм носит характер отрицания социума, правил и не имеет смысла. «Современный терроризм держит под прицелом социальное в ответ на терроризм социального»². Таким образом, деятельность террористов не несёт в себе конкретной цели, не имеет конкретного врага, поэтому отражает систему, где отсутствуют отличия, касающиеся целей и средств их достижения³.

Начиная с того времени, когда государственная власть стала носить правовой характер и получила возможность реализовывать интересы элиты, её интересы стали причиной борьбы за власть между теми силами (элитой), у которой её на тот момент времени не было⁴.

Сегодня Кавказ представляет собой регион, где существует повышенная опасность возникновения террористических ячеек, т. к. имеется большая группа факторов, образующих собой структуру, влияющую на историю Кавказа, – геостратегических, социально-политических, экономических, этнических, религиозных, идеологических, культурологических, психологических и др. И так как Кавказ занимает интересное географическое положение, то можно утверждать, что он является мостом, связывающим между собой Европу с Азией, Севером и Югом⁵.

Исследование взаимосвязи влияния США на распространение международного терроризма и радикальных движений в мире

Современный миф, касающийся политики США: американцы, развязав военные действия в Афганистане, ошиблись; Вашингтон преследовал благие цели.

Однако разрушительные последствия вмешательства США мы видим в Ираке, Ливии, на Ближнем Востоке. Войны, явные и скрытые, теперь не исключительные события, а стали частью реальности современного мира. Теперь война для США – самоцель⁶.

Компания *Blackwater* во всём мире стала синонимом безудержного роста частного военного подряда, жестоких убийств мирных граждан других государств, а также полного нежелания США предотвращать данные факты. Безнаказанная бойня в Ираке (Багдад, площадь Нисур) 16 сентября 2007 г., унёсшая жизни 17 мирных граждан Ирака, явилась причиной того, чтобы весь мир увидел истинное лицо *Blackwater* – американскую

¹ Зеленева И. В. Индийский океан и мировая политика в XXI веке: учеб. пособие. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 22.

² Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Электронный ресурс]. URL: archive.org/details/513256-2000 (дата обращения: 28.03.2025).

³ Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 138, 142, 143, 144.

⁴ Багай А. В. Современные радикальные организации США: особенности идеологий и информационной деятельности. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 11.

⁵ Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону, изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 192.

⁶ Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы – Земля / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. М.: Кучково поле, 2015. С. 7.

жестокость и насилие в тех странах, которые не захотели покориться Вашингтону¹.

Также необходимо отметить важность следующих процессов в мировой системе, способствующих возрастанию влияния международного терроризма: в мире, где происходит усиление военной активности и нестабильности, в некоторых регионах существует опасность обострения различных конфликтов, а также усиливается расслоение общества, получают распространение экстремистские идеи.

На данный период одни из опаснейших регионов в мире – страны Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии [6, с. 7].

За период нахождения талибов у власти в Афганистане мир увидел многочисленные факты нарушения прав человека, женщин, детей, а также распространение наркотических средств. Данные факты создали условия для напряжённости в регионе, способствовали распространению радикализма, терроризма, наркотиков [7, с. 106].

К началу 2015 г. в Ираке и Сирии возникла ситуация, способствовавшая распространению терроризма, исходившая от исламистской террористической организации «Исламское государство» (террористическая организация, запрещённая в России с 29 декабря 2014 г.).

Против Сирии была выставлена первая в мире армия террористов, в которую входили приблизительно 3000 граждан России, впоследствии планировавшие организовывать на территории РФ террористические акты.

Международные террористы стремились к созданию своего государства «Ирак и Леванта» с целью грабительских акций, работорговли, а также контроля денежных потоков, полученных от нелегального сбыта сырьевых ресурсов².

Терроризм – это угроза национальной и международной безопасности [8, с. 5].

Тенденции к радикализации общества приобретают распространение из-за следующих социальных явлений: отсутствие работы среди молодёжи, нищета и бедность, коррупция, рост цен на продукты, а также пропаганда архаичных воззрений, касающихся религии [9, с. 99].

Ситуация на Ближнем Востоке и Северной Африке продолжает накаляться из-за того, что США осуществляют свою разрушительную политику с целью добиться доминирования и захватить большие территории с запасами энергетических ресурсов.

Итог – превращение процветающих государств в страны с нищим населением, охваченными военными конфликтами, а в отдельных случаях и оказывающихся на грани гуманитарной катастрофы. Такие страны становятся прибежищем для террористов. На этом деструктивном фоне Вашингтон захватывает природные ресурсы и богатства.

За всеми этими событиями стоят Соединённые Штаты и их союзники, которые с помощью технологий поддержания «управляемого хаоса» и при задействовании ими же созданных «оппозиционных сил», а также радикальных и террористических группировок проводят политику трансформации в регионе. Наиболее ярко данные сценарии мы наблюдаем в Ираке и Ливии.

Западные страны под эгидой США разрушили Ирак (основанием для противоправного вторжения был абсурдный предлог – будто у С. Хусейна было химическое оружие). За время двух американских вторжений погибло более 110 тыс. иракцев, из них, примерно 12 тыс. детей. Американцы применяли против мирного гражданского населения боеприпасы с обеднённым ураном, что впоследствии

¹ Скейхилл Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина. М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015. С. 7.

² Араев С. И., Шляхтунов М. А., Ювченко М. С.

Применение Вооружённых Сил Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом в Сирийской Арабской Республике (2015–2021 гг.): учеб. пособие. М.: Изд-во МАИ, 2021. С. 3, 6, 21.

послужило причиной роста раковых заболеваний.

В результате данных преступлений США в Ираке возникла радикальная террористическая организация – ИГИЛ. Важно отметить, что в период нахождения у власти С. Хусейна в Ираке не было террористов. Сейчас в Ираке находится около 3 тыс. игиловцев и боевиков. Это приводит к совершению террористических атак, а страдают и умирают от них мирные граждане. И на этом разрушительном фоне США и европейские страны пользуются запасами нефти и газа, принадлежащими гражданам Ирака.

Ливия, когда-то процветающая страна Африки, за несколько месяцев в результате бомбардировок США утратила свой суверенитет. Умерло больше 50 тыс. человек, из них, около 5 тыс. детей. Экономика Ливии разрушена. Однако западные страны удерживают у себя в банках более 80 млрд долл., принадлежащих Ливии и способных восстановить её и помочь народу Ливии.

Начиная с 2011 г., Сирия находится в постоянном политическом кризисе, который всё более усугубляется [10, с. 176].

Западные страны с 2011 г. по отработанной схеме расшатывали ситуацию внутри Сирии с целью смены власти и захвата ресурсов. Поставляли финансы и вооружение своей карманной оппозиции и радикальным группировкам – «Джабхат ан-Нусра», ИГИЛ и др. Ситуацию переломила пришедшая на помощь сирийскому правительству Российская Федерация.

Но западные страны и в настоящее время через созданные ими террористические структуры продолжают дестабилизировать ситуацию в Сирии. На территориях, где осуществляют контроль американцы (восточный берег р. Евфрат, зона «Эт-Танф»), на базах США идёт подготовка террористических групп. В частности, американские инструкторы продолжают обучение боевиков сирийской вооруженной оппозиции («МАГАВИР АС-САУРА» и «ДЖЕЙШ МЕДЖЛИС

АЛЬ-АШАЕР») с целью ведения диверсионной деятельности на территории Сирии.

Спецслужбы Запада через подконтрольные неправительственные организации оказывают всестороннюю помощь находящимся в Сирии радикальным группировкам «ХЕЙАТ ТАХРИР АШ-ШАМ», «ХУРАС АД-ДИН», «АД-ЖНАД АЛЬ-КАВКАЗ» и «КЯТИБА АЛЬ-МУХАДЖИРИН».

Данные факты свидетельствуют о том, что деятельность Международной анти-террористической коалиции в Сирии и Ираке является в значительной степени декларативной. Реально коалиция мало что сделала для искоренения терроризма в этих странах. К распыренному Западом операциям по взятию занятых террористами городов Мосул и Ракка коалицию во главе с США подтолкнули только успехи Вооружённых Сил Российской Федерации по разгрому ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры» в Сирии. При этом оба города были полностью разрушены с большим количеством жертв среди мирного населения.

При этом Белый дом, постоянно декларирующий свою поддержку гуманитарному содействию, под любыми предлогами ограничивает поставки в Сирию даже продовольствия и медикаментов.

На северо-западе Сирийской Арабской Республики в Идлибской зоне деэскалации Запад пытается «законсервировать оплот» вооружённой оппозиции. При этом в анклав продолжают свою террористическую деятельность группировка «ХЕЙАТ ТАХРИР АШ-ШАМ» и другие связанные с ней радикальные экстремистские организации численностью более 18 тыс. человек.

Можно сделать вывод, что США усугубляют нестабильность на Ближнем Востоке и в Северной Африке, используя созданные ими и их союзниками террористические группировки¹. В настоящее

¹ Тезисы выступления начальника Главного управления ГШ ВС РФ на X Московской конференции

время именно с территории США поступают основные финансовые и идеологические ресурсы террористической деятельности [11, с. 10].

Политика Соединённых Штатов по созданию террористических группировок на территории других стран связана с тем, что к середине века почти 2/3 американцев столкнутся с опасной жарой, а в некоторых регионах на юге ожидается, что более 70 дней подряд температура превысит 100 F (~38°C). То есть им необходима новая территория, на которой они смогут проживать.

Лето 2022 г. стало одним из главных претендентов на звание самого жаркого в истории Техаса. Техасцы потребляли рекордное количество электроэнергии, чтобы сохранять прохладу.

Ожидается, что на большей части территории Соединённых Штатов миллионы людей будут испытывать экстремальные температуры чаще и в течение более длительных периодов времени – угроза, которая будет расти по мере усугубления изменения климата¹.

На совместном брифинге в Совете Безопасности официальные лица ООН по борьбе с терроризмом подтвердили, что угроза, исходящая от боевиков-террористов ДАИШ и связанных с ними организаций, остаётся «глобальной и развивающейся». «ДАИШ и его филиалы продолжают использовать динамику конфликта, неустойчивость управления и неравенство для подстрекательства, планирования и организации террористических атак», – заявил глава ООН по борьбе с терроризмом В. Воронков, представляя 15-й доклад Генерального секретаря.

по международной безопасности на тему: «Нарастание факторов нестабильности в странах Ближнего Востока и Северной Африки как следствие деструктивной политики США».

¹ More dangerous heat waves are on the way: See the impact by Zip code // Washington Post: [сайт]. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/interactive/2022/extreme-heat-risk-map-us/> (дата обращения: 28.03.2025).

Террористы используют цифровое пространство для вербовки сочувствующих и «значительно» увеличили использование беспилотных авиационных систем в Северном Ираке. Успех расширения экспансии ДАИШ в Ираке, Сирии и районах Африки, которые до недавнего времени в значительной степени избегали нападений, отчасти объясняется децентрализованной структурой. Боевики действуют в Ираке, в Сирии, а также за пределами основной зоны конфликта – в частности, в Афганистане, Сомали и в бассейне оз. Чад. Граница между Ираком и Сирией остается крайне уязвимой: в этом районе действуют около 10 тыс. боевиков. В апреле 2022 г. группа запустила глобальную кампанию, чтобы отомстить за высокопоставленных руководителей, убитых в ходе контртеррористических операций.

Тем временем в Африке происходит расширение ДАИШ в центральной, южной и западной частях континента. Один филиал из Уганды расширил свои операции на Демократическую Республику Конго, а другой, после того, как был выбит в результате военных действий в 2021 г., активизировал мелкокомасштабные атаки в мозамбикской провинции Кабу-Дельгаду. Расширение затронуло даже прибрежные страны Гвинейского залива, которые ранее были избавлены от насилия.

Что касается финансирования, то лидеры ДАИШ распоряжаются активами на сумму от 25 до 50 млн долларов, что значительно меньше, чем предполагалось 3 года назад².

После 3 дней кровопролитных боёв между Израилем и палестинскими боевиками «Исламского джихада» в Газе Совет Безопасности ООН провёл экстренное заседание, чтобы оценить хрупкое перемирие. Т. Веннесланд, специальный

² Daesh, affiliates remain 'global and evolving' threat, Security Council hears // United Nation: [сайт]. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/08/1124282> (дата обращения: 28.03.2025).

координатор ближневосточного мирного процесса, призвал все стороны соблюдать соглашение, в то время как делегаты осудили преднамеренные нападения на гражданских лиц, особенно детей.

Необходимо предпринимать коллективные усилия по установлению режима прекращения огня. ООН находится в тесном контакте со всеми сторонами, чтобы закрепить перемирие и гарантировать, что значительные успехи, достигнутые с мая 2024 г. в отношении ослабления ограничений, могут быть сохранены и в конечном итоге расширены.

Напомним, что палестинский «Исламский джихад» преднамеренно выпустил 1100 ракет по израильскому гражданскому населению, из которых примерно 200 упали в секторе Газа. «Это не оценка. Это суровая правда, и у Израиля есть все доказательства»¹. Имеются видеозаписи, радиодоказательства и журналы миссий, которые доказывают, что гибель детей в Гевалии была результатом ракетного обстрела.

Заседание Совета Безопасности ООН 15 декабря 2022 г., посвящённое терроризму, началось с отрезвляющего напоминания об опасности, которую представляет эта постоянная угроза международному миру.

Глобальная угроза, исходящая от терроризма, требует не только постоянного внимания Совета, но и нового коллективного подхода: «Несмотря на продолжающиеся потери лидерства со стороны “Аль-Каиды” и ДАИШ [также известного как ИГИЛ], терроризм в целом стал более географически распространённым, затрагивая жизни миллионов людей во всём мире. Эти группы и их филиалы продолжают использовать нестабильность и конфликты, особенно в таких регионах, как Западная Африка и Сахель, где ситуация остаётся неотложной. Их операции

также способствовали ухудшению ситуации с безопасностью в Центральной и Южной Африке и в других местах.

Террористические группы остаются в Афганистане, где они по-прежнему представляют серьёзную угрозу для региона и за его пределами. Ксенофобские теракты участились. Более того, вызывает беспокойство тот факт, что власти де-факто не смогли разорвать давние связи с террористическими группировками, укрывающимися в стране, несмотря на требования этого Совета»².

Террористы «адаптируются оппортунистически». Они прибегают к методам незаконного финансирования и другой преступной деятельности, что затрудняет принятие скоординированных международных мер. Отмечен рост террористических атак на почве ксенофобии, расизма и других форм нетерпимости или во имя религии или убеждений: «Хотя это и не новое явление, некоторые государства-члены считают это самой быстрорастущей или даже самой заметной угрозой внутренней безопасности, с которой они сталкиваются»³.

В ноябре 2022 г. в Индии состоялось заседание Контртеррористического комитета ООН (КТК), где рассматривались новые технологии, используемые террористами в своих незаконных целях.

Обсуждения были сосредоточены вокруг 3 областей: интернет, включая платформы социальных сетей и связанные с ними онлайн-пространства; противодействие финансированию терроризма и новым платёжным технологиям, а также неправомерному использованию беспилотных авиационных систем. «Мы знаем, что сообщества, затронутые конфликтами, бедностью, неравенством, плохим управлением и нарушениями прав человека, более уязвимы для радикализации

¹ Fresh Israel-Palestinian Islamic Jihad truce prevents 'full-scale war' // United Nation: [сайт]. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/08/1124212> (дата обращения: 28.03.2025).

² Security Council examines rising terrorism threat globally // United Nations: [сайт]. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/12/1131752> (дата обращения: 28.03.2025).

³ Там же.

и вербовки... Если мы не устраним коренные причины, мы смиримся с тем, что будем снова и снова решать одни и те же проблемы безопасности»¹.

Заключение

Итак, можно сделать несколько важных выводов, касающихся взаимосвязи США с радикально настроенными террористическими организациями и их возникновением в странах с богатыми ресурсами.

Практически во всей исследованной литературе прослеживается взаимосвязь США с существующими радикальными движениями. Их целью является создание внутри стран с богатыми природными ресурсами беспорядков, разрушений и хаоса, а также распространение радикальных взглядов и создание террористических организаций. Однако американские политические и военные руководители не называют вещи своими именами. Разведывательные службы американцев засылают своих обученных агентов с целью дестабилизации. Благодаря террористическим режимам США рассчитывают запугать население, посеять хаос в стране, а после начать вооружённое вторжение с целью экономической и военной экспансии под предлогом борьбы с террористическими организациями, ими же и созданными. Таким образом, США уже в течение многих лет ведут тайную и необъявленную войну против стран, в которых есть природные ресурсы.

В США есть практика использования в странах с наличием необходимых им ресурсов единого алгоритма по распространению терроризма и радикальных течений для захвата власти. Обычно правительство США использует эту стратегию для того, чтобы свергать правительства, которые им не подчиняются, в странах

Азии, Африки, Латинской Америки и захватывать новые сферы влияния. Наглядные примеры – Ирак и Сирия².

США является геополитическим противником России в силу своего стремления ослабить и создать из России сырьевой придаток.

Наиболее эффективным способом борьбы с терроризмом является предотвращение распространения факторов, его вызывающих.

России необходимо расширять сферу своего сотрудничества и влияния в международных отношениях с целью стабилизации международной обстановки, оказывать помощь другим странам в области противодействия расширению влияния радикальных террористических организаций.

США используют доктрину Монро для осуществления своеобразного «протектората» над государствами³. Милитаристский курс, проводимый американцами, представляет серьёзную угрозу миру. Суть его – не считаясь с интересами других государств и народов, обеспечить Америке доминирующие позиции в мире⁴. Американские секретные службы осуществляют подрывную деятельность, организуя «тайную войну» против демократии и социального прогресса по всему миру. Политический террор используется американским ЦРУ и специальными службами их союзников в качестве оружия борьбы против стран с наличием ресурсов или выгодным геополитическим положением. Правительство США применяет террор в качестве инструмента своей государственной политики. Феномен терроризма и радикальных течений достиг нынешнего размаха не вследствие

¹ Security Council examines rising terrorism threat globally // United Nations: [сайт]. <https://news.un.org/en/story/2022/12/1131752> (дата обращения: 28.03.2025).

² Викрам. Необъявленная война Америки. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 6, 15, 20, 22.

³ Международное право: учебник / под ред. В. Н. Дурденевского, С. Б. Крылова. М.: Юрид. изд-во, 1947. С. 142.

⁴ Гвоздев Ю., Александров Ю. Гренада: терроризм США в действии: Документы, факты, коммент. М.: АПН "Новости", 1983. С. 14.

действия каких-то внутренних движущих сил, а из-за того, что его лелеяло и сознательно культивировало американское правительство, озабоченное сохранением своих позиций в быстро меняющемся мире¹.

В заключение необходимо отметить, что вмешательство США во внутренние дела многих стран, включая Афганистан, сопровождается радикализацией населения, обострением проблем, связанных с

радикальными течениями, являющимися спонсорами международного терроризма.

Несмотря на то, что США в течение 20 лет находились с военными базами в Афганистане, им не удалось изменить ситуацию в стране к лучшему. В очередной раз было доказано, что ни одна власть в этой стране не будет обладать достаточной для стабилизации ситуации легитимностью при условии иностранного военного вмешательства [12, с. 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Цяюй. Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США. М.: МАКС Пресс, 2021. 180 с.
2. Христофоров В. С. Афганская война 1979–1989 гг. в контексте современной борьбы с терроризмом: теоретические уроки и практические выводы // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: мат-лы конф. / отв. ред. Е. Э. Войтишек. Новосибирск, 2018. С. 12–18.
3. Жураев З. А., Жамшидбек Р. Роль и значение геополитики в современных международных отношениях // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2022. С. 160–164.
4. Синчук Ю. В. Российская Федерация в борьбе с международным терроризмом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4. С. 103–117.
5. Емельянов А. И. Особенности геополитических процессов в современной мировой политике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С. 9–21.
6. Красинский В. В. Терроризм 2.0. М.: Юрлитинформ, 2023. 264 с.
7. Христофоров В. С. Взаимоотношения России и Ирана в контексте прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» (2021–2022) // Россия и Иран: пять веков сотрудничества: сб. конф. / отв. ред. А. Б. Безбородов. М., 2022. С. 102–118.
8. Тисен О. Н. Борьба с финансированием терроризма в современных условиях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 335 с.
9. Христофоров В. С. Современная ситуация в Афганистане как идеологический вызов государствам Центральной Азии // Богословское наследие мусульман России: сб. докладов. Т. 1. Болгар, 2022. С. 97–105.
10. Христофоров В. С. Позиция и роль Израиля в Сирийском конфликте // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: мат-лы конф. / гл. ред. А. П. Косов. Витебск, 2020. С. 176–180.
11. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография / под общ. ред. А. В. Возженикова. М.: Изд-во РАГС, 2005. 526 с.
12. Христофоров В. С. Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 55–65.

REFERENCES

1. Kun Cyaoui. (2021). *The fight against international terrorism in the modern political and political discourse of Russia, PRC and USA*. Moscow6 MAKS Press Publ. (in Russ.).
2. Hristoforov, V. S. (2018). Afghan war 1979–1989 in the context of modern counter-terrorism: theoretical lessons and practical conclusions. In: Wojtiszek, E. E., ed. *Topical issues of study of history, international relations and cultures of countries of the East*. Novosibirsk, pp. 12–18 (in Russ.).

¹ Замоиский Л. П. Тайные пружины международного терроризма. М.: Междунар. отношения, 1982. С. 3.

3. Zuraev, Z. A. & Zamshidbek, R. (2022). The role and significance of geopolitics in contemporary international relations. In: Gulyaeva, G. Yu., ed. *Science and education: current issues, achievements and innovations*. Penza, pp. 160–164 (in Russ.).
4. Sinchuk, U. V. (2021). The Russian Federation in the fight against international terrorism. In: *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 4, 103–117 (in Russ.).
5. Emel'yanov, A. I. (2021). Features of geopolitical processes in modern world politics. In: *The Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 1, 9–21. (in Russ.).
6. Krasinskii, V. V. (2023). *Terrorism 2.0*. Moscow: Uritinform Publ. (in Russ.).
7. Hristoforov, V. S. (2022). The relationship between Russia and Iran in the context of the coming to power in Afghanistan of the «Taliban» movement (2021–2022). In: Bezborodov, A. B. *Russia and Iran: five centuries of cooperation*. Moscow, pp. 102–118 (in Russ.).
8. Tisen, O. N. (2024). *Combating the financing of terrorism in modern conditions*. Moscow, UNITI-DANA Publ. (in Russ.).
9. Hristoforov, V. S. (2022). The current situation in Afghanistan as an ideological challenge to the states of Central Asia. In: *Russia's Muslim theological legacy*, 1, 97–105 (in Russ.).
10. Hristoforov, V. S. (2020). Israel's position and role in the Syrian conflict. In: Kosov, A. P., ed. *Current issues of international relations and diplomacy*. Vitebsk, pp. 176–180. (in Russ.).
11. Vshenikova A. V., ed. (2005). *International terrorism: struggle for geopolitical domination*. Moscow: RAGS Publ. (in Russ.).
12. Hristoforov, V. S. (2023). American troops in Afghanistan (2001–2021): can't leave. In: *Russia and the world: scientific dialogue*, 2, 55–65 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларина Факия Шавкетовна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент Государственного университета просвещения, Российского государственного гуманитарного университета, Московского Психолого-Социального Университета, Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;

e-mail: flora.larina@gmail.com, ORCID:0000-0002-3455-7881

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fakiya Sh. Larina (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education, Russian State University for the Humanities, Moscow Psychological and Social University, Moscow University for Industry and Finance "Synergy";

e-mail: flora.larina@gmail.com; ORCID:0000-0002-3455-7881

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-130-142

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

Кожухова К. Е.

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3042

Поступила в редакцию 12.05.2025

После доработки 30.05.2025

Принята к публикации 09.06.2025

Аннотация

Цель. Анализ преемственности американской стратегической культуры в стратегиях национальной безопасности США.

Методы. Специфика исследования обусловила применения контент- и дискурс-анализа этого ряда стратегических документов.

Результаты. Проведённый анализ преемственности стратегий национальной безопасности показал, что во главе угла американской внешней политики стоит доктринальное выражение национальной стратегической культуры вне зависимости от партийной принадлежности администраций и президентов Соединённых Штатов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Систематизированы элементы стратегической культуры США. Предложено использование контент- и дискурс анализа для выявления повторяемости риторики американских документов стратегического планирования. Полученные результаты применимы для прогнозирования внешнеполитического курса США.

Ключевые слова: американоцентризм, внешняя политика, стратегическая культура, стратегия национальной безопасности, США

Для цитирования:

Кожухова К. Е. Преемственность американской стратегической культуры в стратегиях национальной безопасности США // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 3. С. 130–142.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-130-142

Original research article

THE CONTINUITY OF AMERICAN STRATEGIC CULTURE IN U.S. NATIONAL SECURITY STRATEGIES

K. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3042

Received by the editorial office 12.05.2025

Revised by the author 30.05.2025

Accepted for publication 09.06.2025

Abstract

Aim. Analysis of the continuity of the American strategic culture in the national security strategies of the United States.

Methodology. The specifics of the research led to the application of content and discourse analysis of this series of strategic documents.

Results. The analysis of the continuity of national security strategies has shown that the doctrinal expression of the national strategic culture is at the forefront of American foreign policy, regardless of the party affiliation of the administrations and presidents of the United States.

Research implications. Elements of the US strategic culture are systematized. The use of content and discourse analysis is proposed to identify the repeatability of the rhetoric of American strategic planning documents. The results obtained are applicable to forecasting the US foreign policy course.

Keywords: americanocentrism, foreign policy, strategic culture, national security strategy, USA

For citation:

Kozhukhova, K. E. (2025). The continuity of American strategic culture in U.S. national security strategies. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 130–142

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-3-130-142

Введение

Американская стратегическая культура, являясь сложным политическим феноменом, отражающим идейно ориентированный внешнеполитический взгляд Соединённых Штатов Америки на решение проблем государственной безопасности, восприятие угрозы, убеждения о природе силы для оперативного реагирования на возникающую острую международную ситуацию, создаётся ценностной матрицей американского социума, который сосредоточен на постулатах избранности Штатов, концепции исключительности, мессианства и, как следствие, военного и технологического первенства и мирового лидерства [1; 2].

Целью исследования является выявление преемственности американской стратегической культуры путём анализа сущности и содержания Стратегий национальной безопасности Соединённых Штатов Америки с 1987 г. Подобная обширная выборка документов обусловлена необходимостью изучения влияния партийной принадлежности президента

США на особенности проведения внешнеполитического курса Штатов в условиях разного рода вызовов на международно-политической арене. Методологически работа строится на обосновании элементов стратегической культуры США в Стратегиях национальной безопасности с опорой на теорию американского политолога М. Кросстона о «Евангелии процветания»¹, детерминирующую основные столпы американской стратегической культуры. Кроме того, изучение ценностных оснований во внешней политике США вызвали необходимость обратиться к трудам отечественных американистов О. П. Иванову [10], Т. А. Шаклеиной [4], Ю. В. Боровского [8], Е. В. Ананьевой [7], Е. Г. Пономаревой, А. Г. Самсонова [6] для более чёткой иллюстрации сущности американской стратегической

¹ Crosston M. The Prosperity Gospel in American Strategic Culture: A Unique Defense Problem [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/the-prosperity-gospel-in-american-strategic-culture-a-unique-defense-problem/> (дата обращения: 03.05.2025).

культуры. Работа с официальными документами предопределила использование качественного контент- и дискурс-анализа для поиска единых «наследуемых» смыслов и векторов американской политической риторики.

Деструктивность американской стратегической культуры обусловлена сочетанием строительства подобию либерального мирового порядка, основанного на действиях международно-политических институтов, которые придерживаются правил игры, инициированных Соединёнными Штатами Америки. Данные правила учитывают интересы лишь американцев и их сателлитов и не предусматривают равноправное существование остальных государств в системе международных отношений. Преимущество американской стратегической культуры наблюдается в Стратегиях национальной безопасности США, которые выпускаются с приходом к власти каждого нового президента, республиканца или демократа, адаптируясь к международно-политическим реалиям нового президентского срока, но не меняя основную риторику и модель ментального понимания.

Элементы стратегической культуры США

Прежде всего, необходимо сфокусироваться на политической декларации позиции США относительно своего места в мире. В случае Соединённых Штатов позиция в мировом порядке декларировалась ещё со времен президента В. Вильсона – «Америка превыше всего» (*America First*). Данный лозунг был придуман Вильсоном в 1916 г. в ходе предвыборной кампании и обозначает американскую исключительность и изоляционизм от войн, которые не затрагивают интересы США. Позже данный лозунг использовал в своей кампании Д. Трамп, оправдывая выход Америки из ряда международных договоров и организаций¹.

¹ Как США выходили из международных соглашений при администрации Дональда Трампа //

Данный американоцентристский тезис не теряет своей актуальности и сейчас. Так, на сайте посольства и консульств США в Российской Федерации можно обнаружить целый раздел, посвящённый внешней политике США по принципу «Америка превыше всего». В качестве цели внешней политики посольство и консульства США обозначают «принцип “мир через силу”, который сделает возможным стабильный, более спокойный мир с меньшим количеством конфликтов и более широким взаимопониманием»². Тревожность от реализации политики американцами «мира через силу» отметил в своей статье и министр иностранных дел России С. В. Лавров, подчеркнув, что в настоящее время США игнорируют принципы построения международных отношений под эгидой ООН [3]. Данный алармизм вполне справедлив, т. к. если в 2017 г. «мир через силу» был адресован исламскому терроризму, то в настоящий момент стратегическим противником США может стать любой субъект международных отношений, «нарушающий» безопасность и интересы Штатов, которые периодически распространены по всему миру.

В целом, продолжая данный сюжет, отметим, что, как утверждает профессор национальной безопасности Государственного университета Боуи М. Кросстон, американская стратегическая культура опирается на «Евангелие процветания», суть которой можно свести к тому, что положение, поведение, ценности и интересы общины приводят к достижению ей уникального преимущества. Связующим элементом стратегической культуры и процветания американский учёный ставит оборонное сообщество Соединённых Штатов. Кросстон выражает сущность

ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/10068059> (дата обращения: 03.05.2025).

² Внешняя политика по принципу “Америка прежде всего” // Посольство и консульства США: [сайт]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/america-first-foreign-policy-ru/> (дата обращения: 03.05.2025).

стратегической культуры своей страны через 5 элементов, которые он весьма непатриотично называет проблемами. Он остроумно комментирует, что «соответствие этих проблем стратегической культуре вовсе не рассматривалось как пагубное, скорее, они представляют собой постоянные аспекты американской стратегической культуры, которые обычно восхваляются как оправданные и приводящие к наилучшим сценариям»¹, с чем нельзя не согласиться.

Пять основных элементов-проблем американской стратегической культуры по М. Кросстону²:

1. *Американская доктрина стратегической культуры и процветания означает, что Соединённые Штаты имеют право накапливать оборонные ресурсы, намного превосходящие возможности любой другой страны.* Американская стратегическая культура, которая всегда продвигала идею о том, что если правильная сила делает правильной, то, следовательно, *большая сила делает США только более правыми, т. е. более безопасными и доминирующими.* Как комментирует видный отечественный американист Т. А. Шаклеина, Америка стала полагаться почти исключительно на концепции материального превосходства, огневой мощи и подавляющей огромной силы: то, что, возможно, исторически было оперативным приоритетом, построенным на страхе и чувстве незащищённости, развилось и выросло в основной философский принцип, лежащий в основе всей стратегической культуры американской национальной безопасности [4]. Одновременно в американской стратегической культуре развилась атмосфера морального превосходства, поскольку она подталкивала к оправданию и рационализации

необходимости поддержания такого подавляющего доминирования.

2. *Американская доктрина стратегической культуры и процветания считает соперничество и конкуренцию «грехом», который следует искоренить из системы.* Любые другие веры или конфессии, предлагающие критику или пытающиеся соперничать с американским авторитетом, считаются буквально действующими против воли Бога, вера в непогрешимую американскую стратегическую культуру, оправдывающая то, что часто рассматривается во всём мире как высокомерная бессердечность, которая, как пишет О. В. Приходько, и формирует политическое высокомерие и усиливает соперничество вместо того, чтобы должным образом его деэскалировать [5].

3. *Помощь, оказываемая через американскую доктрину стратегической культуры и процветания, создаёт предопределённое международное лидерство над союзниками.* Высокомерное пренебрежение оппонентами иногда приводило США к более сложной геометрии конфликта, невозможно позволить другим занимать равное положение в структурах альянса: поскольку Стратегия национальной безопасности в Америке всегда, в глубине души, стремится извлечь мир от тирании и позволить свободе процветать для всех народов, вполне естественно и правильно, что Соединённые Штаты являются бесспорным лидером в группе только символических равных. Соединённые Штаты искренне верят, что их готовность стать фактическими «глобальными полицейскими силами», их вклад в виде личного состава и материальных средств, который всегда затмевает вклад других стран, и их способность предоставлять наибольшее количество физических сил для конфликтов – всё это означает, что они априори являются «лидером номер один», что исследуется в рамках американской концепции политической войны российскими международниками Е. Г. Пономаревой и А. Г. Самсо-

¹ Crosston M. The Prosperity Gospel in American Strategic Culture: A Unique Defense Problem [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P2StF> (дата обращения: 03.05.2025).

² Там же.

новым [6]. Как подмечал русский генерал А. Е. Вандам: «Плохо иметь англосакса врагом, но ещё хуже иметь его другом»¹.

4. *Политические ценности американской доктрины стратегической культуры и процветания создают самогенерируемую «силовую сущность» национальной безопасности, которая, по сути, ведёт к глобальной безопасности, если сохраняется гегемония США.* Соединённые Штаты имеют подавляющее материальное и технологическое оборонное превосходство и, таким образом, получают глобальную гегемонию, но в то же время американская глобальная гегемония требует, чтобы США имели подавляющее материальное и технологическое оборонное превосходство, Америка считает: что хорошо для неё самой, хорошо и для мирового общества в целом. Таким образом, если вы не действуете и не соглашаетесь с Соединёнными Штатами, то вы не маневрируете против одной страны, вы буквально движетесь против того, что правильно для мира, что видно на примере Великобритании в [7].

5. *Вера в моральную уверенность американской доктрины стратегической культуры и процветания означает, что международные дипломатические подходы или цели должны вытекать из интерпретаций США:* вера в свою собственную моральную уверенность создаёт поведение, подкреплённое интенсивным дипломатическим давлением [8], которое в конечном итоге может перерасти в повышенные конфликты, требующие большего участия в обороне.

В качестве промежуточного вывода отметим, что носитель американской стратегической культуры – «оборонное сообщество», по концепции Кросстона, находится в подчинённом состоянии у американского политического истеблиш-

мента, отвечающего за выработку и принятие внешнеполитических решений. Их синергия даёт особое понимание места США в современной системе международных отношений и методах, допустимых к применению для стабилизации американского международного статуса. При этом американское экспертное сообщество неоднозначно трактует линию «Америка превыше всего», т. к. реализация данного постулата достигается любыми средствами, в т. ч. с низкой моральной ответственностью, что возвращает отношение к вооружённым силам к временам написания Конституции США.

В целом, основными идеологическими характеристиками, которые пронизывают и институты американской стратегической культуры, являются военное превосходство, американская глобальная доминация, роль патрона в отношениях с союзниками, парадокс гегемонии США исключительно через силу, моральное превосходство методов США над международно-правовыми практиками.

Данный идейный каркас находит своё выражение и преобладание в доктринальных документах, декларирующих позицию США на международной арене, а именно в стратегиях национальной безопасности. Стратегии также появились после реформы Министерства обороны 1986 г., когда Закон Голдуотера-Николса создал новое требование для президента – регулярную разработку Стратегии национальной безопасности, и боевым командирам было предложено вместе с председателем ежегодно давать показания перед Конгрессом по этому документу» [9, с. 21–22], комментируя и необходимый бюджет на оборонный сектор. В связи с данными обстоятельствами возникает необходимость дискурсивного и контент-анализа всех стратегий национальной безопасности², выходявшие с 1987 г. с администрации президента Р. Рейгана.

¹ Плохо иметь англосакса врагом, но еще хуже иметь его другом. К 110-летию начала Первой мировой войны // Международная жизнь: [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/46904> (дата обращения: 07.05.2025).

² National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P2Sq5> (дата обращения: 07.05.2025).

Стратегии национальной безопасности и американская стратегическая культура

Стратегии национальной безопасности США публиковались в 1987, 1988 (Р. Рейган), 1990, 1991, 1993 (Дж. Буш-старший), 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000 (У. Клинтон), 2002, 2006 (Дж. Буш-младший), 2010, 2016 (Б. Обама), 2017 (Д. Трамп), 2022 гг. (Дж. Байден). Данная периодика показывает, что «учащённый» выпуск стратегий национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. обусловлен турбулентностью мировой системы отношений (распад Советского Союза, война в Персидском заливе, Югославские войны), что вызвало необходимость у политического истеблишмента США в декларации официальной позиции и намерений в международно-политическом поле.

Согласно Закону Голдуотера-Николса 1986 г., все стратегии национальной безопасности имеют относительно фиксированную структуру. Так, обязательными разделами являются вводная часть, посвящённая положению Америки в современном мире и текущим целям национальной безопасности, а также описанию смысла текущей стратегии национальной безопасности, далее представлен раздел об основах национальной безопасности США, включая национальные интересы и угрозы им. Последующие разделы касаются американской внешней политики, включая экономический вектор, географические приоритеты, которые всегда примерно одинаковы: Западное полушарие, Западная Европа, Ближний Восток и Южная Азия, Восточная Азия и Тихий океан, Африка, отличие заключается во включении в географические приоритеты СССР и стран Восточной Европы в период 1987–1990 гг., далее после распада Советского Союза социалистический блок и СССР уже был замещён «строящей демократию» Российской Федерацией и постсоветскими странами. Заключительные

разделы касаются вопросов обороны, мер, которые необходимы для властных структур США для осуществления стратегии, и заключительные положения о перспективах¹. Это обстоятельство позволяет заключить следующее: несмотря на разницу между внешнеполитическими подходами республиканцев и демократов, Закон 1986 г. формирует единый внешнеполитический трек и исключает разные векторы внешней политики. Тем самым принадлежность к определённой партии текущего президента Соединённых Штатов не меняет кардинально общий курс Америки и понимание её места и роли в мировом политическом процессе (табл. 1).

Проведённый анализ показывает, что сквозной идеей стратегий национальной безопасности США является неоспоримое и даже необходимое всей планете лидерство Америки в мировой системе отношений, обусловленное демократическими интересами американцев и всего мира в целом, что соотносится с особенностями американской стратегической культуры, описанными выше. При этом стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов имеют и фиксированное целеполагание, к примеру, общей целью национальной безопасности США после обобщения всех документов можно назвать продвижение демократического образа жизни, который закономерно отражает и американский «дух» гегемонии в международных отношениях. Резюмируя суть национальных интересов США, можно констатировать, что, несмотря на зафиксированном в документах противостоянии сначала с СССР и его социалистическим блоком, потом с нестабильностью международных отношений, а далее с террористическими группировками и «произволом» России, интересы США сводятся к следующим постулатам:

¹ National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 07.05.2025).

Таблица 1 / Table 1

Анализ декларации места США в мире в Стратегиях национальной безопасности США / Analysis of the declaration of the United States' place in the world in US National Security Strategies

Президент и год СНБ	Партия президента	Позиция
Р. Рейган, 1987	Республиканская	«Свобода, мир и процветание... вот для чего нужна Америка... для нас самих, наших друзей и тех людей по всему миру, которые борются за демократию» ¹
Б. Клинтон, 1996	Демократическая	«Эта страна обладает беспрецедентным военным потенциалом: Соединённые Штаты – единственная страна, способная проводить крупномасштабные и эффективные военные операции далеко за пределами своих границ. Этот факт, в сочетании с нашим уникальным положением в качестве предпочтительного партнера в области безопасности во многих регионах, обеспечивает основу для региональной стабильности благодаря взаимовыгодному партнёрству в области безопасности» ²
Дж. Буш-младший, 2002	Республиканская	«Стратегия национальной безопасности США будет основана на ярко выраженном американском интернационализме, который отражает единство наших ценностей и национальных интересов. Цель этой стратегии – помочь сделать мир не только безопаснее, но и лучше» ³
Б. Обама, 2010	Демократическая	«Наш подход начинается со стремления создать более прочную основу для американского лидерства, потому что то, что происходит внутри наших границ, будет определять нашу силу и влияние за их пределами. Эта истина только усиливается в мире, где все взаимосвязано – в мире, где наше процветание неразрывно связано с глобальным процветанием, где события за океаном могут напрямую угрожать нашей безопасности, а наши действия подвергаются тщательному анализу, как никогда ранее» ⁴
Д. Трамп, 2017	Республиканская	«Сильная Америка отвечает жизненным интересам не только американского народа, но и тех людей во всём мире, которые хотят сотрудничать с Соединёнными Штатами в реализации общих интересов, ценностей и устремлений» ⁵
Дж. Байден, 2022	Демократическая	«Во всём мире потребность в американском лидерстве столь же велика, как и когда-либо. Мы находимся в разгаре стратегического соперничества за формирование будущего международного порядка» ⁶

Источник: National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 07.05.2025).

¹ National Security Strategy 1987 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P2TRe> (дата обращения: 07.05.2025).

² National Security Strategy 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3P2TTS> (дата обращения: 07.05.2025).

³ National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf?ver=oyVN99aEnrAWijAc_O5eiQ%3d%3d (дата обращения: 07.05.2025).

⁴ National Security Strategy 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt7IeSPX2uNQit00_7wq6Hg%3d%3d (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ National Security Strategy 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

⁶ National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

1. выживание Соединённых Штатов как свободной и независимой нации с сохранением её фундаментальных ценностей и институтов;

2. здоровая и растущая экономика США;

3. рост свободы, демократических институтов и рыночной экономики во всём мире, связанных справедливой и открытой международной торговой системой;

4. стабильный и безопасный мир, свободный от серьёзных угроз интересам США;

5. здоровье и энергичность союзнических отношений США¹.

Данные интересы для процветания США, согласно идеям стратегий национальной безопасности, необходимо поддерживать стабильностью мирового порядка. Именно поэтому американский истеблишмент как «выразитель» стратегической культуры ставит военное превосходство в качестве краеугольного камня американской безопасности, как, например, было отмечено в Стратегии 2015 г.: «Чтобы сохранить наше военное превосходство и боеготовность, мы будем продолжать настаивать на реформах и необходимых инвестициях в наши вооружённые силы и их семьи»². Подобные тезисы возвращают нас к аргументам международника М. Кросстона, который акцентировал внимание на таком элементе-проблеме американской стратегической культуры как *ревностное отношение к многополярному миру и конкуренции за мировое господство*.

Необходимо упомянуть декларацию оправдания использования вооружённых сил. Как отражено в стратегии 1996 г.: «Существуют 3 основные категории национальных интересов, которые могут оправдать применение наших вооружё-

ных сил. Первый касается жизненно важных интересов Америки, т. е. интересов, которые имеют широкое, первостепенное значение для выживания, безопасности и жизнеспособности нашего национального образования – защиты территории США, граждан, союзников и экономического благополучия... Ко второй категории относятся случаи, когда ставятся под угрозу важные, но не жизненно важные интересы США... Третья категория включает в себя прежде всего гуманитарные интересы... Таким образом, решение о том, следует ли и когда применять силу, продиктовано прежде всего нашими национальными интересами. В тех конкретных областях, где на карту поставлены наши жизненные интересы или выживание, применение силы будет решающим и, при необходимости, односторонним. В других ситуациях, представляющих менее непосредственную угрозу, наше военное вмешательство должно быть целенаправленным и выборочным»³.

В этой связи небезынтересно проанализировать установки применения военной силы и присутствия за рубежом в американских стратегиях (табл. 2).

Данный контент-анализ выявил, что применение военной силы и размещение американских войск в разных регионах мира обозначает необходимость в демонстрации военного превосходства США для обеспечения своих национальных интересов именно силовым путём. Кроме того, военное превосходство позволяет быть лидером даже среди «друзей» и союзников, а также глобальная безопасность достижима только при соблюдении американских правил игры и при допущении мировым сообществом легитимного военного вмешательства США [10]. При этом интерпретацию «дипломатических» методов Соединённых Штатов можно свести к их второй поправке к

¹ National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 07.05.2025).

² National Security Strategy 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2015.pdf?ver=TJJ2QfM0McCqL-pNtKhTVQ%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

³ National Security Strategy 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1996.pdf?ver=4f8riCrLnHIA-H0itYUp6A%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

Таблица 2 / Table 2

Декларация применения военной силы и развертывания войск за рубежом в американских стратегиях национальной безопасности / Declaration of the Use of Military Force and the Deployment of Troops Abroad in American National Security Strategies

Год	Опорные положения
1987	«Наша стратегия национальной безопасности, глобальные цели и характер угрозы требуют, чтобы мы были готовы защищать наши интересы как можно дальше от Северной Америки. Соответственно, наша стратегия в значительной степени опирается на передовое развертывание боеспособных сил, подкреплённое прочными союзническими отношениями. В поддержку этих отношений мы продолжим осуществлять в мирное время крупное передовое развертывание сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Европе, Атлантическом и Тихом океанах, а также другие виды развертывания в Западном полушарии и Индийском океане» ¹
1988	«Дополнительным преимуществом американской оборонной политики является то, что Соединённые Штаты не стремятся противостоять угрозе со стороны Советского Союза без посторонней помощи. Для сдерживания необходима система мощных альянсов, и наиболее важным из них является НАТО. Соединённые Штаты вносят свой вклад в сдерживание НАТО несколькими способами. Наиболее заметным из них является размещение в мирное время более 300 000 военнослужащих на территории Североатлантического союза. Такое значительное присутствие американских войск даёт понять, что невозможно атаковать союзника по НАТО без одновременного задействования всей военной мощи Соединённых Штатов» ²
1996	«Военный потенциал США имеет решающее значение для успеха нашей стратегии. Страна обладает беспрецедентным военным потенциалом: Соединённые Штаты – единственная страна, способная проводить крупномасштабные и эффективные военные операции далеко за пределами своих границ. Вооружённые силы США также должны быть развернуты в ключевых зарубежных регионах в мирное время для сдерживания агрессии и продвижения стратегических интересов США. Такое зарубежное присутствие демонстрирует нашу приверженность союзникам и друзьям, обеспечивает стабильность в регионе, знакомит нас с условиями проведения операций за рубежом, способствует совместной подготовке вооружённых сил дружественных стран и обеспечивает возможности своевременного первоначального реагирования» ³
1997	«Вооружённые силы США предотвращают и сокращают масштабы широкого спектра потенциальных конфликтов в ключевых регионах. Примером такой деятельности является наше развертывание в бывшей Югославской Республике Македонии с целью предотвращения распространения насилия в этой стране» ⁴
1998	«Мы всегда должны быть готовы действовать в одиночку, когда это наиболее выгодно для нас (курсив автора – К.Е.). Но многие из наших целей в области безопасности лучше всего достигаются – или могут быть достигнуты – только с помощью наших альянсов и других официальных структур безопасности или в качестве лидера специальной коалиции, сформированной вокруг конкретной цели» ⁵

¹ National Security Strategy 1987 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1987.pdf?ver=FUZbPLy3ZDfa4UTDpMkNzw%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

² National Security Strategy 1988 // history.defense.gov, 2025. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1988.pdf?ver=uXpmo-mT0TKzq2Ut6PmfjA%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

³ National Security Strategy 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1996.pdf?ver=4f8riCrLnHIA-H0itYUp6A%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

⁴ National Security Strategy 1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1997.pdf?ver=2whGiEUyIceAyme45GiJzA%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ National Security Strategy 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1998.pdf?ver=zl1p-sJtgDvXOM01YVnfqA%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

1999	«Сохранение нашего присутствия за рубежом способствует региональной стабильности, придаёт значимость нашим обязательствам в области безопасности, помогает предотвратить возникновение вакуума власти и нестабильности и способствует сдерживанию, демонстрируя нашу решимость защищать интересы США, союзников и дружественных стран в критически важных регионах. Размещение боевых сил передового базирования в мирное время также улучшает позиции Соединённых Штатов Америки, чтобы быстро реагировать на кризисы» ¹
2000	«Активная дипломатия имеет решающее значение для укрепления нашей национальной безопасности. Работа наших представительств по всему миру выполняет ряд определяющих функций. Поддержание нашего присутствия за рубежом расширяет наше понимание военных событий в различных регионах мира. Соответствующие наблюдения дополняют наше более широкое геополитическое понимание потенциальных зон нестабильности или угроз нашим национальным интересам и помогают выбрать оптимальный путь реагирования: дипломатический, экономический или военный» ²
2002	«Североатлантический союз должен быть способен действовать везде, где возникает угроза нашим интересам, создавая коалиции в соответствии с собственным мандатом НАТО, а также внося свой вклад в коалиции, основанные на миссиях... использовать технологические возможности и экономию за счёт масштаба в наших оборонных расходах для преобразования вооружённых сил НАТО таким образом, чтобы они доминировали над потенциальными агрессорами и уменьшали нашу уязвимость» ³
2010	«Национальная безопасность Америки зависит от этих энергичных альянсов, и мы должны привлекать их в качестве активных партнёров к решению глобальных и региональных задач в области безопасности и использованию новых возможностей для продвижения общих интересов. Например, мы поддерживаем тесное и регулярное сотрудничество с нашими близкими союзниками – Великобританией, Францией и Германией – по вопросам, представляющим взаимный и глобальный интерес» ⁴
2015	«Американское лидерство – это глобальная сила добра... На правительстве Соединённых Штатов нет большей ответственности, чем защита американского народа. Тем не менее наши обязательства не заканчиваются на наших границах. Мы принимаем на себя ответственность за обеспечение международной безопасности, потому что это служит нашим интересам, подтверждает наши обязательства перед союзниками и партнёрами и устраняет угрозы, которые носят поистине глобальный характер... Это также требует создания глобальной системы безопасности, при которой наши уникальные возможности будут использоваться в рамках различных международных коалиций и в поддержку местных партнёров» ⁵
2017	«Сильная Америка отвечает жизненным интересам не только американского народа, но и тех людей во всём мире, которые хотят сотрудничать с Соединёнными Штатами в реализации общих интересов, ценностей и устремлений... Борьба за влияние вечна. Она существует в разной степени и на разных уровнях интенсивности на протяжении тысячелетий. Геополитика – это взаимодействие этих соперничеств по всему миру» ⁶

¹ National Security Strategy 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1999.pdf?ver=SL0909OTm5lAh0LQWBrRHw%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

² National Security Strategy 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=vuu1vGIkFVV1HusDPL21Aw%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

³ National Security Strategy 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2002.pdf?ver=oyVN99aEnrAWijAc_O5eiQ%3d%3d (дата обращения: 07.05.2025).

⁴ National Security Strategy 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt7leSPX2uNQt00_7wq6Hg%3d%3d (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ National Security Strategy 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2015.pdf?ver=TJJ2QfM0McCqL-pNtKHtVQ%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

⁶ National Security Strategy 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (дата обращения: 07.05.2025).

Окончание табл. 2

2022	«Боеспособные вооружённые силы являются основой сдерживания и способности Америки одержать победу в конфликте. Мы модернизируем объединённые силы, чтобы они были смертоносными, стойкими, устойчиво функционирующими, живучими, манёвренными и быстро реагирующими, уделяя приоритетное внимание оперативным концепциям и обновлённым боевым возможностям. Война на Украине подчёркивает важность мощной оборонно-промышленной базы для Соединённых Штатов, их союзников и партнёров. Она должна быть способна не только быстро создавать проверенные средства, необходимые для защиты от агрессии противника, но и внедрять инновации и творчески разрабатывать решения по мере изменения условий боя» ¹
------	---

Источник: National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 07.05.2025).

Конституции и праву на самооборону – в любого, кто без ведома хозяина заходит в жилище, можно стрелять на поражение², что и декларируется в проанализированных выше доктринальных документах.

Заключение

Подводя итоги анализа стратегий национальной безопасности США, необходимо отметить, что американская стратегическая культура проявляется в обозначенных документах как трансляция следующих постулатов: мессианская роль США на мировой арене, приоритет распространения демократии во всех странах мира, создание подконтрольного Америке миропорядка, повсеместная включённость США в региональные политические процессы, диверсифицированность национальных интересов и приоритетов внешней политики, возможность применения военной силы в случае необходимости поддержания «глобальной миссии» США.

С теоретической и практической точек зрения, проведённое исследование позволило имплементировать теорию элементов американской стратегической культуры М. Кросстона в анализ

ключевого геополитического документа Соединённых Штатов Америки – Стратегии национальной безопасности. Данная синергия позволяет обосновать доктринальные выражения американской стратегической культуры как декларацию оснований практики американской внешней политики, что впоследствии выражается в реализации американского внешнеполитического курса.

Таким образом, доктрина как «голова» американского Голиафа управляет военной силой «рук» в виде военного сообщества США, и зачастую необходимый для внешнеполитического курса результат идёт вразрез со всеми общепринятыми моральными и этическими международными нормами. Декларация американской доминации безусловного лидерства и патронажа над всем миром прослеживается в преемственности структуры и содержания стратегий национальной безопасности, которые будучи центральным геополитическим документом в области внешнеполитической деятельности США выражают намерения государства относительно будущего курса внешней политики и позиции страны по тем или иным международным вопросам.

¹ National Security Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

² Дело об убийственной самообороне // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2458070> (дата обращения: 07.05.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозёров В. К. Система ценностей и оборона страны // Место и роль армии в российском обществе: социологический анализ: мат-лы конф. / под ред. В. И. Добренкова. М.: КДУ, 2007. С. 146–159.
2. Белозёров В. К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1. С. 126–134.
3. Лавров С. В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–58. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-51-58
4. Шаклеина Т. А. Соединенные Штаты Америки в XXI веке: утопия и реальность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4. С. 55–64.
5. Приходько О. В. Стратегия США относительно соперничества великих держав // США и Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 2. С. 10–24.
6. Пономарева Е. Г., Самсонов А. Г. Политическая война: теория и практика глобального доминирования США // Обозреватель. 2025. № 1. С. 29–42. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_1_29
7. Ананьева Е. В. Британия между Европой и США // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 1. С. 7–19. DOI: 10.18254/S207054760017769-2
8. Боровский Ю. В. Взгляд наступательного реализма и либерализма на внешнюю политику США // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 21–35. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03
9. Бондаренко О. В. Стратегия национальной безопасности США: между геополитической манией и фобией // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: мат-лы конф. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 19–28.
10. Иванов О. П. Американская стратегия сдерживания США в условиях перехода к полицентричному миру. Инструмент политики глобального доминирования // Обозреватель. 2025. № 1. С. 6–14. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_1_6

REFERENCES

1. Belozеров, V. K. (2007). The system of values and the country's defense. In: Dobrenkova, V. I. *The place and role of the army in Russian society: sociological analysis*. Moscow, KDU Publ. (in Russ.).
2. Belozеров, V. K. (2015). The origins and prospects of the global American project. In: *Problem analysis and public administration design*, 1, 126–134 (in Russ.).
3. Lavrov, S. V. (2025). The UN Charter should become the legal foundation of a multipolar world. In: *Russia in global politics*, 23(2), 51–58. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-51-58 (in Russ.).
4. Shakleina, T. A. (2024). The United States of America in the 21st Century: Utopia and Reality. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4, 55–64 (in Russ.).
5. Prikhodko, O. V. (2025). US Strategy Regarding Great Power Rivalry. In: *USA and Canada: Economy, Politics, Culture*, 2, 10–24 (in Russ.).
6. Ponomareva, E. G. & Samsonov, A. G. (2025). Political War: Theory and Practice of US Global Dominance. In: *Observer*, 1, 29–42. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_1_29 (in Russ.).
7. Ananyeva, E. V. (2025). Britain between Europe and the USA. In: *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, 1, 7–19. DOI: 10.18254/S207054760017769-2 (in Russ.).
8. Borovsky, Yu. V. (2024). The View of Offensive Realism and Liberalism on US Foreign Policy. In: *Polis. Political Studies*, 1, 21–35. DOI: 10.17976/jpps/2024.01.03 (in Russ.).
9. Bondarenko, O. V. (2017). US National Security Strategy: Between Geopolitical Mania and Phobia. In: *Problems of Ensuring National Security in the Context of Changing Geopolitical Situation*. Irkutsk, Baikal State University Publ., pp. 19–28 (in Russ.).
10. Ivanov, O. P. (2025). American Strategy of Containing the United States in the Context of Transition to a Polycentric World. Instrument of Global Domination Policy. In: *Observer*, 1, 6–14. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_1_6 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна (г. Москва) – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru. 89175542480; ORCID: 0000-0002-1725-3042

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kira E. Kozhukhova (Moscow) – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University;

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru. 89175542480; ORCID: 0000-0002-1725-3042

[illegible]

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. № 3

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11,25.

Подписано в печать: 25.09.2025 г. Дата выхода в свет: 29.09.2025 г. Заказ № 2025/09-18.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А